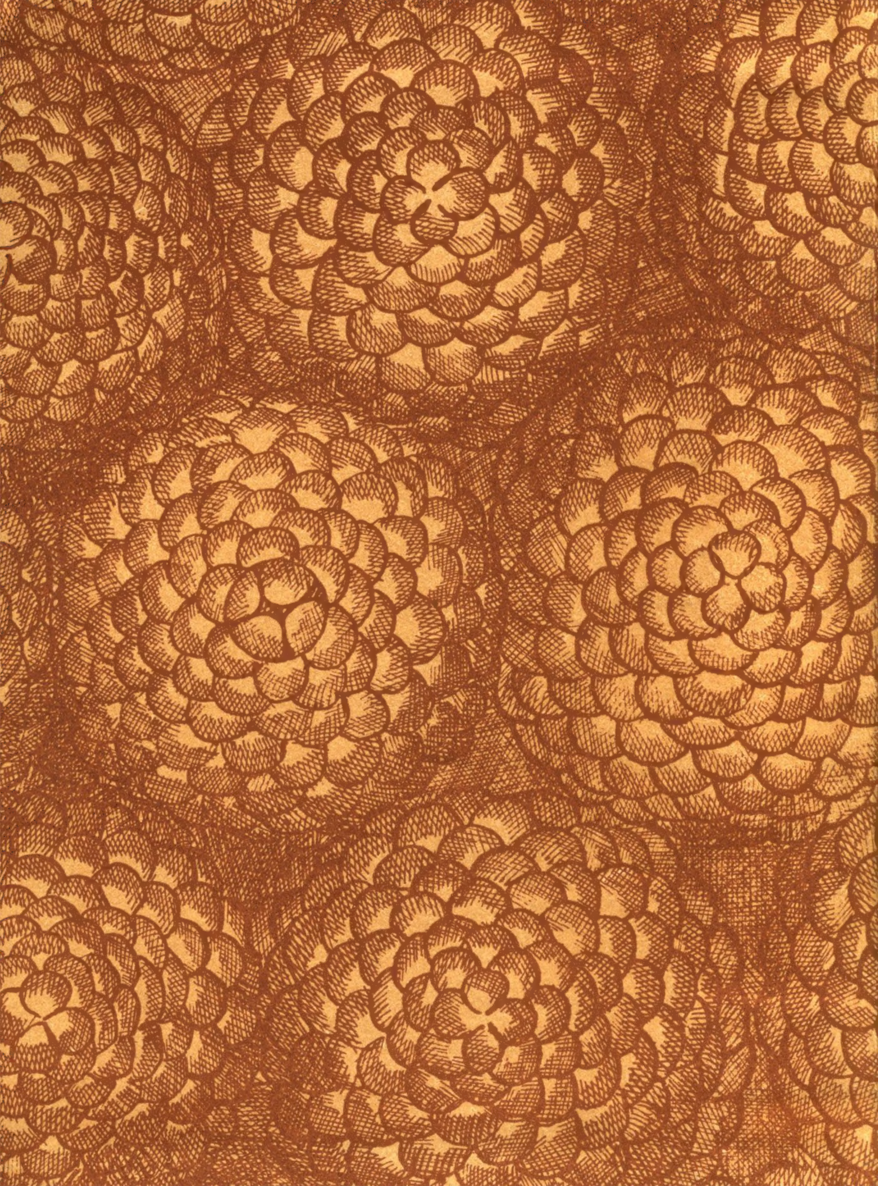
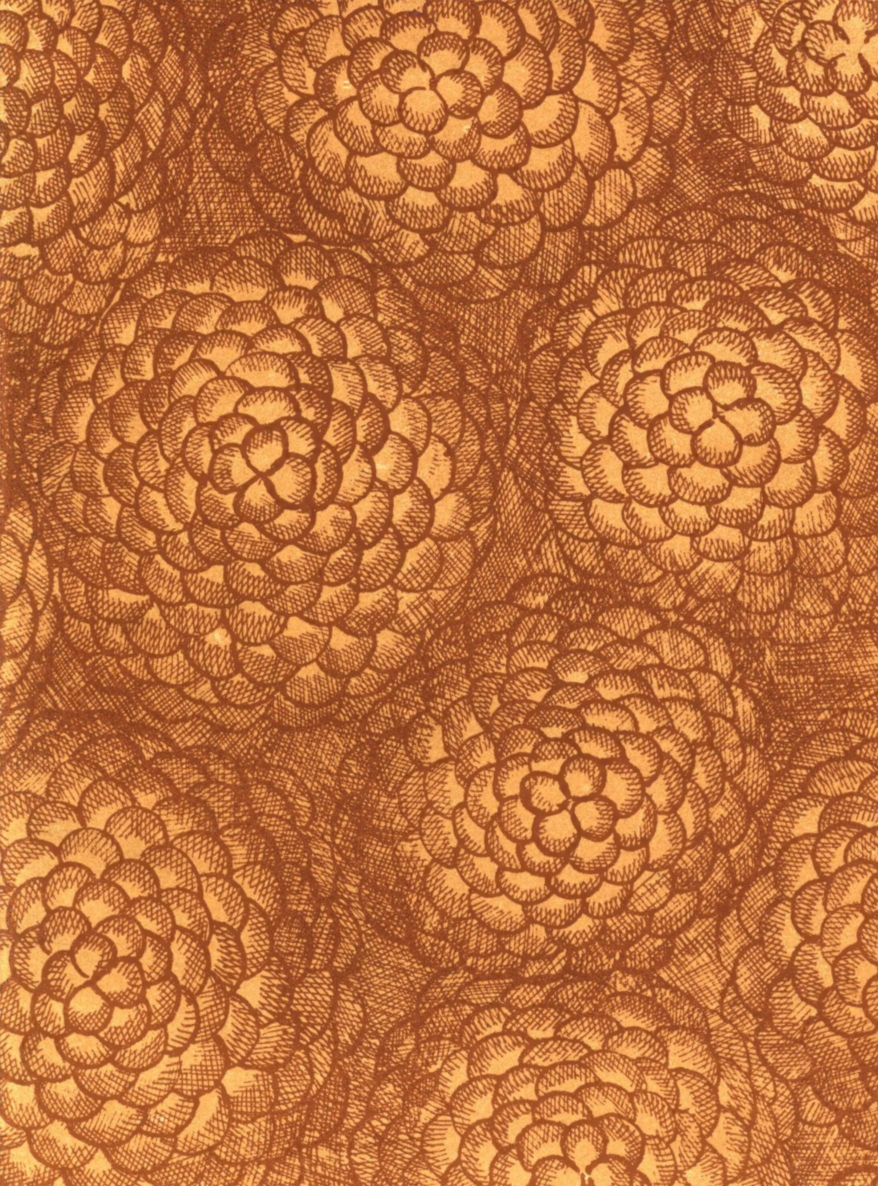

Леонид Федоров

КОНЕЦ ГИБЛОЙ ЕЛАНИ

Леонид Федоров

КОНЕЦ ГИБЛОЙ ЕЛАНИ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1978

Р2
Ф33

Ф $\frac{70803-080}{М158(03)-78}$

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

За окном только начался серый рассвет, когда Севка проснулся от треска будильника. Очень хотелось спать. Вчера поздно вернулся с танцев — провожал Ингу. У самого дома трое леспромхозовских ребят пытались наломать ему шею: «Не ходи с нашими девками!» Хорошо, что силенкой в батю пошел, а то за милую душу накостыляли бы.

Севка пощупал опухшее ухо и поморщился. Нехотя слез с полатей, включил свет, заглянул в горенку, где спали родители, и присел к столу. Наскоро выпил кружку молока, съел яишенку, приготовленную матерью с вечера, и, стараясь не шуметь, стал собираться.

В кухне натянул брезентовую куртку, поглядывая в зеркало, надел фуражку с морским «крабом» и, взяв чемоданчик, шагнул за порог.

На крыльце его охватила промозглая сырость. Все кругом затянул густой туман. Несколько дней перед этим стояло ненастье; дожди лили как из решета, упругие и холодные. Только со вчерашнего вечера прояснило, а перед утром незваным гостем пожаловал туман.

Шлепая по грязи, Севка спустился к реке. Где-то близко у перевоза, невидимые в туманной пелене, ржали кони, скрипели колеса телег, доносились приглушенные голоса, смех, ругань.

«Шишкари с промысла возвращаются!» — догадался Севка и позавидовал: домой едут, а он к черту на рога отправился, да еще в этакую погоду! Неделю, а то и больше, проездит.

А ехать нужно. Груз срочный: приборы и горючее для движка. Не завезешь — радиостанция замолчит, сводки по-

годы не будут поступать. Да, дела! Севка поскользнулся и чуть не угодил в лужу. Помянул черта, и вроде на душе стало легче.

На берегу туман еще гуще. Севка еле разглядел плотик, привязанный к большой, склонившейся над водой ветле. Возле плота темнел силуэт катера. Осторожно ступая по осклизшим бревнам, подошел к воде, любовно осмотрел суденышко с выведенным на борту названием: «Бригантина». Окинул взглядом палубу — привязанные бочки с горючим, ящики с надписью: «Не кантовать!» — и остался доволен. Поставил чемоданчик в ноги и, сложив ладони рупором, рявкнул так, словно катер находился от него на версту:

— Эй! На корабле! Спустить трап!

На катере послышался шорох, и откуда-то из-за ящика высунулось заросшее седой щетиной лицо.

— А-а! Капитан пожаловал! — в голосе говорившего звучала дружеская насмешка. — Докладываю: на судне полный порядок, команда на месте, к поднятию якоря готовы!

Севка поднялся на борт, проверил крепление груза на палубе. Немного пошумел для порядка и прошел в рубку.

Маленькое, тесное помещение сверкало чистотой, стекла протерты, две узкие койки в углу заправлены по-солдатски аккуратно. На небольшом столе карта реки и потрепанный гидрографический справочник. В простенке, повыше штурвала, укреплен компас — подарок механика с аэродрома. Компас этот был вечным соблазном для моториста Антоныча. Поглядывая на плавающую в пластмассовом корпусе картушку, моторист причмокивал от вожделения и не раз предлагал:

— Давай, Северьян Егорыч, вскроем струмент, для реки он все едино негож, а в ем чистейший спиртец находится. Выпьем, а заместо его водицы нальем. Не все равно, в какой жидкости энтой картушке вертеться!

От таких разговоров Севка свирепел и, задыхаясь от возмущения, кричал:

— Компас загубить? А корабль как без него обходиться будет? Подумал ты своей головой или нет?

Катером своим Севка гордился и называл не иначе, как кораблем. И название придумал ему гордое: «Бригантина». Звучит! Это тебе не какой-то инвентарный номер, намалеванный на корме. От «Бригантины» веет романтикой, необъятными морскими просторами и крепкими штормами.

В крови, что ли, у них, Устюжаниных, эта тяга к дальним дорогам? Еще в древние годы осел в Прикамье какой-то беглец с Устюга. Потомки его, кроме льняных волос да богатырского роста, ничего не унаследовали от новгородского ушкуйника. Перебивались с редьки на квас, но хозяйством не обрастали. Не сиделось на месте, испокон веков гоняли по Каме и Вишере плоты. Быть бы и Севке плотогоном, да отец, вернувшись с войны, забрал семью и махнул через Каменный Пояс. Устроился в лесничество и вот уже второй десяток лет исправно служит объездчиком. Должность не ахти какая важная, если считать по-военному,— что-то между старшиной и сержантом. Однако сам Егор работу свою считал наиглавнейшей, поскольку охранял лес, а лес и вода, как любил говорить он,— «основа всего, и жизнь наша без них была бы куда как погана!»

Старшие братья у Севки, белоголовые, с пудовыми кулаками детины, живут отдельно своими семьями, работают вальщиками в леспромхозе. Севка, самый младший, выбрал иную дорогу. Поначалу работал с гидрологами, таскал теодолиты, вертушки, похожие на маленькие торпеды, а потом прошел курсы судоводителей и стал возить по уральским рекам забубенную ораву своих бывших наставников.

Сейчас все гидрологические работы закончились. Поздняя осень — унылые будни: катер гоняют по разным хозяйственным делам. Севка вздохнул и выглянул из рубки.

— Во сколь отчаливать будем? — поинтересовался Антоныч.

Севка сдвинул на затылок фуражку, чуточку помедлил с ответом:

— Обождем малость. Ингу с почтой до Кедровки подбросим. Как явится, так и трогать будем!

— В этакую-то муть? Враз в топляки врежемся.

— Скоро развиднеется. Вон на косогоре ели проступать стали.

Севка выбрался на палубу и, облокотившись на бочку, прислушался. С берега, сквозь пелену тумана, послышался чавкающий звук шагов.

— Никак идет!

Он вытащил из кармана ручной фонарик, посигналил на берег. Неясная фигура приблизилась к воде, осторожно ступая по скользким бревнам, двинулась к катеру. У самого борта поскользнулась, и до слуха Севки донесся испуганный девичий вскрик. Прыгнув вперед, он успел подхватить одной рукой пассажирку, а другой на лету поймал выпущенный ею большой брезентовый мешок.

— Ой! И напугалась же я! — еле перевела дыхание Инга, очутившись на катере.

— Тут хоть неглубоко, а вымокла б до нитки. Смотреть надо под ноги.

— Смотреть, смотреть. Что в такой темени разберешь? Ты бы, сухопутный моряк, хоть посветил немного, а то наугад шагать приходится.

Инга присела на ящик и засмеялась.

— Смеешься? — раздался рядом скрипучий голос Антоныча.— Нырнула бы, тожно мы хохотом по тебе исходить стали б.

Туман наконец начал таять. Сначала сквозь белесую мглу проступили темные пятна приземистых домов, лепившихся вдоль берега. Затем — колокольня старой церквушки, превращенной в пожарную вышку. А вот уже сверкнула холодная просинь неба, такая яркая, что взглянешь и невольно зажмуришься от режущей глаза ясности. Только в суровых северных краях бывает осенями такое небо, чистое и прозрачное, подсиненное наступающими холодами.

Севка, устроив Ингу в уголке рубки, вышел на палубу.

Заглянул под тент, где Антоныч, сидя на корточках, священнодействовал с масленкой возле мотора.

— Давай запускай! — Севка хмуро осмотрел небо. Почему-то до смерти не захотелось ехать. Он уже взялся за чалку, когда с берега послышался крик, и увидел спешащих к причалу двух человек. Рядом с ними, заложив колечком хвост, бежала крупная пестрая лайка.

— Кто бы это? — подумал Северьян. И только когда люди вбежали на плотик, узнал Ефима Лихолетова, пожилого охотника-промысловика, и заготовителя сельпо Пантелея Евсюкова, прозванного за неистребимую страсть к болтовне «Боталом». Тощий, с узким лисьим лицом, рядом с кряжистым охотником заготовитель выглядел совсем мальчишкой, хотя был мужиком в годах.

— Сделай милость,— сдернув с головы треух, чуть задыхаясь от бега, попросил Лихолетов,— добрось до Журавлевой курьи. Припозднился я ноне с хозяйством, а тут промысел на носу. Надо зимовье подправить да плашек на куницу изладить.

— А меня, Северьян Егорыч, до Кедровки! — тенорком пропел Евсюков.

— Ехали бы рейсовым. У меня гляди, сколько груза!

— Рейсовый-то катер еще когда пойдет, а нас, сам знаешь, день кормит. Подвези, а! Как-нибудь сочтемся. А что места нет, так мы и на палубе доедем.

— Ставь пол-литру, с ветерком прокатим! — ухмыльнулся подошедший Антоныч.— Аж дух захватит!

— Да за чем дело стало! Это мы с превеликим нашим удовольствием!

Севка круто повернулся к Антонычу:

— Ты что болтаешь? Спишу на берег, если еще такое услышу.

— Так я же шутейно! — начал оправдываться моторист. Но Севка уже не слушал его.

— Ладно, так и быть — садитесь. Только собаку привяжи, а то она у Антоныча последние штаны распластает.

Обрадованный Ефим мигом перевалился через борт, выбрав свободное место, скинул с плеч винтовку и крошни с привязанным грузом.

— Вот тут я и буду!

Вслед за ним вскарабкался и Евсюков. Обшарил глазами палубу и примостился в сторонке.

Севка еще раз по-хозяйски осмотрел свое судно и направился в рубку, кинув мотористу:

— Поехали!

Антоныч вытер ладони ветошью и рывком запустил мотор. Словно пулеметная очередь разорвала утреннюю тишину. Затем мотор несколько раз чихнул и загудел ровно, могуче. Чуть оседая на корму, катер рванулся вперед, вспенивая воду.

Севка вел катер осторожно, посматривая по сторонам. В воде то и дело виднелись сгнившие сваи, затянутые зеленой слизью, и топляки. Только за третьей излучиной, когда река вырвалась на простор, Севка скомандовал: «Полный вперед!»

Поднявшийся ветер трепал выстроившиеся вдоль берегов пожелтевшие березы и осыпал на воду сорванные листья. Оставляя пенистый бурун, катер вздымал носом волну, вспугивая с отмелей стайки белогрудых куликов. Проплывали по сторонам приземистые зимовья, рыбачьи станы с развешанными на кольях сетями, потемневшие от дождей стога.

В углу рубки, свернувшись калачиком на расстеленном ватнике, спала Инга. Под головой сумка, ноги прикрыты брезентовым плащом. Дышит ровно, чуть вздрагивают пушистые ресницы. Сон крепкий, сразу видно, что привыкла к дороге, не избалована комфортом.

Осторожно, чтоб не разбудить девушку, Севка переступил с ноги на ногу и снова уставился вперед, легко управляя катером.

В это время на палубе послышался злобный лай и следом спокойный окающий голос Лихолетова:

— Тихо, Буранушко, тихо. Не время по зверю идти. Снежок ляжет, тожно мы его возьмем. Никуда не денется. А рогач хорош!

Через боковой иллюминатор Севка увидел совсем недалеко от катера переплывающего реку лося.

— Что глядишь? Пуляй его. По центнеру мяса на нос придется. Да ну! — теребил охотника за рукав Евсюков.— Пуляй!

— Дура ты, паря. Во-первых, зверь сразу потонет, только зря порох потратишь. И опять же закон не дозволяет его в это время бить.

— Закон! — презрительно процедил Пантелей.— Его в городе пишут, а в тайге им не пахнет. Что хошь, то и делай!

— Ну и вовсе кругом ты недоумок. Одно слово — Ботало! На тропе, хошь знать, законы тоже имеются, и наш брат блюсти их должен.

— Это какие же такие законы? — не унимался Евсюков.

— Всякие. Наиглавный — зверя беречь, с умом промышлять.

— Охотничать — ума большого не надо.

— Как сказать. Ты что думаешь, ежели грамоту превзошел — подсчитать там али обсчитать кого умеешь, так умней всех стал?

— Это я когда тебя обсчитал? — взвился Евсюков.— Доказать надо, мелешь черт те что!

— Мне доказывать нечо! А что нечист на руку ты — в поселке все знают!

Евсюков повертел головой, словно ища свидетелей: дескать, глядите, как порочат человека!

Лихолетов отвернулся, задумчиво поковырял ногтем пузырек вздувшейся краски на перилах и тихо, словно разговаривая сам с собой, продолжал:

— В ту зиму у меня из плашек двух соболей и куницу вынули. По следам определил: двое были. Один-то сам себя объявил — ножичек обронил.

Ефим порылся в кармане и, вытащив большой складной нож, протянул Евсюкову. Тот машинально взял, повертел в руках и, словно обжегшись, швырнул в воду.

— Вот это ты зря добрую вещь утопил. Твой ведь ножик-то. Я его твоей бабе показывал, признала она его!

Кинув косой взгляд на побледневшего заготовителя, Лихолетов жестко закончил:

— Гляди, Пантелей. По чужим тропам не гуляй. В тайге кроме главного ишо законы есть. Свои, неписаные!

— Грозишь! — отшатнулся Евсюков.— Да я...

— Эй, мужики! — вмешался, высунувшись в иллюминатор, Севка.— Кончай базар, а то враз высажу, и топайте тогда пешком по бережку.

— Северьян Егорыч! — просительно заглянул в лицо Севки Пантелей.— Этот гад хитником меня обозвал. Разве такое стерпеть можно?

— Стерпишь! — буркнул Лихолетов и, отвернувшись, прилег возле борта, приладив под голову тюк.

Заготовитель, подхватив свою котомку, отошел подальше к корме и там устроился, посматривая вокруг с обиженным видом. Услышав позади себя шорох, Севка обернулся. Инга щурила припухшие после сна глаза, поправляла волосы.

— Чего они не поделили?

Севка махнул рукой:

— Шут их знает. Я думал до драки дело дойдет.

— Ну, дядя Ефим зря ссору не затеет. Заслужил, значит, Ботало. Папа его терпеть не мог, захребетником называл.

Накинув плащ, Инга вышла из рубки и, перебравшись через тюки, присела на носу катера. Севке ее хорошо видно. Она ему до плеча, а кажется выше — тоненькая, стройная, как березка. С виду хрупкая, слабенькая, а рука крепкая. Не один ухажер, бывало, присвистнет с уважением, заработав оплеуху. А она улыбнется: «Всяк сверчок знай свой шесток!» — и разозлиться-то на нее невозможно.

Многие побаиваются ее язычка. Особенно достается Севке. Севка и сам понять не может, когда это они поменялись ролями. Давно ли в крапиву загонял, пугал дохлой крысой или лягушкой, в речке будто топил, дразнил «Зверобоем», когда она чинно вышагивала с отцом на охоту, и на тебе! Отливаются кошке мышкины слезы. Что ни сделаешь — все не так! Прошел не так, сказал не этак.

Злится на себя Севка — ну что в девке нашел? Лицо самое обыкновенное. Глаза, правда, ничего. Не глаза, а глазищи. Хитрые, веселые, в мохнатющих ресницах. Скажет Севке ехидство несусветное, а сама глазищами хлоп-хлоп как ни в чем не бывало... Нос как нос. Не лучше, не хуже, чем у других. И рот самый обыкновенный. Зато когда улыбнется да заиграет ямочками на щеках — забудешь, что и сказать хотел. Удивляется Севка: куда ей до некоторых местных красавиц — а глаз бы не отрывал.

Выросла Инга без матери. Мать-мансийка умерла, когда девчонке было всего два месяца. Отец, наблюдатель гидрологического поста, выкормил дочь из рожка. Оленье молоко приносила внучке бабка. От того молока да от свежего воздуха выросла девчонка крепкой, не знающей простуд. Когда пришло Инге время идти в школу, перевелся Вересков с поста в Нагорное начальником гидрометстанции и зажил с дочерью в доме из крепких лиственничных бревен, срубленном своими руками. Остался вдовцом, не захотел приводить в дом мачеху.

В позапрошлом году окончила Инга школу. От отца уезжать отказалась: «Не уйдут от меня институты! Начитаюсь, наработаюсь — тогда видно будет». Пошла работать на почту. Должность по этим местам почетная, хотя и не женская — приходится и верхом ездить, и лодкой управлять. Зимой на лыжах пробирается в далекие поселки геологов и лесорубов, разносит газеты и письма. Везде встречают ее с радостью, усаживают за стол, угощают крепким чаем, домашними пирогами.

Отец каждый раз тревожился, особенно когда Инге при-

ходилось доставлять переводы или пенсии. Пытался он уговорить дочь пойти на станцию наблюдателем:

— Неплохая работа, а главное — при доме будешь. Девичье ли дело по таежным дорогам болтаться!

Но характер у Инги что кремень. Побился Вересков да отступился: вся ж в него выдалась дочка и по тайге, как он, бродить любит. Но так и не смог привыкнуть к ее поездкам. По ночам выходил из дома, подолгу сидел на приступке и прислушивался к таежным звукам. Всплеснет на реке весло, или среди тишины звякнет подковой конь, и Вересков уже в напряжении: никак едет!

Под хмурой маской скрывал отцовскую нежность. Мечтал погулять на свадьбе, внуков понянчить, да не пришлось. В прошлую весну по распоряжению управления повез Севка на катере инспектора проверять посты. А Верескову в это время для гидрологических работ пришлось отправиться на плоскодонке. В самое половодье. Уехал и не вернулся...

Лодку его, уткнувшуюся в прибрежный тальник, нашли в тридцати километрах от Нагорного. Сам исчез, словно в воду канул.

«Несчастный случай в результате грубейшего нарушения техники безопасности на паводке»,— записала приехавшая комиссия. На том дело и кончилось, честь мундира была спасена. Через несколько дней после отъезда комиссии Егор Устюжанин, Севкин отец, осмотрел лодку и высказал:

— Из винтовки стебанули Максима. Вон где пуля прошла,— и показал пальцем маленькую пробоину на корме.

Над Егором только посмеялись. Кому нужно убивать Верескова? У него и врагов-то не было. Все его уважали, за советом шли.

Если бы кто и задумался над словами Устюжанина, то проверить все равно бы не успел: в ту же ночь вытащенную на берег лодку кто-то изрубил и сжег. Видно, ватага вездесущих туристов созорничала...

Эх, река, река! Недаром прозвали ее Шаманкой! Лихой у нее норов! Особенно обманчива и коварна в верховьях. Прорезала в горах узкие щели, ревет на шиверах, с шипением лижет каменные лбы утесов. Только вырвавшись на низину, становится спокойной и безмятежной, но то летом, а в вешнее половодье и в дни затяжного ненастья, когда в верховьях хлынут с гор дождевые потоки, свирепеет так, что нет на нее управы!

Третий год водит Севка по реке катер, кажется, изучил все ее причуды, а нет-нет да и покроется холодным потом, когда неожиданно проскрежещет о борт невесть откуда вынырнувший топляк. После того как вышел запрет на молевой сплав леса, плавать стало сподручней, но все равно смотреть надо в оба. Поднявшаяся после дождей вода прихватит обсохшее на берегу бревно, и тогда встреча с ним что с вражеской торпедой: пропорет катер и будь здоров — мотай к берегу вплавь! Как ни спешили, а до Кедровки добрались только вечером. Старенький мотор все время чихал, за что Антонычу было адресовано немало колючих слов. Севке самому пришлось менять свечи, подшипники, оттого и прошли меньше положенного. Пришвартовались к сходням, стали готовиться к ночевке. Ботало, как только закрепили чалку, подхватил котомку, провожаемый хмурым взглядом Ефима, сошел на берег и сразу скрылся в сгущающихся сумерках.

Севка, проверив крепление груза, вернулся в каюту. Инга, стоя на коленях, затягивала ремнями мешок.

— Помоги!

Севка увязал мешок, прикинул.

— Ого! — удивленно вырвалось у него.— Как же ты такую тяжесть потащишь?

— Тут близко. Сдам в сельсовете. Останется-то всего ничего: три перевода да письма для геологов.

— Это еще километров двадцать тебе шагать. Не боишься с деньгами одна?

— Во-первых, не пешком пойду, мне лошадь дадут. А во-

вторых, смотри! — Она расстегнула ватник, показала торчащую из внутреннего кармана рукоятку нагана.— Так что бояться нечего!

Они вышли на палубу и окунулись в ночь, показавшуюся особенно темной после света каюты. Рядом послышалось рычание. Севка обернулся и с трудом различил Лихолетова, удерживающего собаку.

— Дядя Ефим, иди в каюту. Там Антоныч печку топит. Здесь у воды-то запросто к утру дуба дашь! Вон как холодает.

— Вот спасибочко! — обрадовался Лихолетов.— А то я, паря, признаться, околевать уже начал. Знобко на реке-то!

Он привязал заскулившего пса к стойке и, взяв мешок, протиснулся в узкую дверь.

— Посидим? — предложил Севка.— Хоть глаза привыкнут. А потом я тебя до сельсовета провожу.

Выбрав свободное место на палубе, они сели на ящик. Было совсем темно. Черной неровной стеной на фоне неба проглядывался берег, а по нему кое-где светились окна невидимых изб. Лениво взлаивали собаки. Легкий ветер доносил смешанные запахи горьковатого дыма, парного молока, прелого сена и пряный аромат осеннего леса.

Неожиданно раздался тихий смех Инги.

— Ты что развеселилась?

— Просто так. А ты воды в рот набрал? Вчера на танцах почище Ботала трезвонил, а нынче что-то заскучал.

Севка вздохнул.

— Вот и еще разок вздохнул. Уже который? Никак, седьмой или восьмой.

— А ты что, считала? — оторопел Севка.

Инга молча встала и подошла к борту. Наклонилась над водой. Севка последовал за ней. Постоял. И накрыл своей ручищей ее маленькую крепкую кисть.

— Давно тебе хотел сказать...— несмело начал он.

— Скажи...— Инга не отняла руки.

Севка смешался. И неожиданно для себя предложил:

— Хочешь, вон ту звезду подарю? Да куда ты голову задираешь? Вон она, в воде, у самого борта. Сейчас ведром зачерпну, хочешь?

— Смотри-ка, какой ты щедрый сегодня! Звезды-то девчатам только в книжках дарят! — Инга вроде посмеивалась, но голос ее звучал непривычно мягко. Она отняла руку.

— Идти пора. Закроют сельсовет — не достучаться будет.

Севка покорно вскинул на плечо мешок с почтой и, подсвечивая дорогу фонариком, пошел за Ингой.

В сельсовете было темно и тихо. Инга долго стучала, пока обозлившийся Севка не загремел кованым сапогом в дверь.

— Пропасти на вас, окаянных, нету! Ночью и то спокою не дают! — раздался голос сторожихи.— Кого нелегкая несет? Вот скличу участкового, он вам, идолам, задаст!

— Наумовна, это я, Верескова. Почту привезла!

— Осподи! Так ты б, голубушка, сразу назвалась. А то слышу, лиходей какой-то ломится, забоялась...

Сторожиха открыла дверь и ушла к себе в каморку досыпать.

— Ну, до свидания! — Инга улыбнулась, протянула руку.— Спасибо, что помог. До встречи!

И тут Севка, сам себе ужасаясь, сгреб ее в охапку и поцеловал. Инга рванулась, оттолкнула его, и он, поскользнувшись, загремел с крылечка.

Поднимая из грязи свою капитанскую фуражку, с обидой выкрикнул:

— Ненормальная! Я ж тебя люблю! Всю дорогу хотел сказать, а ты сразу — в грязь!..

Инга громко расхохоталась.

— Севочка, да если б знала, ты б у меня еще летом приземлился — ведь всю жизнь так бы и промолчал... чучело! А за звездочку — спасибо! — и захлопнула дверь перед самым носом ошеломленного Севки.

Вернулся Севка на катер возбужденный, но, заметив, как моторист торопливо спрятал пустую бутылку, промолчал, только укоризненно покачал головой.

Антоныч умильно поглядел на командира и начал оправдываться:

— Не кори нас, Северьян Егорыч. Раздавили мы с Ефимом четвертинку на пару, так это ж для таких мужиков, как мы, просто божья слеза. Опять же для сугрева, особенно на ночь, очень даже пользительно. Сама фельдшерица наказывала мне перед сном грудку вином натирать.

— А вы вместо втирания кишки промыли! — усмехнулся Севка.— Смотри, спишу с судна — будешь знать, как во время рейса к бутылке прикладываться! — посулил он, повалился на койку и быстро уснул.

ГЛАВА 2

Река то и дело вырывалась из таежной чащобы на простор, петляла среди мшар, оставляя по сторонам глухие старицы, с которых, спугнутые шумом мотора, отчаянно крича, поднимались грузные кряквы.

У Севки от вида взлетающих уток захватывало дыхание. Причалить бы сейчас к берегу, снять висящее на стене каюты ружье да побродить по этим старицам.

Даже молчаливый Лихолетов, считавший достойным внимания только зверя, и тот оживился.

— Оно, конечно, утиная охота — баловство. Но ежели прикинуть, то крякаш теперича в самой поре, жирный. Похлебку сварить али впрок закоптить — куда как ладно.

А тут еще Антоныч подлил масла:

— Давай, Северьян Егорыч, часок задержимся. Десяток утей запросто добудешь. Приварок будет, а то на одной консерве брюхо подведет, как у гончей собаки. Ты пока пуляешь, я в моторе поковыряюсь. Поршень обратно стучать начал, будь он!..

Мотор и на самом деле тянул вполсилы, но чтобы как-то оправдаться перед самим собой за задержку, Севка обрушился на моториста:

— Тебе целая неделя была дана для ремонта. Мало, да? Вместо дела, поди, на троих сшибал возле чайной? «Исправил! Работает, как часы!» — передразнил он Антоныча.— Брехун ты, а не моторист!

Антоныч взорвался:

— Ты на меня пошто орешь? Я, что ли, виноватый? Мотор-то мне в дедушки годится! Почитай восьмой год гоняем, а сколь до этого он в деле был? Выбросить его к чертям собачьим давно надо было, а мы возимся, чиним да латаем. В ем, проклятущем, ни единой родной детали не осталось — все заменили. А запчасти-то дерьмо! Старые моторы разобрали, да нам это списанное барахло и всучили!

Из песни слова не выкинешь. Все, что в запальчивости выкрикнул Антоныч,— правда. Не только мотор, а и сам катер давно отслужил все сроки. В войну бороздил Волгу под Сталинградом, вывозил раненых, доставлял боеприпасы. Как память о его боевом прошлом остались на корме стальные пластины, на которые крепилась пулеметная турель. Потом нес патрульную службу на Каспии, работал в рыбоохране.

Когда на смену пришли более быстроходные катера, ветерана передали Гидрометслужбе. Так попал он на Камское водохранилище. У новых хозяев катер служил исправно, пока в сильный шторм не потерпел серьезную аварию. Поставили его на прикол в ожидании акта о полном списании. И кабы не Максим Вересков, попали б в переплавку мотор, корпус и все металлические части суденышка. С трудом выпросил Вересков инвалида для своей станции. Сам грузил его на платформу и с берегов Камы через горный хребет доставил на Шаманку.

В бывшей бане при гидрометстанции оборудовал он мастерскую, куда Антоныч перетащил весь свой инструмент вплоть до огромных тисов. Жил старик бобылем, снимал

угол у бабки Авдотьи. Увлекшись работой, частенько ночевал в мастерской, а потом и совсем перебрался, выкроив место для узкого топчана.

Весной, перед самым паводком, катер пустили на воду. Сверкающий новой краской и лаком, он выглядел как картинка. Только мотору, несмотря на все ухищрения, не могли вернуть былой силы — слишком уж он был изношен.

И если катер до сих пор был еще на плаву, то только благодаря Антонычу, отдававшему ему все свое время. И Севка, поняв, как больно ранил душу моториста, смутился и, желая сгладить свою резкость, пробормотал:

— Ну ладно, не шуми! Погорячился я! Сам понимаю, что мотор — барахло, а спешить надо, вот и психанул!

— А ты зря не психуй! — Антоныч посмотрел на расстроенное лицо своего начальника и смягчился: — Доедем! Не впервой чай. Давай правь к берегу, возле той ели пришвартуемся. Ты пока утей хлестать будешь, я поршень да свечи поменяю.

Через несколько минут катер с заглушенным мотором мягко коснулся прибрежных кустов. Севка набил в карманы патроны и, прихватив двустволку, выпрыгнул на берег. Закрепив за ель брошенную Антонычем чалку, он отправился, продираясь сквозь ивняк, к поблескивающей старице. Покрывавшая ее недавно ряска в преддверии холодов опустилась на дно, и сейчас только ярко-зеленые листья телореза и осоки стояли над темной водой, лениво покачиваясь на ветру.

Под прикрытием кустов Севка осторожно брел вдоль берега старицы, высматривая притаившихся птиц. И когда впереди, в нескольких метрах от него, с громким кряканьем взлетел матерый крякаш, он, вскинув ружье, поймал на мушку птицу и нажал на спуск в тот момент, когда селезень на долю секунды завис в воздухе, меняя направление полета. Сраженная птица комком рухнула вниз. От грома выстрела началась суматоха, поднявшиеся на крыло

испуганные утки засновали над старицей. Несколько штук налетели на Севку, и он, успев перезарядить ружье, великолепным дуплетом свалил еще пару.

Один из селезней упал почти рядом, возле тонкой, согнувшейся березы, в густую заросль багульника и кассандры. В поисках добычи Севка нагнулся, раздвинул ветки и отшатнулся: на земле лежал остов человека, прикрытый истлевшей одеждой. Севка замер, покрывшись холодным потом. Его остановившийся взгляд впился в эти страшные останки. В свои двадцать лет он впервые столкнулся со смертью в ее самом жутком виде.

Наконец пришел в себя и, не спуская с находки глаз, обошел ее вокруг. Превратившийся в тряпье синий ватник с медными пуговицами, тяжелые кованые сапоги с побуревшими от ржавчины подковками на каблуках. Кто это? Неужели Максим Петрович? Севка сам видел, как вот такие же подковки делал для Верескова Антоныч в своей мастерской. Мысль о девушке обожгла Севку. Как перенесет Инга это известие?

Притихший и подавленный, вернулся Севка на катер. Швырнул в угол связку уток. Снял со стены висевшую лопату, обвел растерянным взглядом удивленных спутников.

— Вот, значит, такое дело...— Севка не находил нужных слов и оттого казался еще более подавленным.— Тут в кустах... Максим Петрович лежит... мертвый.

— Ты, случаем, не того? Антоныч пощелкал пальцем по воротнику.— Ежели ее, родимую, сверх нормы принять, еще не такое померещится?

— Откудова он тут объявиться мог? — прогудел недоверчиво Лихолетов.

— Должно быть, полой водой принесло: в прошлом году Шайтанка весной вон как лютовала, на всю пойму раскидывалась.

— Не! — засомневался Антоныч.— Лодку Максима возле Ольховой заводи нашли, а отсюдов до нее почитай пол-

торы сотни километров. Нешто так далеко его протащило? Може, это какой другой бедолага? Мало ли людей на реке тонет!

— Может, и другой, только сапоги и медные пуговицы на ватнике больно уж знакомы...

— Пошли! Кто бы там ни был, а прибрать требуется. Негоже воронью оставлять! — Антоныч поднялся со скамьи и накинул на плечи промасленную куртку.— Веди показывай. Вот только лопата у нас одна, ну да ладно, по очереди копать будем!

По своему следу Севка быстро разыскал приметную березку. Сняв шапки, долго стояли возле погибшего. Молчание нарушил Антоныч. Крякнув, он присел на корточки и внимательно рассмотрел сморщенные, с отставшей подошвой сапоги. Наконец глухо вымолвил:

— Моей работы подковки, из подшипника делал.

Он отошел в сторонку и, присев на вросшую в землю колодину, стал наблюдать, как Севка роет могилу. Сырая земля чавкала под лопатой, и черная болотная вода тут же заливала яму. Глядя на эту воду, старик зябко передернул плечами:

— Северьян Егорыч! Давай заберем его, когда обратно возвращаться будем. В Нагорном на погосте честь по чести схороним. И земля там, как пух, а в энту грязь разве можно класть человека?

И тут Лихолетов, не вымолвивший до этого ни слова, хмуро возразил:

— Где человека земле предать — разницы нет. Все помрем, трава вырастет, вот и все. Только вы, мужики, не дело задумали. Слушок ходит, что Максим от злодейской руки смерть принял. Покуда следователь тут все не осмотрит, шевелить покойника нельзя! Вернетесь домой — кому надо заявите, я-то до весны на промысле буду. А чтобы сберечь как есть, мы его брезентом накроем. Ты, Северьян Егорыч, брезент соляркой помажь — ни один зверь не подступится.

Совет был дельный, и Севка, немного поколебавшись, согласился. Когда останки Максима Верескова были надежно прикрыты, Лихолетов, поплевав на ладони, сделал топором большой затес на ели, росшей у самой воды.

— Берега-то тут схожие, а по заметке быстро это место найдете!

ГЛАВА 3

Инга выехала из Кедровки перед самым рассветом. Сытая кобылка, застоявшаяся в сельсоветовской конюшне, взяла с ходу и, скосив голову набок, бойко зашлепала крепкими копытами по залитой грязью тропе.

Путь девушке знаком. Она уже не раз привозила почту геологам, жившим в наспех срубленном доме у подножия горы. Геологи, бородатые веселые парни, встречали Ингу радостными воплями, угощали черным душистым чаем с брусникой и посматривали на толстую почтовую сумку. А она, наслаждаясь их нетерпением, прихлебывала чай из кружки и вкрадчиво говорила.

— Вот что, мальчики. Напрасно думаете купить меня своим пойлом. Не для того я тряслась в седле. К тому же конь мой устал, а овес нынче дорог. Намек ясен?

— Вполне! — отвечали парни.

Откуда-то извлекалась видавшая виды обшарпанная гитара, и каждый, кто получал письмо или посылку, пел под собственный аккомпанемент песню про таежных бродяг-следопытов, искателей, покорителей пространства и времени.

Инге нравились эти парни, смелые и упорные, умеющие обходиться малым. Севка из этой же породы, бродяга и искатель, хоть и напускает иногда на себя важный вид — что ни говори, а командир «корабля»! Сумеет постоять за себя и товарища, положиться на него можно. Теперь, без отца, Инге нужен был человек, способный поддержать в трудную минуту, дать добрый совет, сказать теплое слово.

В гибель отца она долго не верила. В детстве, когда жили еще в Яныпауле, отец также однажды исчез из дома. Охотники обыскали весь урман и не нашли никаких следов, решили, что утонул в трясине. А он через две недели вернулся. Весь израненный, чуть живой: напоролся на медведя. Может быть, и в этот раз что-нибудь его задержало?

Но дни шли, и вместе с ними уходила надежда... А потом нашлась перевернутая лодка... Сколько пролила Инга слез, сколько бессонных ночей провела в своем опустевшем доме, где каждая мелочь напоминала отца!

И все это время рядом был Севка. То дрова поможет напилить, то чинит прохудившуюся крышу. Инга знала, что для нее парень готов разбиться в лепешку, и к невысказанной благодарности ее давно уже примешивалось чувство, в котором она сама себе не хотела признаться.

Сейчас, пробираясь по таежной тропе, она снова вспомнила отца. В памяти всплыл день, когда обычно невозмутимый отец, весь красный от гнева, кричал на Севку. Кричал не потому, что тот утопил гидрологическую вертушку, а за то, что отправился производить наблюдения в самый ледоход. Ругал, что ему, Верескову, пришлось прыгать по льдинам и вытаскивать багром этого «сукиного сына» — Севку.

Отведя душу, он увел незадачливого наблюдателя к себе домой. Растер спиртом и, переодев во все сухое, уложил на печь, накрыв тулупом.

Больше разговоров об этом происшествии не было. Только когда Егор Устюжанин пришел к ним поблагодарить за спасение сына, отец смущенно ответил:

— Давай не будем об этом. Жив остался, и хорошо! — И, усмехнувшись, добавил: — А здорового бугая ты, Егор Ефимович, вырастил. После такого купания даже насморка не схватил.

В тот вечер до поздней ночи просидели они в горнице. Прощаясь, Устюжанин кивнул на Ингу:

— Заневестилась дочка-то. Поди, от сватов отбою нет?

Отец, увидя ее вспыхнувшее лицо, засмеялся:

— Сама выберет!

Покачиваясь в седле, Инга улыбнулась, вспомнив, как вчера Севка разыскивал в грязи капитанскую фуражку. Досталось парню! А ведь звездочку не пожалел! Подарок не нов, но как приятно его получить, да еще от такого медведя.

От переполнившей ее радости Инга чуть не запела. Но в тайге петь не положено. «Урман ходи тихо. Говори громко нельзя, а то ветер твои слова подхватит и в чужие уши бросит!» — учил ее дед, когда она жила в Яныпауле.

Отец, особенно весной, целыми днями пропадал на водомерном посту, оставляя дочь на попечение деда и тихой, ласковой бабки. Иногда старики брали девочку в тайгу. Жили в берестяном чуме, охотились, ловили рыбу, собирали кедровые орехи и ягоды. Это была хорошая школа. Отец потом радовался ее умению разводить костер во время дождя, находить дорогу домой, не теряться в тайге.

Вот и сейчас по еле заметным приметам Инга выбирает нужную тропу, хотя в лесу все еще держится полумрак. Слева, за вершинами елей, рыжей лисицей крадется луна. И когда поворачивает тропа, луна то отстает, то забегает вперед, словно подстерегает добычу. Инге хочется обогнать ее, но мчаться опасно: тропа еле заметна, свисающие ветки могут выбить из седла или выколоть глаз.

Наконец Инга выбралась на кромку болота. Над ним стоял туман. Сквозь белесую пелену мутно просвечивали уродливые сосенки, корявые, приземистые лиственницы. Стало светлее. На востоке розовая заря окрасила небосвод. Инга пустила коня в галоп, улыбаясь бьющему в лицо ветру, несущему запах осенней прели. Но вот тропа снова нырнула в чащу. Опять наступил полумрак, и в устоявшейся тишине раздавалось только равномерное чавканье копыт.

У развилки, отмеченной обгоревшей березой, лошадь вздрогнула. Насторожив уши, косясь вправо, захрапела и

напряглась. Каким-то шестым чувством, унаследованным от своих предков-охотников, Инга почувствовала опасность. Она еще не поняла, что ее встревожило, просто ощутила на себе чей-то недобрый взгляд. Уже не веря обманчивой тишине, она гикнула и прижалась к шее лошади. Кобылка рванулась, и в это время сильный удар в спину вышиб девушку из седла. Звук выстрела Инга услышала почти одновременно и тут же, словно в тумане, увидела бегущего к ней человека. Непослушными пальцами она вытащила из кармана револьвер.

Боясь выронить прыгающее в руке оружие, Инга раз за разом нажала на спуск. Она еще успела увидеть, как бегущий к ней споткнулся, упал, быстро вскочил и шарахнулся в чащу.

Перед глазами все поплыло, слабеющий слух уловил какие-то крики. Инга судорожно сжала рукоять нагана, готовая снова и снова стрелять, но в тот момент, когда чьи-то голоса раздались совсем рядом, ослабевшие пальцы выпустили оружие и она уткнулась лицом в мох.

ГЛАВА 4

Звук был странный: тихий, шуршащий. Затем послышался легкий звон, бульканье. Что-то холодное и горькое полилось в рот, и Инга открыла глаза.

В комнате горел яркий свет, но все окружающее виделось неясным и зыбким. Она попыталась подняться — острая боль пронзила ее, Инга уронила голову на подушку и застонала.

— Не шевелитесь, милая. Скоро вам будет лучше! — как бы издалека дошел до нее тихий, как шелест травы, голос.

Снова послышалось шуршание, белая фигура, похожая на призрак, подплыла к ней, склонилась. Инга увидела близко от себя незнакомое женское лицо. Глаза, обведенные кругами усталости, смотрели на нее ободряюще, губы

шевелились, но смысл слов не доходил, от слабости Инга закрыла веки и моментально уснула.

Женщина постояла возле кровати, прислушиваясь к дыханию спящей. Поправила одеяло и отошла к окну. На дворе хозяйничала осень. Сильный ветер гнал низкие тучи, хлопал на крыше сарая оторванным железом. Осыпая листву, глухо шумел старый тополь. От ненастья, видимо, затянувшегося надолго, от усталости и нервного напряжения последних дней женщина почувствовала себя такой измученной, что, уткнув в ладони лицо, всхлипнула.

— Татьяна Петровна! Голубушка! Что с вами? — всполошился старик фельдшер. — Валерьяночки накапать?

Устыдившись минутной слабости, она сердито мотнула головой. Ей не хотелось говорить, а просто вот так стоять, смотреть, как стучат дождевые капли и, сливаясь в струйки, стекают по запотевшему стеклу.

Несколько дней назад она прилетела сюда на санитарном вертолете. Начальник станции «Скорой помощи», работу которой она приехала проверять, попросил ее содействия:

— Врачи все в разгоне, а только что поступил срочный вызов: огнестрельное ранение. Окажите первую помощь и привезите пострадавшую сюда. Это займет всего пять часов. Выручайте, коллега!

И она полетела. Но пять часов, отведенные для рейса, превратились в три дня. Когда подлетели к Шаманке, низкие облака прижали вертолет почти к самому лесу. Завеса дождя скрыла горизонт, и пилот с трудом разыскал в тайге стоянку геологов.

Обработав рану и сделав перевязку, она задумалась. Раненая потеряла много крови, состояние ее было тяжелым. Требовалась немедленная операция, а разве в таких условиях это возможно? Они попали в ловушку. Туман с дождем затянул всю окрестность, за тридцать метров ничего не видно. И тогда пилот, понимая ее смятение и отчаяние, махнул рукой на все параграфы служебной инструкции.

— Собирайтесь, полетим. Здесь недалеко есть медпункт. Как-нибудь доползем. Несите раненую в машину! — приказал он столпившимся геологам.

— С ума сошел! Себя и людей угробишь! — зашумели парни. Видавшие виды, они справедливо считали безумием лететь в такую погоду.

И тут пилот, казавшийся до того спокойным и вежливым человеком, заорал. Мешая простые человеческие слова с яростной руганью, он напустился на геологов. И только тогда, то ли восхищенные этим словесным потоком, то ли покоренные смелостью летчика, ребята мигом погрузили в вертолет раненую и врача.

Полет до Кедровки длился всего двадцать минут. Летчик вел машину в полном смысле слова ощупью. Вертолет зависал на одном месте, пятился, обходил препятствия то справа, то слева. И все время в иллюминатор она видела молочную пелену, сквозь которую смутно просматривались вершины деревьев. Иногда ей казалось, что винт вот-вот рубанет по веткам, похожим на хищные лапы чудовищ, готовых схватить и смять железную стрекозу.

Командир вертолета проявил хладнокровие настоящего аса. Сквозь дождь и туман он пробился к поселку и посадил машину возле школы, прямо на размытом от дождя футбольном поле. К ее удивлению, медпункт оказался неплохо оборудованной больничкой с тремя койками. Во время войны ей приходилось оперировать в гораздо худших условиях. Здесь был даже аппарат для переливания крови. Операцию она сделала уверенно и спокойно.

Фельдшер и сестра, помогавшие ей, замирали от страха. Тяжелых увечий в их практике не случалось, только иногда появлялись лесорубы, поранившие топором ногу или резанувшие по пальцам пилой. Там было все ясно и просто, а сейчас они увидели, как эта женщина, умело орудуя блестящими инструментами, извлекла пулю, как останавливала кровотечение, переливала привезенную в ампулах кровь, а когда ее не хватило, отдала свою.

Три дня, почти не смыкая глаз, боролась Татьяна Петровна за жизнь девушки. Тяжелое состояние было вызвано не столько раной, сколько большой потерей крови. Она сделала все, что могла, и, когда раненая погрузилась в сон, поняла, что победила.

Все волнения позади. Ей осталось немного: заполнить карточку больной, дать указания по уходу — и можно лететь обратно.

Татьяна Петровна села за стол, взяла ручку. Вписывая на бланк фамилию пациентки, подумала, что где-то уже ее слышала, но где и когда? — не могла вспомнить. А вспомнить хотелось. Эта фамилия связывалась с чем-то тревожным, когда-то взволновавшим ее...

Она подписала карточку и, еще раз сказав фельдшеру, как ухаживать за больной, вышла из палаты. Завернувшись в плащ, постояла на крыльце, поеживаясь от резкого ветра, бьющего в лицо холодными каплями. Земля уже не впитывала влагу, и огромные лужи кипели от ряби и пузырей...

На другой день, после того как вертолет прибыл в Кедровку, заявился в больницу старшина милиции. Вызвал врача и, поздоровавшись, представился:

— Дягилев я — здешний уполномоченный. Оформляю дело о разбойном нападении на почтальона. Так надо мне, понимаешь, получить от вас справочку по всем правилам о характере ранения.

Татьяна Петровна замахала руками:

— Что вы, что вы! Я сейчас очень занята.

— Вам виднее, как вы есть медицинский работник. Только имейте понятие, что тянуть следствие нам не с руки.

— И вы поймите, — рассердилась Татьяна Петровна, — у больной кризисное состояние, я от нее отойти не могу. Вот как только ей будет лучше — тогда и займемся справками.

Участковый вздохнул:

— Коли так, обождем пару дней, а пока кое-кого в поселке проверю. Только уж вы, как сможете, сразу прошу ко мне. Я в сельсовете располагаюсь. Вон он, через дорогу пройти. Ну, бывайте здоровы!

Он козырнул и, тяжело шаркая сапогами, вышел...

Сейчас, когда состояние Вересковой уже не вызывало опасения, Татьяна Петровна отправилась к участковому.

Дягилев оказался на месте. Помог ей стащить намокший плащ и предложил стул. Внимательно прочел принесенную справку. Затем вытащил из стола тонкую серую папку и аккуратно подколол документ. Минуту посидел, уставившись глазами в угол. Снова уткнулся в справку и поднял на Татьяну Петровну покрасневшие, с лихорадочным блеском глаза.

— Ранение несквозное. Извлеченную пулю, надеюсь, сохранили?

— Конечно! — Татьяна Петровна достала из кармана халата пулю и положила на стол.

Осторожно, словно дорогую безделушку, Дягилев взял ее узловатыми пальцами и удивленно хмыкнул.

— Пистолетная! Смотри-ка! Значит, эти... как их... — он полистал подшитые в папку документы, — верно показали, что выстрелов из винтовки не слышали.

Он еще раз осмотрел пулю.

— Точно! Пистолетная! Могу даже тип оружия назвать — ТТ... Вот загвоздочка!

Завернул пулю в бумажку и спрятал в папку. Затем встал и протянул через стол руку.

— Благодарствую! Сказать, что все стало ясным, не могу. Тут, понимаешь, с этой пулей дело вовсе темным сделалось!

Пожимая его худую горячую ладонь, Татьяна Петровна с беспокойством взглянула на изможденное, с глубокими морщинами лицо участкового.

— По-моему, у вас температура. Зашли бы в больницу сегодня, а то завтра мы улетим!

— Как? — всполошился Дягилев. — Я же с Вересковой показания не получил.

— Она останется. Состояние ее удовлетворительное. Через неделю на ногах будет. Но сегодня не тревожьте. Подождите хотя бы до завтра.

Взявшись за ручку двери, Татьяна Петровна напомнила:

— Так вы зайдите в больницу. Вид у вас никудышный.

Дягилев вяло махнул рукой.

— Откуда ему кудышным быть? С войны осколок в легком сидит. Как осень, мокреть — так и начинаю загибаться. Ничего, отлежусь, барсучьего сала попью — и опять на ногах буду, не впервой. Зимой вот, может, соберусь в госпиталь — надоел фрицев гостинец!

Прекратившийся ненадолго дождь снова набрал силу. Пока она шла до больницы, подсохший было плащ опять промок.

В коридоре, пропахшем карболкой, ее поджидал командир вертолета. Отгоняя ладонью дымок сигареты, он опасливо посматривал на плакат: «У нас не курят». Увидев врача, покраснел и, скомкав сигарету в кулаке, неловко поднялся с диванчика. «Совсем как мальчишка!» — улыбнулась про себя Татьяна Петровна и обратилась к нему:

— Как дела, командир?

— Плохо! Застряли мы с вами, доктор, в этой дыре. Утром вызывал по рации аэродром, говорят, такая погода еще дней пять продержится. Вылетать котегорически запретили. У нас на этот счет строго. Если узнают, как мы сюда от лагеря геологов добирались, — не сдобровать мне. Месяца на два в мотористы переведут.

— А мы никому не скажем! — улыбнулась Татьяна Петровна. — Будем считать это врачебной тайной!

Внезапно она нахмурилась и с беспокойством спросила:

— Может быть, я ослышалась? Еще сидеть здесь пять дней? Невозможно! Четырнадцатого я должна быть в Москве: кончается командировка.

Летчик виновато развел руками.

— Разве на погоду можно надеяться? Наш брат авиатор даже лозунг сочинил: «Экономь время, не пользуйся воздушным транспортом». Санитарная служба — дело другое, но и для нее существует предел или, как мы говорим, минимум погоды. Так вот сейчас этот минимум ниже всякого минимума!

— Что же мне делать?

— Ума не приложу. Хотя, погодите! Я сейчас был в чайной и разговорился с шофером. Он завтра утром едет в Нагорное. Повезет кого-то к поезду. Может быть, заберут вас с собой?

— Ох, как было бы хорошо!

— Хорошего мало. Пятьдесят километров по асфальту — прогулочка, а по проселку в такую грязь даже на «газике» — геройство. Дороги здесь жуткие.

— А мне выбирать не приходится. Будьте добры, уговорите шофера, чтоб меня захватил.

— Ну что ж, коли раненую везти не нужно, какой смысл вам терять время?

Он застегнул кожаный реглан и шагнул к выходу.

ГЛАВА 5

На чердаке старого дома тоненько завывал, словно голодная собачонка, заблудившийся ветер. Высокие березы глухо шумели, осыпая листву на крышу с крупной белой цифрой «четыре». Лес, обступивший дом со всех сторон, с каждым днем становился все более прозрачным.

Лесничий Иван Алексеевич проснулся рано. Серое утро заглядывало через окно, освещая диван у стены и лосиные рога с висящей на них двустволкой.

Комната была небольшая, кроме дивана да пары стульев стоял около окна письменный стол. На нем аккуратная стопка книг, кучка сосновых семян, аптекарские весы и массивная пепельница, до краев наполненная окурками.

Иван Алексеевич любил работать ночами. Окутываясь

табачным дымом, сортировал семена, взвешивал, отбирал лучшие, чтоб потом засеять ими гари и вырубки. Днем одолевали заботы: лесничество было большое, повсюду требовался хозяйский глаз. До самой темноты Иван Алексеевич был в лесу, проверял рубки, отводил лесосеки, ухаживал за саженцами в питомнике.

И в это утро, рано проснувшись, он прикидывал, чем заняться в первую очередь. Из-под стола, потягиваясь, вылез рыжий сеттер. Помахивая хвостом, подошел к хозяину и положил ему на грудь поседевшую морду.

— Стареешь, приятель! — с сожалением произнес Иван Алексеевич. — А давно ли щенком был? Летит время, летит! Только что лето стояло, а уже лист жухнет.

Как все люди, живущие одиноко, он привык думать вслух. Сеттер обычно отвечал ему вздохами и поскуливанием. Сейчас, жмурясь под ласковой рукой, он только энергично заколотил хвостом и, когда хозяин встал, нехотя поплелся на старый ватник у печи.

Одевшись, Иван Алексеевич подошел к окну и распахнул раму. В комнату ворвался ветер, принеся запах осенней прели, шум и гам воробьиной стайки, ссорящейся на кусте облетевшей черемухи. Вдохнув полной грудью свежий воздух, с радостью отметил, как вытянулись за лето сосны, высаженные вдоль тракта.

Много лет отдал Иван Алексеевич любимому делу. Даже воюя, он думал о земле, ее зеленом наряде. После войны вернулся в родные места. Несколько дней бродил по знакомым лесам, с волнением прислушивался к их шуму. И осел здесь навсегда, с нетерпением и жадностью взявшись за покинутую на время работу.

Шли годы. На бросовых землях он разводил сады, сажал деревья по склонам оврагов и балок, закладывал леса звонких сосен и стройных лиственниц. А в свободные часы, которые выпадали не так уж часто, бродил со своим сеттером, и холодок ружейных стволов волновал его так же, как в годы далекой юности.

Жизнь Ивана Алексеевича текла как будто однообразно. Но в лесу, где все время идет смена цветов и красок, ни один день не похож на другой, каждый открывается новой страницей, наполненной трудом и заботами. Так и нынешний день отличался от прошедшего: в воздухе кружилось больше опадающих листьев и в открытое окно доносились прощальные голоса улетающих журавлей.

Перекусив, он уехал в питомник. Однако начавшийся с полудня дождь заставил прервать работу.

Закутавшись в плащ, лесничий погонял мышастого мерина, шлепающего по раскисшей дороге. Слыша сердитый голос хозяина, мерин шевелил ушами, вскидывал голову и, екая селезенкой, ненадолго переходил на рысь.

У ворот лесничества стоял «газик». Под кузовом на разостланном коврике лежал шофер, орудуя ключом и отверткой.

— Что случилось? — свесился с седла Иван Алексеевич.

Из-под машины показалось замазанное лицо.

— Сцепление полетело. По таким дорогам только на тракторах ездить! — и, поминая недобрым словом всех святых и угодников, шофер снова скрылся под машиной.

Расседлав мерина, Иван Алексеевич пошел к дому. На пороге его встретила сторожиха Никитична.

— Приезжие остановились, так уж я их в твою комнату отвела, пущай отдохнут с дороги.

Он молча кивнул головой и открыл дверь. Навстречу ему с дивана поднялся высокий плотный мужчина в кожаном пальто. Сидевшая рядом женщина осторожно отставила недопитый стакан молока.

— Вы уж нас извините. Спешим к поезду, а тут, как назло, машина поломалась! — мужчина развел руками. Его спокойные, чуть насмешливые глаза понравились Ивану Алексеевичу.

— Вы бы разделись! — предложил он, радуясь случаю поговорить с новыми людьми. — Машина, по всему видно,

будет готова не скоро. Вы еще успеете выпить чая, я сейчас попрошу самовар!

— Спасибо! Не беспокойтесь, — остановила его женщина. — Мы очень спешим. Боюсь, опоздаем. Поторопить бы шофера! — обратилась она к спутнику.

Ее негромкий, грудной голос всколыхнул память Ивана Алексеевича. Не веря себе, боясь ошибиться, он с трудом подавил готовое сорваться с губ восклицание. Стянул с себя мокрый прилипший плащ, кинул его на скамью у двери. Прошел к столу, взял папиросу, похлопал себя по карманам, разыскивая спички.

— Много курите! — кивнула гостья на пепельницу.

— Простите! — пробормотал Иван Алексеевич. — Забыл, что не все любят табачный дым. Совсем бирюком стал. Не обращайте на меня внимания, располагайтесь как дома. Всегда рад гостям.

Она тихо рассмеялась.

— От нас радости мало. Мы вам основательно наследили.

Иван Алексеевич пристально взглянул в ее лицо. Будто сквозь туман проступили знакомые черты: широкий разлет бровей, карие глаза, упрямая линия подбородка и черная прядка волос, выбившаяся из-под берета. Лицо умной, уже немолодой женщины, сохранившей неуловимое обаяние юности. А маленькие, но сильные руки, без всяких следов маникюра, подчеркивали ее простоту и изящество.

Удивленная его взглядом, женщина смутилась.

— Я, наверное, вся в грязи, дорога такая ужасная. Пойду умоюсь.

Она вышла из комнаты. Ее спутник тоже поднялся.

— Помогу шоферу, а то, чего доброго, застрянем здесь до утра!

Оставшись один, Иван Алексеевич задумался: «Незачем ворошить прошлое. У нее своя жизнь. Муж — прекрасный. По всему видно — счастлива!» Мысль, что он может нарушить покой этой, когда-то дорогой ему женщины, за-

ставила принять решение остаться неузнанным. То, что Татьяна Петровна его не узнала, он понял сразу. Да разве легко в седоусом, погрузневшем человеке узнать долговязого робкого парня, каким он был тридцать лет назад!

Он хорошо помнил то далекое время. Ясно представил себе, каким был смущенным и неловким, всегда теряющимся в ее присутствии. Даже на пристани, куда пришел проводить ее,— она уезжала учиться,— так ничего и не смог ей сказать. Молча стоял рядом и смотрел, как гасли на камской воде отблески вечерней зари.

Белый пароход, похожий на огромную птицу, увез ее по широкой реке, и больше они не встречались. Бродячая профессия лесного таксатора носила его по стране. А потом война. Так и потерял он ее из виду. Шли годы, воспоминания, словно опавшие листья, постепенно терялись, но Таню он помнил. И все же сейчас требовалось окончательно вычеркнуть прошлое...

Дождь кончился. Сквозь разрывы облаков скользнул тонкий луч солнца. Стих ветер, и наступила такая тишина, когда падающие с веток капли звенят как металл. Словно откуда-то издалека услышал он голос Татьяны Петровны:

— Давно здесь живете?

— Лет двадцать.

— А до этого?

— Работал в лесоустройстве. Воевал!

Слушая, Татьяна Петровна внимательно всматривалась в его лицо: что-то знакомое, бесконечно далекое, почудилось ей в чертах собеседника. Она еще раз взглянула на Ивана Алексеевича, и ее охватило сомнение. Нет! Не может время так безжалостно изменить человека! — и она решительно прогнала мелькнувшую мысль.

— Полжизни в лесу! Ужасно! Я бы так не смогла. Тут и библиотеки-то, наверное, приличной нет! Что вас здесь держит? Сидите тут, как пассажир на полустанке, а в руках узелок со всеми мечтами. Ждете поезда, а они мчатся без остановки, и ваш, может, давно промчался мимо.

— Вот еще! — сердито фыркнул Иван Алексеевич.— Пассажир думает, как бы поскорей выбраться, а я никуда отсюда не собираюсь, корни пустил крепкие. Да вы посмотрите! — он показал в окно на синеющие далекие холмы, поросшие лесом.— Когда я приехал сюда, сколько здесь было гарей и вырубок! А сейчас лес шумит! Да это одно оправдывает мою жизнь в этом «медвежьем углу»!

Татьяна Петровна долго стояла у окна, всматриваясь в лесные дали. Затем тихо произнесла:

— Пожалуй, вы правы. Простите за резкость, я не хотела вас обидеть.

— Ну вот! — обрадовался Иван Алексеевич.— Главное в жизни — мимо своего дела не пройти. Не спорю, глушь здесь настоящая и жизнь совсем нелегкая. Никаких удобств. Ни трамваев, ни автобусов. Железная дорога и та в пятнадцати километрах. И все-таки жизнь здесь интересна и острых ощущений хватает. Занятного, конечно, мало, если на тебя с топором идет порубщик или браконьер хватается за оружие!.. Ну, что, испугал? — Иван Алексеевич засмеялся.— Это не каждый день, честное слово!

— Послушайте, вы что, серьезно? — в голосе Татьяны Петровны прозвучало недоверие.

Иван Алексеевич усмехнулся и, закатав рукав, показал шрам около локтя.

— Пулевое ранение! — быстро определила она.

— Верно. А вы что, врач?

— Хирург.

— Никогда бы не подумал. Всегда представлял себе хирурга этаким серьезным мужчиной. Хорошая у вас профессия. Много людей, наверное, спасли?

— К сожалению, это не всегда удается... Но работу свою я тоже люблю. И все же на вашем месте я уехала бы отсюда, всю жизнь тайге дарить — нет, я бы себя пожалела!

Иван Алексеевич покачал головой.

— Не понимаете вы... Люблю я лес. И глушь эту люблю, и черные осенние ночи, когда в окна барабанит дождь.

и шумят сосны. В такие ночи работается хорошо. Голова ясная, до рассвета могу работать...

Пока он говорил, Татьяна Петровна с внезапно вспыхнувшим интересом рассматривала его лицо. Нет! Она не ошиблась! Это он — друг ее юности, но как же он изменился! Неужели и она так же? Нет, нет, Иван не мог ее не узнать. Значит — не желает? Ну и пусть! «Навязываться не буду»,— с обидой решила она.

За окном раздался гудок автомобиля, и голос позвал Татьяну Петровну.

— Пора ехать. Жаль, что мы не закончили разговор! — она взглянула на часы и заторопилась.

Иван Алексеевич вышел ее проводить. Татьяна Петровна шла, старательно обходя лужи. Возле машины она обернулась и протянула руку.

— Прощайте!.. И — спасибо!

— За что же?

— За все! За гостеприимство и...— она не договорила, легонько освободила руку из его большой жесткой ладони. Затем решительно шагнула в машину и захлопнула дверь.

С пыхтением и скрежетом, ныряя в ухабах и рытвинах, «газик» тронулся в путь. На один миг Иван Алексеевич увидел лицо Татьяны Петровны, взглянувшей на него из машины. В ее сухих глазах и плотно сжатых губах было столько горечи и обиды, что он сразу понял: она знала, с кем говорила...

На минуту сквозь облака выглянуло тусклое, словно непромытое, солнце и снова скрылось за тучей. Опять заморосил дождь. Иван Алексеевич надел фуражку, которую до сих пор держал в руках. Сутулясь, тяжело ступая, направился в лесничество.

В конторе, у горящей печки, сидели Никитична с мужем.

— Никак опять дождь! — увидя лесничего, ворчливо буркнул старик.— И когда эта мокреть кончится? — Помешал кочергой в печке и в раздумье добавил:

— Не-ет! Нипочем не поспеют! Рази по такой дороге за час управишься. Вчерась всю ночь поливал, да ноне добавило, дорога-то, как кисель!

— Об нем-то тужить нечего. Ему днем раньше, днем позже, какая разница. А ее жаль. Не приведи бог, ежели на поезд опоздает — цельные сутки ждать доведется. Командированная она, из Москвы.

— Разве с ней был не муж?

— Это ж новый председатель Кедровского сельпо, за товаром поехал. Она-то вдовая. Доктор. В Кедровку ее посылали, там, говорит, Верескову какой-то варнак ранил. Ее и спасала.

— Ингу! — поразился Иван Алексеевич.— Не может быть! Чего-то ты, старая, путаешь!

— Ково уж там путать! Докторша рассказала!.. Ведь сколь девку упрашивали: «Бросай ты эту работу. Не бабье дело по тайге с почтой таскаться!» Вот и доездила!

Постукивая когтями, к Ивану Алексеевичу подошел сеттер, ткнул в руку холодный нос и, блаженно зажмурившись, прижался боком к его ноге.

— Вот, брат, какие дела случаются! — потрепав собаку по спине, тихо сказал Иван Алексеевич и подумал: «Как глупо! А что если...» — Он вскочил и, пинком распахнув дверь, кинулся во двор. Вывести и заседлать мерина потребовалось не больше трех минут.

— Только бы поспеть! — шептал Иван Алексеевич, нахлестывая коня. Прижав уши, злобно закусив удила, мерин мчался, разбрызгивая жидкую грязь, птицей перелетая через большие лужи.

До станции оставалось с полкилометра, когда Иван Алексеевич услышал паровозный гудок, а когда подскакал к переезду, мимо него с грохотом и лязгом промчалась железная громада поезда. Опустив поводья, он провожал взглядом убегающий состав. Сверху вместе с дождем, скрывающим дали, падали на землю увядшие листья, покрывая плечи, коня и землю золотым прахом осени.

ГЛАВА 6

А в поезде, мчавшемся сквозь дождь, Татьяна Петровна, прижавшись лбом к холодному стеклу, всматривалась в густевшие за окном сумерки. Переживая вновь эту неожиданную встречу, последнюю и недоговоренную, она вдруг вспомнила, где и когда впервые услышала фамилию Верескова...

Было это так. Начальник полкового госпиталя Вартанян вызвал капитана медицинской службы Тихонову.

По старой, оставшейся со студенческих лет привычке взмахнул рукой, щелкнув пальцами, и предложил:

— Садись, Таня! Чаю хочешь? Ну, как знаешь. Я лично в любое время готов баловаться им. Помнишь, как на семинарских занятиях пили его из мензурок? Костя по пять штук выдувал... Писем давно от него не получала? Ну, значит, некогда...

Только через месяц Татьяна Петровна узнала, что, ведя этот разговор, Вартанян думал о лежащем в столе извещении о гибели ее мужа, хирурга медсанбата, и пустой болтовней пытался скрыть волнение.

— Слушай. Есть приказ: ты назначена ведущим хирургом в стационарный госпиталь. Мы уйдем дальше, а ты останешься. Что? Возражаешь? Приказы не обсуждаются. И не воображай, что здесь будет по-тыловому спокойно. Скучать не придется!

Он нахмурил густые, нависшие над глазами брови.

— Под госпиталь займем монастырь. Он почти не пострадал. Вся монашеская шайка во главе с настоятелем смылась с немцами. Видать, крепко напакостили. Сейчас саперы наводят в монастыре порядок. Через пару дней можешь приступить к делу... Чудесное место! — Вартанян почмокал губами.— Кругом старый парк. Аллеи из каштанов и кедров. Воздух,— он повел носом,— аромат! Сплошные фитонциды и атмосферные калории! Больные будут выздоравливать словно в сказке!

Все оказалось так, как он говорил. Среди густого парка, окруженного высокой каменной стеной, стояли белые монастырские здания. Все было цело, только старая церковь с разбитой колокольней и щербинами от снарядов в толстых стенах свидетельствовала о пронесшейся здесь военной грозе.

Татьяна Петровна придирчиво осмотрела помещение и осталась довольна. Они долго бродили по пустынному парку, прислушиваясь к шелесту ветвей. Под ногами мягко пружинила почва, еще не просохшая после таяния снега. Пахло разбухшими почками и кедровой смолкой.

На одной из аллей встретили высокого, подтянутого офицера. Ответив на приветствие, Вартанян представил его:

— Майор Вересков, командир истребительного батальона. Ваш сосед и ангел-хранитель!

Майор поклонился. Мягкая улыбка, тронувшая губы Верескова, так не вязалась с его грозной должностью, что Татьяна Петровна, развеселившись, спросила:

— А где же крылышки?

— Какие крылышки? — опешил майор.

— Обыкновенные, положенные ангелам по уставу!

— Чего нет, того нет! — засмеялся Вересков. Козырнул и отправился по своим делам.

На другой день Вартанян зашел к Татьяне Петровне попрощаться.

— Я буду писать. Не хочется терять тебя из виду. Кончится война, приеду я к вам, поставим на стол бутылку и наговоримся. Представляешь, картинка: прослезиться можно! — сидят три гриба и вспоминают военную молодость... Ну, будь здорова!

Через несколько часов полк ушел на запад. Наступили будничные дни, наполненные хлопотами и тревогами. Операции и перевязки поглощали все время. Ежедневно приходили бойцы истребительного батальона, расквартированного на территории монастыря. Чаще их приносили, и тогда дыхание войны, казалось бы, ушедшей далеко на запад,

становилось особенно ощутимо здесь, в глубоком тылу. В окрестностях было неспокойно. Бандеровцы лютовали. То и дело находили коммунистов и комсомольцев, сельских активистов, повешенных, зарубленных топорами или убитых выстрелами в затылок. Заведующего клубом в Нежиховке бандиты облили бензином и сожгли заживо. По ночам темное небо полыхало заревом от подожженных хат и амбаров.

Иногда вечерами, когда опускались сумерки и вершины Карпат сливались с темным небом, Татьяна Петровна замечала, как в домик, где жил Вересков, проскальзывали дюжие хлопцы в домотканых свитках, озираясь, проходили длинноусые дядьки в высоких смушковых шапках. Обычно после таких посещений Вересков с солдатами отправлялся на облавы.

Действовал он решительно и беспощадно. Чтобы избежать лишнего кровопролития, было объявлено о помиловании тех, кто явится с повинной. И тогда из лесных чащоб потянулись обманутые лозунгами о самостийности. Пряча глаза от селян, бросали оружие. Только главарь Грицко Малюга с десятком отпетых подручных затаился в недоступной чаще и не подавал признаков жизни.

Стало спокойней. Жители начали отвыкать от вечной настороженности. И вдруг как гром среди ясного неба в одну из ночей была вырезана семья председателя сельсовета. Бандиты не пощадили даже малых детей.

На Верескова было страшно смотреть. Подняв батальон в ружье, он кинулся за Малюгой. Банду настигли и уничтожили в Ореховой балке. Грицко с двумя ближайшими помощниками захватили живыми. И тут комбат, тяжело раненный в грудь осколком гранаты, бледный, с искаженным от ненависти лицом, шагнул навстречу бандитам, в упор выпустил в них всю обойму из пистолета и рухнул лицом вниз.

Татьяна Петровна вырвала Верескова из цепких лап смерти. Время многое выветрило из памяти. Но она хорошо

помнит, как на следующий день после выхода Верескова из госпиталя его взяли под стражу, обвинив в самовольном расстреле бандеровцев.

Мрачное будущее замаячило перед комбатом. Но военный трибунал, учитывая психологический фактор — потрясение, вызванное необычайной жестокостью бандитов, и тяжелое ранение подсудимого, приговорил его к трем месяцам штрафного батальона, а поскольку медицинская комиссия признала Верескова после ранения негодным к строевой службе, штрафной батальон был заменен полугодичным заключением в исправительной колонии...

За окном вагона мелькнули огоньки. Поезд замедлил ход и остановился возле приземистого станционного здания. Татьяна Петровна вернулась в купе. Разобрала постель и легла. Уже засыпая, она вспомнила имя и отчество девушки из Кедровки. Ну, конечно, это была дочь того самого Верескова, комбата. Интересно было бы его повидать, вспомнить тревожные дни в Карпатах. Иван, наверное, знает его адрес... Все же как порой удивительно переплетаются человеческие судьбы!

ГЛАВА 7

Получив показания Инги, участковый Дягилев вызвал начальника милиции Чибисова по телефону.

— Следствие, товарищ капитан, провел. Но тут, понимаешь, заковыка получилась, и никак я в ней разобраться не могу. Оттого ставить точку на деле не приходится.

Чибисов слушал Дягилева, болезненно морщился, когда рассказ участкового прерывался глухим, мучительным кашлем.

— Хорошо! — крикнул он в трубку.— Сейчас к тебе выеду. Будь на месте!

Чибисов посмотрел на сидящего у окна лейтенанта Козырькова.

— Заводи мотоцикл, Саша. В Кедровку поедем!..

В полдень они сидели в маленьком кабинете Дягилева, знакомились с собранными им материалами.

— Я первым делом к геологам поехал,— негромко рассказывал участковый,— они мне показали место происшествия. Обшарил, понимаешь, все вокруг и под одной елкой нашел восемь окурков и спичечный коробок пустой.

— Подобрал их?

— А как же! На коробке отпечатки пальцев должны быть. Бандит, видать, долго ждал, нервничал — спичек поломанных много. А раз нервничал, значит, руки потели и отпечатки получатся — будь здоров!

— Будем надеяться!

— Верескова, когда я в больницу пришел, показала, что вместе с ней с катера в Кедровке сошел Пантелей Евсюков, агент-заготовитель сельпо. При вызове его для дачи свидетельских показаний он заявил, что дел у него в Кедровке никаких нет и приезжал он к брату на день рождения. Кроме него был кладовщик гортопа Постовалов. Приезжал на базу получать полотна для пил «Дружба». Ночевал у Николая Евсюкова.

— Теплая компания подобралась!

— Все заявили, что из дома не отлучались и, как засели за стол, так до утра и пировали. Спать тут же завалились!

— Свидетели есть?

— Гражданка Кутырева, соседка Евсюковых. Часов в шесть утра она зашла к жене Николая попросить взаймы дрожжей и видела спящих на полу трех мужиков.

— Выходит, говорили правду. А между тем о приезде Вересковой кто-то все же узнал. Откуда?

— Евсюков рассказал, что на рейсовый катер опоздал. И служебный бы пропустил, да повезло: Устюжанин ждал Верескову и не отчаливал. Из их разговора Евсюков знал, куда она едет!

— Вот это — самое главное! Думается мне, что кроме этой тройки был кто-то еще.

Чибисов полистал дело.

— Приметы нападающего Верескова сообщила?

— Плохо с приметами. Сознание у нее мутилось, но все же разглядела зеленый ватник и черную кепку. Да еще сапоги ей запомнились — черные, говорит, лакированные!

— Сапоги резиновые, блестели от росы. Это понятно... С ее слов записано, что она ранила нападающего. Справки в медпунктах наводил? Никто не обращался за помощью?

— Запрашивал всех. Никто не приходил. Да рана, видно, пустяковая: крови-то, понимаешь, я там не обнаружил. И смылся он шустро — геологов испугался.

— Кто же это может быть? — Чибисов побарабанил пальцами по столу. Минуты две думал и решительно встал. Схожу к Евсюковым!

— На работе они сейчас. Дома только бабка одна.

— С бабкой поговорю!

Возле дома Евсюкова Чибисов остановился. Внимательно оглядел ограду, палисадник. Зашел во двор. На крылечке сидела старуха в синем выцветшем сарафане, голова повязана старым платочком. Круглое загорелое лицо в лучиках морщинок. Она сыпала курам крошки и ласково приговаривала:

— Цыпоньки, цыпоньки!..

— Добрый день, мамаша! — сняв фуражку, поздоровался Чибисов.

— Здравствуй, здравствуй, сынок! По делу али как?

— По делу, мамаша. Непорядочек у вас. Дом вроде ладный, а кругом грязь и мусор. Помои на дорогу выплескиваете. Оштрафовать придется!

— Штрафуй, штрафуй их, окаянных! Я сколь раз сказывала, да разве старуху ноне слушают? И сноха, и девки — внучки мои — все по-своему норовят сделать.

— Сыну бы сказали, чай, он хозяин!

Старуха махнула рукой:

— Какой он хозяин! Цельный день на работе, а как выходной — беспременно напьется.

— Это у вас недавно гулянка до утра была?

— У нас, соколик. Не приведи, господь, как мужики упились. Пьяней вина были. До кроватей добраться не могли, так на полу и спали. Хоть Яшка не стал пить, сразу ушел!

— Это какой такой Яшка?

— Сынок мой, младший. На буровой он работал. Расчет взял и обратно в город подался. По пути домой завернул. Торопился шибко, с мужиками даже за стол не сел.

— Куда же он на ночь глядя отправился? До станции отсюда полсотни километров!

— И-и, милай! Это ежели по дороге, а напрямик, через вон ту гору, так часа два ходу.

— А-а, так это я его сегодня на перевозе встретил. Сразу видать, городской парень. На нем еще был плащ, шляпа фетровая и туфли— желтые такие... с острыми носками.

Старуха замахала руками, закудахтала от смеха:

— Ой, что ты, милок! Да мой Яшка сроду шляп на голову не надевал. Кепчонка на ем суконная, черная. А заместо штиблет — сапоги резиновые. Так что обознался ты. И не в плаще он, солдатский ватник таскает. Нет, не он то был, обознался ты.

— Да, видать, обознался! — согласился Чибисов. — Ну ладно, мамаша. Бывай здорова. Скажи своим, чтоб с помоями осторожнее, а то штрафану обязательно!..

Вернувшись к Дягилеву, Чибисов с ходу спросил:

— Тебе что-нибудь известно про Якова Евсюкова?

— Сейчас справочку наведу.

Он вытащил из железного ящика толстый журнал. Полистал. Ткнул пальцем:

— Вот! Яков Степанович Евсюков. Год рождения 1928-й. В 1947-м был осужден за вооруженное ограбление. В 1953-м амнистирован. Год проработал в леспромхозе шофером. Уволился и уехал. Настоящее место жительства неизвестно.

— Теперь все сходится. Вот он — четвертый человек.

— Но они твердили, что были втроем!

— Он ушел до того, как они за стол сели, поэтому его

в расчет не брали. Раз с ними не пил, стало быть, и в компании его не было. У пьяниц своя логика.

— А я голову сколько дней ломал! — мрачно буркнул Дягилев.

— В общем, картина ясная. Сейчас напишем сопроводительную, и ты со всеми материалами и вещественными доказательствами поедешь в областное управление. Они этого Яшку быстро разыщут. А вот второе письмо. Пойдешь с ним в госпиталь. До каких пор мучиться будешь?

Дягилев растерялся.

— А здесь кто за меня останется?

— Найдем кого-нибудь. До твоего возвращения поработает. Ты вечером еще раз поговори с Евсюковым, а мы все документы подготовим и подбросим тебя до станции.

Чибисов взглянул в окно, и Дягилев увидел, как начальник закусил губу и сдвинул на затылок фуражку.

— Один, два... еще один, сразу трое, — считал он. — Черт возьми, погорели мы с этими приметами.

Дягилев из-за плеча Чибисова посмотрел на улицу: по дороге шли гурьбой лесорубы, все в зеленых ватниках, черных кепках и резиновых сапогах...

ГЛАВА 8

От затянувшихся дождей Шаманка потемнела, рванулась из берегов. Севка с трудом разыскал устье маленькой таежной речки и, чуть не пропоров днище полузатопленной елью, повел катер вверх по течению. Пятьдесят километров, если считать по прямой, плыли целый день. Речка петляла по урману так, что путь удлинился чуть не в четыре раза.

До места добрались уже в сумерках. Пришвартовав катер к мосткам, у которых покачивались на привязи две длинные долбленки, Севка с Антонычем сошли на берег.

Привлеченные шумом мотора, не смотря на дождь, к причалу высыпали все жители затерявшегося в тайге по-

селка, который и поселком-то назвать было нельзя: четыре избы — в одной помещалась гидрометстанция, остальные служили жильем.

Густой ельник синей подковой окружил избы, небольшие квадраты огородов и площадку с приборами. Лес не смирился с людьми, отнявшими у него этот клочок земли. Он наступал на захватчиков, покрывая вырубку свежими всходами и порослью. Людям надоела эта война, и они в конце концов махнули рукой, позволив крошечным березкам и елям пробраться к самым окнам домов. Только на метеорологической площадке не имел права поселиться ни один лесной житель.

Из-за темноты разгрузку катера оставили до утра. Начальник станции Собянин увел приехавших к себе домой. Все встречавшие потянулись следом. Каждому хотелось перекинуться словом с приезжими, услышать новости.

В поселке жили четыре семьи. Долгое время станция была как проходной двор. Люди здесь не задерживались — не могли привыкнуть к дикой заброшенности, отсутствию маломальских удобств, к тяжелой работе. Те, кто мечтал о длинном рубле или романтике, быстро разочаровывались и перебирались в города или на стройки. А эти вот выдюжили, остались. Полюбили суровый край, завели семьи. Сейчас в каждой избе подрастает два-три сорванца. Такую ораву нужно прокормить, обуть и одеть. Занялись охотой, рыбалкой. Разбили огородики — все подспорье! Продукты: чай, сахар, соль, муку и прочее, что требуется человеку, — раз в год доставляет сюда по договору потребсоюз на барже-самоходке.

Метеостанция хоть и маленькая, а важная. Стоит на самом краю урмана. До следующей триста километров, а между ними болота и мари, летом не пройдешь, не проедешь. Отсюда до самой Оби безлюдье и полная неизвестность. Севка как-то видел планшет этих мест — сплошное белое пятно. Даже речки нанесены пунктиром.

Люди чувствуют себя здесь не простыми наблюдателями,

а пограничным нарядом, выставленным на передовой рубеж, Первыми в области встречают ледяное дыхание Таймыра, рвущиеся с Карского моря злые бураны. Восемь раз в сутки шлют в эфир звонкие сигналы морзянки, сообщая о капризах погоды.

Они радуются любому приезжему человеку. За последние пять лет у них побывали кроме гидрологов управления три геолога, да однажды заночевал сбившийся с пути во время бурана охотовед. Немудрено, что Севку с Антонычем, своих товарищей по работе, они встретили с радостью.

— Обождите вы с разговорами! — вмешался хозяин. — Сперва накормить надо. Вон как за дорогу отощали.

— Не хлопочи! Нам вместо еды сон требуется. Минут шестьсот всхрапанем и обратно людьми будем! — Севка устало опустился на скамью. Обвел взглядом присутствующих.

— Новостей привезли уйму. Рассказывать — на всю ночь хватит. До завтра потерпите. О главном скажу: Верескова нашли!

В избе сразу стихло, только ребятишки, повисшие на Антоныче, продолжали возню. На них прикрикнули, и все впились глазами в рассказчика. Верескова здесь знали и уважали. В наступившей тишине было слышно, как потрескивает пламя в десятилинейной лампе. А потом сразу прорвалось:

— Как? Что? — посыпались вопросы.

Севка покачал головой:

— Случайно нашли! А как погиб, ничего не знаю. Следствие, наверное, будет, тогда все и прояснится. А теперь пошарьте у Антоныча в мешке, там вам посылки да письма лежат. Забирайте.

Когда все ушли, Севка расстелил на полу тулуп и, приладив вместо подушки стеганку, спросил Собянина:

— Ты когда на связь с управлением выходишь?

— В двадцать один час. Через пятнадцать минут включу передатчик!

— Я телеграмму составлю, ты ее сейчас же передай.

— Давай только покороче, у меня сеанс всего пять минут.

Севка присел к столу, вытащил из сумки блокнот и быстро написал: «Найден труп Верескова тчк Срочно высылайте комиссию экспертом зпт следователем тчк. Буду ждать катером районе Долгих Стариц тчк Устюжанин».

Когда Собянин вышел, Севка стащил сапоги, прикрутил в лампе фитиль и, не раздеваясь, прилег на тулуп. Блаженно потянулся и закрыл глаза. Но тут же понял, что не заснет. От долгого стояния за рулем ломило ноги, ныли руки, словно держал все эти дни не легкий штурвал, а тяжелую пятипудовую штангу. Перед глазами же неотвязно маячила страшная находка у Долгих Стариц.

Он повертелся на тулупе, с завистью прислушиваясь, как в углу на лавке сладко посапывает Антоныч. Наконец обозлился, встал, прибавил в лампе огонь и, разыскав папиросы, закурил.

Какой-то шорох и возня на полатях привлекли его внимание. Он взглянул вверх и обмер: прямо над собой увидел кудлатую голову, облепленную пухом. Было что-то жутковато-притягивающее в изуродованном лице кудлатого. Рассеченная бровь, одна половина которой почти прикрывала левый глаз. Сквозь редкую сивую бородку виднелся широкий рубец, пересекающий щеку и рот, отчего верхняя губа застыла в зловещей ухмылке.

— Чо? Патрету моему дивишься? — хрипло засмеялся незнакомец. — Кабы тебя, паря, едак же по роже шваркнуло, не краше меня бы сделался. Да ты не боись, коли охота, гляди. Хотя меня самого тоска берет за свое страхолюдие!

— С чего ты взял, что я испугался?

— Все пужаются, кто впервой на меня взглянет, особо бабы. Иная только увидит — и враз лицом помучнеет... Закурить бы, чо ли, дал.

— Слезай, покурим, а то мне, задравши голову, разговаривать неудобно.

Кудлатый что-то буркнул, завозился, ударился головой о низкий потолок и, выругавшись, спрыгнул с полатей. Шлепая босыми ногами по некрашеному полу, подошел к столу.

Был он невысок, почти на голову ниже Севки. Но в широких плечах, в буграх мускулов, вздувавших рукава рубашки, чувствовалась большая сила.

«Могуч мужик!» — мелькнула у Севки мысль, и, хотя сам пошел в богатырскую устюжанинскую породу, невольно подумал: «С таким схватись — враз хребтину сломает!»

С трудом вытащив большими негнущимися пальцами папиросу из пачки, незнакомец присел на лавку. Зевнул, открыл рот с крупными, как у лошади, зубами. Почесал грудь, заросшую густым рыжим волосом.

— Кто такой будешь? Почему я тебя раньше здесь не видел? — поинтересовался Севка.

— Я-то? — окутавшись дымом, откликнулся кудлатый. — Зяблов буду. Василий, по батюшке Иваныч. Жене Мишки Собянина родителем прихожусь. А видать ты меня не мог — живу здесь еще мало, в покров аккурат месяц будет!

— На иждивение, стало быть, прибыл? А мужик ты, видать, крепкий, мог бы еще поработать!

— Пошел ты... знаешь, куда? Мишка меня рабочим на станцию определил. Работы тут — будь здоров! Цельный штабель свай изготовил, крыши у изб перекрыл, лодки починил. От работы не бегаю. Все могу: и сапоги сошью, и всякое другое прочее не хуже иного сделаю.

Он сердито засопел и притушил папиросу о столешницу.

— Справляю, а все едино душа не лежит. Не по мне это. Я, паря, десять годков лесником пробыл. Может, свой век на кордоне бы и кончил, кабы не лиха беда... Через ее кувырком все пошло... Места своего теперь никак не найду. Мыкался по свету, покуда Мишка не отписал — приезжай, дескать, батя, леса тут немеряные, нехоженые. Лес и взаправду здесь дикий, только больно уж квелый. Добрый-то только по бровкам растет, а чуть дальше — болота. А в ем —

кривулина на кривулине, на оглоблю лесину не выберешь. Уеду я отсюда. Охота мне в настоящем бору пожить, чтобы дерева, как свечи — в небо... И чтоб окрест меня никого не было. Людей мне не надо! Только чтоб я да сосны. И чтоб ходил я за имя, как за малыми детьми, да как растут глядел... Но, видать, зря про то думаю, жизнь-то под уклон пошла. Впереди что? Бугор, и все! Что жил ты на земле, что не жил — никто о том знать не будет!

Севка хмуро усмехнулся, вспомнив слова Лихолетова: «Все помрем, трава вырастет — вот и все!» Жизнь казалась Севке простой и ясной дорогой, начала которой он не помнил, а о конце никогда не задумывался. Отец, не очень грамотный, но по-деревенски мудрый старик, привил сыну несложные в принципе, но твердые понятия о месте человека на земле. Научил ценить труд и беречь то, что предоставила природа в распоряжение людей. Отец верит, что каждый человек должен оставить на земле след, будь то дети, построенный своими руками дом, выращенное дерево или вспаханное поле.

Вот и Зяблов, разве он пыль на ветру? Что у него на душе и на совести — поди разбери! Не по гладенькой дорожке жизнь прошел, ясно... И все же и он хочет о себе добрую память оставить на земле. Ну а что людей сторонится — не Севке его судить. Одно ясно — не звонарь, к делу тянется. Севку тронуло, как Зяблов о деревьях говорил, словно о живых существах. А может быть, этот бродяга, перекати-поле, еще и нашел бы себя на каком-нибудь лесном кордоне?.. Поколебавшись немного, Севка предложил:

— Слушай, у меня батя объездчиком в Нагорном. Хочешь, поговорит с лесничим? Кордон там есть, с которого люди бегут — место больно глухое. Не забоишься? Лет восемь назад там пожар был, полсотни гектар выгорело. Теперь земля, как шлак после сильного огня. До сих пор кроме чахлой травы ничего не растет. Назвали то место «Гиблой еланью», а потом и кордон так называть стали. Взялся бы?..

Зяблов даже привстал со скамьи.

— Неужто договориться сможешь? Милай, да я б у тебя по гроб жизни в долгу был! А что касательно прозванья — по мне пущай хоть чертовым именуют! Был бы кордон, а елань все едино лесом засадят!

— Попробую батю уговорить. Документы-то у тебя в порядке?

— А как же! Только по ним не берут меня на лесную работу — дескать, доверие потерял!

— Это как понять? — опешил Севка. — Проворовался, что ли?

По лицу Зяблова пошли красные пятна. Он сжал огромные кулаки и зло процедил:

— Кабы кто другой такое сказал — глотку бы перервал. Отродясь за мной воровства не водилось. Осужден был, не таюсь. Кровь пролил, а чтоб воровать — того не было.

Он насупился, вздохнул.

— Дай-кось еще закурить!

Жадно затянулся. Взглянул на Севку тоскливыми глазами.

— Ладно! Скажу уж, как дело было. Работал я лесником. Сперва все было хорошо. А потом примечать начал, что лесничий при отводе делянок мухлюет. Ну, к примеру, на деляне тыщу кубов нарубить можно, а он в бумаге пишет — пятьсот! И директор леспромхоза половину заготовок сдает в зачет плана, а другую половину — налево... Как разобрался я в этом мошенстве, приехал в контору, к лесничему, и всю правду-матку ему и выложил — ну совесть-то надо иметь!

Слово за слово — и сцепились мы с ним, как кочеты. Он мужик крепкий был, что твой бугай! Врезал он мне душевно: один глаз сразу заплыл, а вторым гляжу, как скрозь туман красный. Прижал он меня в угол и, гад, сулит: «В тюрьме сгною! Так оберну дело, что все тебе пришьют. А под ногами путаться не будешь, так и свой кусок получишь!»

На меня тут затмение нашло. Отпихнул я его, схватил со стола какую-то чугунину и хрястнул по башке. Опамятовался, гляжу: в руке у меня из чугуна статуй — мужик с рогами. И помнилось мне, что мужик тот мне еще язык кажет и так вредно усмехается, что я вовсе разума лишился. Швырнул куда-то чугунину, выбежал из конторы и не помню, как на кордон к себе ускакал... Там меня и взяли.

Дружки лесничего всполошились. Наплели на меня с три короба. А время тогда, сам знаешь, какое было. Перед войной. Особо разбираться не стали. Дали мне, паря, полной мерой, на всю катушку, да еще с привеском.

В колонии, конечно, несладко пришлось. Хорошо хоть лес рубить — дело привычное. Норму свою перевыполнял. Начальство бригадиром назначило. А я вовсю вкалываю — в работе-то легче, о своей доле меньше думается. Сколько-то годков отбухал, и тут берут меня и везут в город. Ну, думаю, еще за что-то добавят, не иначе. Думал-думал и решил бежать. Упросил конвоира, чтоб сводил меня по нужде, а сам на всем ходу и сиганул из вагона!

Зяблов поежился. Взял папиросу. Ломая спички, долго раскуривал.

— Не рассчитал, неаккуратно прыгнул. Ударился мордой о пикетный столбик у полотна. Мне уж в больнице, когда через два дня оклемался, все рассказали. Охранник поезд остановил, подобрал меня и к фершалу доставил. Ругался, говорят, страсть!

Подлечили — и в суд. Там только и узнал, что должен показания как свидетель дать по делу того директора леспромхоза, что с моим лесничим лес воровал. Дали им, что положено, а мое дело суд на пересмотр направил. Вскоре и выпустили. Кажись бы, все по-хорошему обернулось. Как же!

Он сунул Севке под нос здоровую дулю.

— Обратно-то в лесники не берут! Боятся...

— Батю не испугаешь!

На изуродованном лице Зяблова мелькнуло подобие улыбки.

— Вот и ладно. Ты когда в обрат едешь? Возьмешь меня с собой? Может, и вправду поталанит — попаду на кордон!

— Сидеть здесь некогда, послезавтра отчалим. А теперь — на боковую...

Севка уже начал дремать, когда с полатей донесся приглушенный шепот:

— Паря, а, паря! Не спишь? Вы тут разговор вели про какого-то Верескова. Его, случаем, не Максимом звали?

— Максимом! А ты откуда знаешь?

— В колонии вместях сидели!

— Врешь! — Севка рывком вскочил с тулупа.

— Да с чего мне?

— Однофамилец просто. Какой он из себя был?

— Ну, ростом с тебя... Волосом рус. Глаза серые, вроде... Примет особых не было. Да, вот раз в бане с ним мылись, рубец у него здоровый заметил на боку — вот-от такой! Осколком, сказал, зацепило.

Севка растерянно заморгал. Надо же! Как же так — столько лет они знали Верескова, кто бы мог подумать, что он был в заключении. Это Вересков-то! Никогда ни единым словом не обмолвился он об этом. Нет, не может быть. Ошибка какая-то!

Зяблов, почуяв смятение Севки, сказал одобряюще:

— Да ты не переживай! Он тебе кто, родня? Нет? Ну, все едино!.. Ты не сомневайся. Мужик он правильный был. С шушерой не вожжался. Его в колонии уважали. Он, видать, переживал шибко, но гордый был — виду не казал!

Севка был настолько ошеломлен услышанным, что заснул только перед рассветом, всю ночь проворочавшись на тулупе. Разбудил его Антоныч.

— Горазд ты спать, насилу растолкал!

Глаза моториста блестели — видно, кто-то из наблюдателей успел поднести старику стаканчик. Севка нахмурился было, но Антоныч тревожно заговорил:

— По реке сало пошло, смываться надо срочно. Главное — на Шаманку успеть выбраться! Она еще неделю продержится, а здесь, того и гляди, лед станет — будем куковать до весны!

Сна как не бывало. Натягивая на ходу куртку, Севка выскочил из избы и сразу окунулся в промозглую сырость. С неба неторопливо, вперемешку с дождем, падали хлопья снега. Под его тяжестью до самой земли сникли еловые ветки. Снег облепил избы, прясла, засыпал дорожки, упрятал осеннюю грязь. Сквозь его завесь мутно проглядывалась гребенка ельника на другом берегу реки. По черной неприветливой воде плыли рыхлые белые хлопья — вестники скорого ледостава. У мостков обледенелый и засыпанный снегом стоял катер, прихваченный у бортов узкой каемкой ледяного припая.

Севка поморщился. Повернулся к Антонычу.

— Готовь катер. Снег скидай да лед счисти. Я тебе в подмогу Зяблова пришлю, он с нами поедет!

— Да уж доложился он! Пошел харч в дорогу собирать. Слышь, а не опасный он мужик? Уж больно рожа у него разбойная.

— Смотри-ка, лицо ему не нравится! Он тебе что, невеста?

— Ну, гляди, дело твое, как ты есть командир корабля! — в голосе Антоныча прозвучала насмешка.

— Кончай травить! Через час-другой отчалим. Я пока на метеостанцию слетаю, может, радиограмма для нас есть.

В квартире Собянина, куда мимоходом заглянул Севка, стоял дым коромыслом. Зяблов, одетый по-дорожному, в полушубке и высоких сапогах, сердито швырял в мешок куски копченой сохатины, связки вяленой рыбы.

— Ну куда ты, старый, потащился! — причитала его дочь. — Плохо тебе у нас жилось? Мало тебя жизнь ломала? В кои веки покой нашел, так и сидел бы! Внучата вон к тебе липнут, и нам спокойней, что старик дома.

— Закрой варежку! Какой я тебе старик? — Зяблов с остервенением пнул мешок. — Я, может, этого дня двадцать лет дожидаюся, а ты меня готова чуть не в поминальник записать. Пойми ты своей дурьей головой, что ежели я ноне от кордона откажусь, так до смерти казниться буду!

— Да кто тебя на кордон-то возьмет? Пытался ведь, знаешь!

— Что ты меня харей в грязь тычешь! Отмылся я давно. Словечко за меня Северьян Егорыч замолвит. Авось возьмут. Ну, а коли от ворот поворот укажут — тогда весной ждите обратно. Зиму-то как-нибудь проверчусь!

— Зря, батя, уезжаешь! — поддержал жену Собянин. — Права она. В твои годы пора на месте с семьей жить. С чего ты враз засобирался? Обиды вроде на нас не имел!

— Нет, Мишка, поеду! И вы зло на меня не держите. Надо ехать. Авось снова человеком себя почую.

— Мария Васильевна! — Севка шагнул к столу. — Вы за отца не тревожьтесь. Поживет у нас, осмотрится, а там и на кордон определится!

— Зря он это придумал! Растравит только себе душу. Ну кто в лесную охрану с судимостью принимает?

— Статья у меня особая была, — окончательно обозлился Зяблов. — Кабы за воровство судили — я и сам бы в тряпочку помалкивал. Что же мне теперь — в лес дорога на всю жизнь заказана?

— Все будет в порядке, — поддержал Зяблова Севка. — Лесничий у нас самостоятельный. Если решит, что человек для леса подходящий, — все для него сделает!

— Ну вот, видишь? А ты судачишь одно: не возьмут да не возьмут! — обрадовался Зяблов.

— Ты, Василий Иванович, когда все соберешь — помоги Антонычу с катером управиться. Скоро отчаливать будем!

Севка присел на лавку рядом с Собяниным, тихо спросил:

— Ответ не поступил? Чего они тянут? Ну, все равно сидеть здесь опасно. Отстукай им, что из-за начала ледовых явлений сегодня ушли в обратный рейс. Комиссию будем

ждать в указанном месте... Да, вот еще выручи — дай солярки литров пятьдесят. Боюсь не хватит.

— О чем разговор! У меня как раз две канистры пустые валяются, пойдем, отолью... А батю-то уж там определите куда-нибудь... Мается мужик...

Ровно в полдень Севка дал команду отчаливать. На душе у него было тревожно. Снег продолжал валить. Зяблов с багром в руках нес вахту на носу: в ледяном крошеве то и дело показывались черные коряги, смытые большой водой с берегов. Встреча с ними хорошего не сулила. «Только бы успеть выбраться на Шаманку, — думал Севка, вцепившись в штурвал, — там хоть и против течения плыть, а будет легче — простору больше!»

ГЛАВА 9

День близился к вечеру. Серые облака, похожие на дым лесного пожара, быстро неслись с севера, сея мелкую снежную крупу. Сквозь просветы в тучах то и дело прорывался луч солнца. От него искрилась неровная снежная пелена, и по ней протягивались длинные кривые тени изб, телеграфных столбов и деревьев.

Иван Алексеевич, ведя на поводу коня, сошел с перевоза. На берегу, перевернутые вверх днищами, лежали вытащенные до весны лодки. Чуть подальше — штабеля бревен. За ними — большой сарай, откуда несся звенящий визг пилы. Дома, выстроившиеся вдоль берега, смотрели на реку маленькими окнами, стекла которых вспыхивали багровым пламенем, когда на них падали солнечные лучи.

Навстречу шел учитель биологии Ковалев. Возбужденный, довольный. На плече дорогая бескурковка, за спиной к крошням привязаны два закоченевших зайца. У одного на усах замерзли кровавые бусинки. «Отбегались косые!» — в сердце Ивана Алексеевича шевельнулась жалость. Сам он зверя не бил, за исключением рысей и волков, предпочитая охоту на птицу. За всю долгую охотничью жизнь только од-

нажды положил лося. Было это три года тому назад. Во время гона кинулся на него обезумевший от страсти сохатый. Прямо с седла, сорвав с плеча ружье, пулей остановил он тогда разъяренного зверя. Спасал не столько себя, сколько лошадь. Был бы пеший — отсиделся б на дереве, а на коне в густой чаще куда денешься?

— С полем, Борис Николаевич! — поздравил он охотника.

— Спасибо! Заходи завтра, тушеной зайчатиной угощу! — Ковалев помахал рукой и быстро зашагал к дому.

Отвернувшись от колючего ветра, Иван Алексеевич закурил. Похлопал мерина по животу, затянул подпругу и уже собрался садиться в седло, когда увидел показавшуюся из-за поворота маленькую самоходную баржу. Раздвигая густую шугу, баржа ползла по воде. За ней, зарываясь носом в волны и вихляя из стороны в сторону, следовал на буксире обледенелый катер.

— Чо стоишь? Примай чалку! — крикнул кто-то с баржи осипшим от холода голосом.

Иван Алексеевич, выпустив повод, сбежал к причалу, поймал конец веревки и замотал вокруг просмоленной сваи. Баржонка, ломая настывший на борту лед, прижалась к бревнам. К ней вплотную пришвартовался катер.

Еще не успели скинуть сходни, как на причал набежали люди.

— Митрич! Здорово! Куда тебя нелегкая носила? — кричал с берега высокий худой старик.

— Пашку мово не привез? — надрывалась молодка в наспех накинутой на плечи душегрейке. — Нету? Ну, я ему, нечистой силе, покажу, когда явится!

— Да что ты ему нового-то покажешь! Он тебя и так всю высмотрел. Мужику охота и на других баб поглядеть! — насмешливо бросил стоявший за спиной парень.

Разъяренная молодка обернулась к насмешнику, но того и след простыл, не захотел связываться.

Мерину надоело стоять на пронизывающем ветру. Он

замотал головой, толкнул хозяина побелевшим от инея лбом.

— Ладно, пошли! — машинально, словно человеку, сказал Иван Алексеевич и стал выбираться из толпы.

В это время, громыхая колесами по мерзлой дороге, к берегу подкатила телега. С нее спрыгнул начальник милиции Чибисов. Расправил ремень, стягивающий полушубок, огляделся и поднялся по сходням на баржу.

Толпа на берегу зашевелилась, послышались голоса:

— Гляди-ка! Милиция приехала! Опять, поди, буянов с лесоучастка привезли?

— Не! Сам бы не явился, прислал бы кого. Неужто бандюгу словили, что почтальоншу ранил?

— А устюжанинский-то катер, видать, отплавался. Раз на буксире приволокли — считай, теперь ему крышка: прямиком в утиль!

— Ой бабоньки, чтой-то?

Иван Алексеевич увидел, как из каюты на барже вышли люди. Подошли к большому ящику на корме. Повозились, распутывая веревки. Потом четверо из них подняли его и понесли. И тут Иван Алексеевич понял, что совсем это не ящик, а гроб. Поняли и другие, стоящие на берегу. Сдернув шапки, молча расступились, давая дорогу. Гроб поставили на телегу, хлестнули лошадь и уехали. Еще не затих стук колес, как все враз заговорили, строя догадки. Иван Алексеевич, нахмурившись, тронулся было в путь, но в эту минуту на повод опустилась большая, красная от холода рука.

— Здравствуйте, Иван Алексеевич!

— А, Сева! Здравствуй! То-то, я гляжу, катер знакомый, а тебя не узнал. — Иван Алексеевич всматривался в осунувшееся лицо Севки, заросшее грязной щетиной. — Здоров ли? Откуда?

— На Волью ходили. Груз метеостанции отвезли!

— Вовремя вернулись — к вечеру, наверное, лед установится.

— Мы бы еще позавчера пришли, да трое суток комиссию из области ждали у Долгих Сгариц. А вчера, как назло, мотор совсем отказал. Если бы не баржа, не выбраться бы.

— Какая еще комиссия?

Севка подошел ближе и тихо ответил:

— Верескова нашли. Комиссия на месте осмотрела, кажется, снова дело поднимать будут.

Иван Алексеевич качнулся в седле, сморщился и жестко ухватил Севку за плечо.

— Да ты что? Значит, все... Эх, Максим, Максим... Инга знает?

— Не видел я ее. На барже сказали, что она в Кедровке, в больнице. Хотел проведать, да комиссии нельзя было задерживаться — спешили очень.

— Зато до ледостава успели выбраться... Ты вот что, возьми у отца лошадь с кошевой и сгоняй в Кедровку. Скажи: я разрешил!

— Спасибо!

— Не за что! Ну, будь здоров!

— Подождите минутку! — Севка покрепче ухватился за повод. — У вас кордон на Гиблой елани пустует?

— Уж не хочешь ли перебраться туда?

— Нет! Вот Василий Иванович желание имеет. Познакомьтесь!

Иван Алексеевич взглянул на стоящего в стороне мужчину и, внутренне содрогнувшись, быстро отвел глаза. Но тут же устыдился и протянул руку.

— Левашов! Лесничий. Раньше в лесной охране работали? Отлично! Нам опытные лесники нужны. Только вот возьметесь ли? Кордон отдаленный... Если согласны, зайдите вечером в лесничество, договоримся. Вы с Устюжаниным приехали? Ночевать-то хоть есть где?

Зяблов растерянно развел руками.

— У нас переночует, — вмешался Севка. — Сейчас прямиком в баню — попаримся, а уж к вам — с утра пораньше. Сегодня-то не успеть!

Иван Алексеевич попрощался и тронул коня. Чуя близкий дом и теплое стойло, мерин пошел крупной рысью. Из-под его ног ветер гнал злую поземку. Она стелилась по дороге шуршащей лентой, крутилась змеей и мчалась впереди, спасаясь от широких конских копыт.

Добравшись до лесничества, Иван Алексеевич первым делом расседлал мерина. Жесткой щеткой растер ему спину, кинул в ясли охапку клевера и только тогда пошел домой.

В прихожей его чуть не сбил с ног кинувшийся на грудь сеттер. Лизнул в щеку шершавым языком и засуетился, повизгивая, не зная, чем бы еще убедить хозяина в своих горячих чувствах.

Отмахнувшись от него — ну рад, рад, вижу! — Иван Алексеевич прошел на кухню, где хлопотала Никитична. Взялся за щи и, все еще под впечатлением дня, вполуха слушал старуху. Отвечал невпопад на ее вопросы.

— Да ты что, Лексеич! Аль заболел? — загремела ухватом Никитична. — Я тебе что говорю: лесник с Крутихи в обед приезжал, говорит, леспромхозовские за своей деляной сорок кедров свалили. Акт на столе у тебя оставил. Может, еще забежит, расскажет... Давай миску-то, жареной картохи накладу!

Пообедав, Иван Алексеевич несколько раз прочел акт о порубке. Закипел от злости, выругался про себя и тут же присел к столу, оформил дело для передачи в суд.

«Хозяев много в лесу развелось, — сердито думал он. — Каждый из кожи лезет, чтобы свои планы выполнить, а на остальное наплевать!»

Вспомнил разговор с бригадиром леспромхоза.

— Ну чего ты шумишь, лесничий? Подумаешь, сотню дерев лишних вырубили? Не вырастет лес, что ли? Гляди, сколько его окрест — не измеришь!

— Так ведь в водоохранной зоне рубили, запретная она!

— Ну и что случилось? Река как текла, так и текет. Ничего с ней не сделается. Тебе больше всех надо, что ли? А штрафом грозишь зря, уплатим! Леспромхоз не обеднеет!

Вот тут-то и зарыта собака! Государственным карманом щедры распоряжаться! «Ну, погодите, — мысленно погрозил Иван Алексеевич, — вы у меня сами раскошелитесь. Будете беречь государственное добро!» И тут же на обороте акта написал просьбу, чтоб суд взыскал штраф не с леспромхоза, а с техрука, отдавшего приказ рубить кедры.

Нельзя же рубить все подряд! В погоне за планом заготовители добились снижения возраста леса, подлежащего рубке. На сорок лет дереву век укоротили! Ему бы еще расти, набираться силы и крепости, а его — раз! — и свалили! Все равно что забить шестимесячного бычка, который через год дал бы мяса в три-четыре раза больше.

А сам способ рубки? Назвали его прогрессивным. Это с какого бока посмотреть! Если в смысле быстроты, никуда не денешься — прогресс. А то, что после него начисто уничтожается подрост и лесосека похожа на поле под паром, — это тоже прогресс? Восстановление леса на такой «прогрессивной» лесосеке частенько обходится дороже снятой с нее древесины. Что-то тут явно недоработано!

Иван Алексеевич вспомнил статью Верескова, умную, доказательную, о том, что вырубка пойменных лесов привела в последние годы к бурным весенним паводкам и низкой летней межени Шаманки.

«Интересно, — подумал он, — а когда рассмотрят мое предложение? Целый год изучают. Не торопятся что-то!»

Достал из стола толстую тетрадь, бережно разгладил обложку. Это был черновик проекта создания орехо-промыслового хозяйства. Много бессонных ночей просидел он над этим проектом. Знал, что одними словами не убедишь никого. Пришлось, помимо экономических, приводить доводы с точки зрения гидрологии, метеорологии, сохранения почв, охотничьего промысла. И все в цифрах, потому что только цифры могут убедить людей в твоей правоте. Получилась целая диссертация. Неужели зря трудился?..

Стало прохладно. В окно бил ветер, прилетевший с далеких гор. Лепил на стекла хлопья снега, тонко подвывал и

все норовил ворваться в избу. Иван Алексеевич подсел к печке. Мешал кочергой угли, прислушивался к разгулявшейся непогоде.

Рядом с ним пристроился Верный. Каждый раз, когда хозяин кидал на него взгляд, пес бил по полу хвостом. Понимал ли он, о чем думал хозяин? По науке, собачий разум ограничивается природным инстинктом да тем, что называется условным рефлексом. У Ивана Алексеевича на этот счет было свое мнение. Хотя Верный и не умел говорить, но прекрасно разбирался в тончайших интонациях хозяйского голоса. Может быть, по-своему он думал, любил и ненавидел... Понять бы, что творится в голове животного! Во всяком случае, не условный рефлекс заставил однажды пса кинуться в ледяную воду и спасти тонущего хозяина.

Когда печь прогорела, Иван Алексеевич погладил собаку и отправился спать.

Проснулся он среди ночи. Буран кончился. Из окна в комнату лился лунный свет, отпечатывая по полу ровный четырехугольник. Где-то за печкой скрипел сверчок. Нащупал на столе папиросы, закурил и, глубоко затянувшись, посмотрел в окно. За ним, присыпанная пушистым снегом, виднелась еловая ветка. Легкий ветер раскачивал ее, и в неверном лунном свете казалось, что это не ветка, а чья-то рука скребется о стекло.

Почему-то вспомнились детство, отец с матерью. В последний раз он получил от них письмо в позапрошлом году. Долго вертел в руках конверт, не решаясь вскрыть. На сером бумажном прямоугольнике он узнал руку отца, но почерк был странный. Буквы налезали одна на другую, они почему-то сразу посеяли тревогу. Наконец вскрыл конверт и достал листок, вырванный из ученической тетради.

«Здравствуй, дорогой наш Иван!

Во первых строках своего письма сообщаю, письмо и деньги от тебя получили, за что шлем тебе родительское спасибо. Письмо твое читала мне внучка нашего соседа. Сам-то я вовсе плох стал глазами. Да и руки ослабли, лож-

ка валится. Хожу плохо, дыху не хватает. Мать тоже с самой троицы не встает и как свеча догорает. Старость, она, известно, подчищает нашего брата, стариков, под метелку. Фершал сказывал, что не жилица она. А потому поспешал бы ты с приездом, а то помрем и не свидимся...»

Иван Алексеевич читал письмо, и острое чувство жалости и вины перед стариками охватывало его все сильнее. Сколько раз за последние двадцать лет виделся он с ними? Сколько раз переступал порог отчего дома? Мало! Ох, как мало! Когда возвращался с фронта, прожил у них месяц, а потом, от силы раз пять, заезжал повидаться на несколько дней.

Деньги родителям отсылал аккуратно, оставляя себе самую малость. Много ли нужно одному в лесной глуши? Хотя и не часто, но давал о себе знать короткими письмами.

Только осенью ему с трудом удалось добиться отпуска. Лесхозовское руководство не любит, когда работники отдыхают весной или летом: самый разгар работы, да и лесные пожары требуют неусыпного внимания.

Стариков он не застал. Разминувшись с телеграммой, приехал и узнал, что всего неделю не дождались они его, скончавшись друг за другом. Смерть близких — это не только боль утраты и сознание одиночества. Иван Алексеевич почувствовал, что порвалась еще одна ниточка, связывавшая его с прошлым. Он сходил на кладбище. Поклонился родным могилам, обложил их дерном. Посадил отцу березку, а матери — рябину. По древнему обычаю, раскупорил бутылку, плеснул из стакана на могилу отца и допил остатки.

Два дня бродил по опустевшему дому, разглядывая знакомые с детства предметы. Дом был очень старый. Старой была и береза, распластавшая узловатые ветви над деревянной крышей, затянутой зеленым бархатистым мхом. Казалось, эти два старика настолько сжились друг с другом, что представить их один без другого невозможно. Стоял дом на берегу озера Увильды, дальний берег которого те-

рялся в туманной дымке. Осенью, когда дули сильные ветры, озеро темнело и грозно гудело, обдавая берег пенистыми волнами. Волны были как живые. Они молча накатывались с озера и у самого берега, взревев, бились о валуны.

Постояв на берегу, Иван Алексеевич совсем затосковал и в тот же вечер уехал, передав домик сельсовету...

ГЛАВА 10

Севка успел сбегать на гидрометстанцию доложить о рейсе на Волью и помочь матери по хозяйству, когда вернулись из лесничества отец с Зябловым. Оба красные с мороза, веселые. Потоптались на крыльце, сбивая с валенок снег, скинули полушубки и прошли в кухню.

— Ну, мать, корми мужиков, а то оголодали — ветром качает!

— Оно и видно!

Екатерина Борисовна, неторопливо накрыв стол, разлила в миски борщ. Потянулась было к полке, где за занавеской стоял графинчик, да передумала. Егор, наблюдавший за ней, усмехнулся, укоризненно покачал головой, но смолчал. Дома у них не принято спорить с матерью. Еще в молодые годы, приведя в дом жену, Егор молчаливо признал ее полной хозяйкой и все, что касалось семейного обихода, принимал без всякого спора. Может, поэтому прожили они долгую жизнь мирно и ладно.

Дочь пермского охотника, ничего не знавшая, кроме промысла пушного зверя, жила она на берегу дикой Вишеры, пока не встретила Устюжанина. Веселый, могучий плотогон вскружил девке голову и тайно от родителей увез на плоту. С тех пор никто из них не пожалел о своем выборе.

Ели молча, неторопливо. Севке не терпелось поскорее узнать, чем кончился разговор с лесничим. Но спросить опасался. Во время обеда болтать не полагалось, и батя запросто мог, не глядя на возраст сына, огреть по лбу ложкой.

Склонившись над миской, Зяблов исподтишка поглядывал на бледное, строгое лицо хозяйки. Годы изрядно потрудились над ним, но так и не смогли сеткой морщинок скрыть остатки былой красы. Наверное, вот с таких женщин писали в давние годы строгановские богомазы свои удивительные иконы.

Поглядывал Василий Иванович, пока не поймал на себе ее жалостный взгляд. Смутившись, опрокинул на колени миску с борщом, сгоряча смачно выругался и впал в полное смятение. Севка фыркнул и выскочил из-за стола.

— Эк тебя разобрало! — сам едва удержавшись от смеха, рыкнул на сына Егор и, чтоб рассеять смущение Зяблова, заговорил с ним, нарушая самим же заведенное правило.

— Значит, так, Василий Иванович! Ты у нас погости, отдохни с дороги, пока Северьян в Кедровку ездит. А тем временем не спеша все приготовим. На складе провиант возьмем, ну, там чай, сахар, сала, мучицы. Картошка на кордоне имеется. Осенью восемьдесят ведер в яму опустили. Мясо сам добудешь. Тебе как леснику лицензию на лося выдадут. С голоду не замрешь. Что, ружья нет? Так тебе казенное со всем припасом полагается. Как только Северьян вернется, мы на двух подводах все и свезем. Одного коня с упряжью тебе оставлю. Нехватка в чем будет — всегда приехать сможешь.

После обеда, когда отец с матерью ушли отдыхать, Севка подсел к Зяблову.

— Долго уговаривать лесничего пришлось?

— Не. Я так понимаю, что такого все едино не уговоришь, как решит, так и сделает... Долго мои бумаги смотрел, хмыкал. У меня, паря, от страха спина взмокла, думаю, сейчас поворот от ворот даст. Сижу, боюсь и рот раскрыть. А он, значит, поглядел на меня сурьезно и говорит: «Биография ваша, Василий Иванович, не ангельская, скорее даже наоборот! Но раз лесу вы преданы, значит, пользу ему принести можете... Оставьте документы. Я вас лесником на этот треклятый кордон зачислю. Егор Ефимович все нужное

вам выдаст и до места доставит». Как услышал я это — веришь, нет? — душа взыграла! Будьте в надеже, говорю, дело справлять буду как положено. Только пошто вы кордон клянете? «А потому, — отвечает, — что бегут с него люди. Больше года никто не выдерживает. Жилья вокруг никакого. А человек не волк, ему одному нельзя. Должен он хоть иногда с другим человеком словом перемолвиться, бедой или радостью поделиться!»

Зяблов потер щеки ладонями. Вздохнул.

— Он, может, и верные слова сказал. Да только я привык в одиночку-то. Сколь годов все в себе таил. Привык! Это только теперь отходить стал, понимать, что к чему. Вот родители твои меня приветили, да и лесничий этот, видать, мужик неплохой. А про тебя разговор особый, кабы не ты — сидел бы я на Волье и локти зубами рвал.

Севка смущенно заморгал глазами.

— Да я-то что! От меня ничего не зависело. Знал бы, как я переживал всю дорогу, пока плыли. Все думал, как тебе в глаза глядеть буду, если с кордоном ничего не выйдет?

Зяблов хрипло рассмеялся, хлопнул Севку по колену.

— Все хорошо, паря, обошлось. Может, теперь жить заново буду.

Проводив Зяблова, Иван Алексеевич еще раз внимательно перечитал его документы. Каждую страничку просмотрел на свет: нет ли подчисток. Не понимая, почему так заинтересовал его этот человек, долго ходил по комнате, думал.

Что заставило его принять Зяблова в лесную охрану? Сочувствие ли к его трудной судьбе или страстная убежденность того в своем призвании? Одно он знал определенно: хлопот с зачислением нового лесника у него будет немало.

Он взглянул на часы и поморщился: времени осталось только-только, чтобы добраться до станции к приходу поез-

да. Натянув ушанку и полушубок, вышел во двор. С удовольствием вдохнул чистый студеный воздух. Высокие сугробы вдоль забора — все, что осталось от прошедшего бурана. Сейчас уставший ветер срывал с крыши тонкие снежные струйки. Небо очистилось, и лишь кое-где, оттеняя его яркую голубизну, проплывали ватные обрывки облаков.

В конюшне дремавший у стойла мерин повернул к хозяину голову. Иван Алексеевич погладил коня по спине и, накинув уздечку, вывел во двор. Запрячь его оказалось не просто. Все лето ходивший под седлом, мерин отвык от хомута и круто шарахнулся в сторону. Всхрапывая, он испуганно косился, мотал головой, и Ивану Алексеевичу стоило немалого труда надеть ему на шею символ владычества человека. А дальше пошло совсем из рук плохо. Мерин разнес копытами в щепы передок кошевки, поднялся на дыбы, сломал оглобли и, вырвавшись, закружился по двору.

— Вот сатана! — взбешенный лесничий кинулся ловить бунтаря. В пылу погони он не слышал, как скрипнула калитка, и не заметил, что во двор шагнули два человека и остановились, с любопытством наблюдая за схваткой.

С трудом Ивану Алексеевичу удалось поймать повод. Мерин рванулся, сбил его с ног и протащил по снегу. Остановился, обнюхал лежащего хозяина и фыркнул, обдав лицо мелкими брызгами.

Иван Алексеевич, шатаясь, поднялся. Перед глазами все плыло, и он не сразу увидел бегущих к нему людей.

— Не зашиб?

Он узнал начальника милиции Чибисова.

— Немного задел! — прикладывая ко лбу снег, ответил Иван Алексеевич. — Ума не приложу, с чего он взбесился. Вот и верь после этого, что мерин — добродушная скотина!

Он отбросил покрасневший от крови снег и потрогал ссадину на лбу. Злость прошла. Отмахнувшись от толкавшего его мордой коня, он с сожалением посмотрел на искалеченную кошевку.

— Как же я поеду? А? — укоризненно спросил он мерина. — Прохвост ты, больше ничего. Вздуть бы тебе полагалось, да разве поймешь? Вот обменяю тебя на леспромхозовскую клячу, будешь бревна возить, научишься уму-разуму!

Снова набрав в горсть снега, Иван Алексеевич наконец сообразил, что люди пришли к нему. Он извинился и взглянул на стоящего рядом с Чибисовым человека. Незнакомец притопывал ногами в щеголеватых сапогах и зябко тер руки. Где он его видел? Кажется, вчера среди приехавших на барже. Ну конечно! Иван Алексеевич еще пожалел его, одетого в легкую, не по сезону одежду.

— Ко мне?

Чибисов кивнул головой.

— Пойдемте домой. Уехать нынче все равно не удастся. Завтра поищу попутную подводу до станции.

Пока гости раздевались в прихожей, Иван Алексеевич прошел на кухню, залепил пластырем ссадину.

— Так что случилось? — спросил он, когда они прошли в комнату, и перевел вопросительный взгляд с Чибисова на его спутника.

— Самохин Сергей Михайлович! — представился тот и, вынув из кармана маленькую красную книжечку, протянул ее хозяину.

«Старший следователь областной прокуратуры», — прочел Иван Алексеевич.

— Чем же я мог заинтересовать следственные органы? Если моим конфликтом с леспромхозом, то вам лучше обратиться в управление или Госконтроль. Мое объяснение может показаться слишком субъективным!

— Да нет! Мы совсем по другому делу... — Самохин снял с рукава пушинку, взглянул в глаза собеседнику и, чуть помедлив, произнес: — Я хочу задать несколько вопросов в связи с убийством Верескова.

— Что-о? Так, значит, он погиб не от несчастного случая?

— Экспертиза полностью это исключила. Нашлись доказательства насильственной смерти. Не скрою, дело очень сложное, тем более что прошло много времени. Вы были другом погибшего, и мы просим вас помочь следствию.

— Я готов! Но каким образом?

— Что он представлял из себя? Круг его знакомств, интересы...

— Странно, — сказал Иван Алексеевич. — Никогда не предполагал, что ответить на такие вопросы очень трудно. — Он сунул в рот папиросу. Задумался, держа в руке горящую спичку, пока она не обожгла ему пальцы. — Полегче бы вопрос задали. Вам ведь нужна не стандартная характеристика, какие обычно пишут в отделах кадров: «Инициативный, знающий».

Самохин улыбнулся.

— Вы подметили точно. У кадровиков свой стиль аттестации. Если «инициативен» — значит, работник хороший, нет — «плохой».

— Вот-вот, — кивнул головой Иван Алексеевич, — я об этом и говорю. Человек не машина. Понять его мысли, характер — трудная задача... Вот, например, сегодня принял я нового лесника. Честно говоря, встал в тупик — за плечами у него тяжкое преступление и колония. Казалось бы, такого типа и на пушечный выстрел нельзя допускать к лесной охране. А вот хочется верить ему! Какая-то у него страстная любовь к лесу, без которого жизнь ему опостылела... Рискнул взять, хотя знаю, что придется выдержать бой.

Подкрались сумерки, в комнате стало темно, и Иван Алексеевич зажег свет.

— Если не спешите, выпьем по стакану чая. Водки не предлагаю, вы люди официальные!

— Давай чай, да погорячее. Мы нынче целый день бродили, все нутро промерзло!

Иван Алексеевич вышел на кухню, и через десять минут на столе появился крепкий душистый чай. Грея ладони о стакан, он вернулся к прерванному разговору.

— Что меня всегда поражало в Верескове, так это способность сходиться с людьми. Вроде не очень и разговорчивый был, да и народ здесь суровый, не всякого в душу пустит, а он сразу прижился, своим стал. Смелый — один медведей с берлоги брал. На это не каждый промысловик решится. Таких народ любит.

— Вы с ним часто встречались?

— Почти ежедневно! — просто ответил Иван Алексеевич. — Дочка его ко мне привязалась. Дядей Ваней зовет.

— Враги у него были?

— Явных нет.

— Это как понять?

— Он же был общественным охотинспектором, и очень строгим. Кое-кого взял с поличным: лосей били. Тем, кто привык хозяйничать в лесу, как дома, это не нравилось. Однако угроз в его адрес никто вроде бы не слышал.

— А вам кто-нибудь грозил?

— Нет!

— Вот видите — грозить не грозили, а все же стреляли. Не думали, кто это мог сделать?

Иван Алексеевич покачал головой.

— В таких делах нужна ясность. Долго ли невиновного человека оговорить. А фактов у меня нет. Я тут, правда, тоже многим насолил. Задерживал за самовольные рубки, за браконьерство. Шесть ружей отобрал. Двоих даже посадили. Леспромхозовские на меня зуб точат — в прошлом году по моим актам их прогрессивки лишили. А что делать? Один раз уступишь — и пойдешь у них на поводу.

— А еще говорят, что работа лесничего спокойная, ну, прямо курорт!

— Как сказать! Может быть, в Подмосковье оно и так, а здесь дело иное. Уже строили Магнитку и Днепрогэс, а тут еще верховодили кулаки и шаманы... Сейчас нашли нефть и газ, строят дорогу, люди живут и мыслят по-новому. А все же иногда прорвется старое.

Самохин достал из кармана записную книжку, что-то черкнул в ней. Посмотрел на Чибисова.

— О чем задумался, Павел Захарович?

Чибисов обвел взглядом сидящих за столом. Его лицо, изрезанное глубокими складками морщин, с набрякшими мешками под глазами, было хмуро и сосредоточенно.

— Догадка мелькнула. Проверить нужно, Сергей Михайлович. Вернемся в отделение, полистаем дела еще раз...

Иван Алексеевич вышел проводить гостей. Было морозно и тихо. Небо казалось бездонным, и оттого звезды, от света которых искрилась снежная пелена, виделись близкими.

Прощаясь, Самохин задержал руку Ивана Алексеевича в своей и произнес:

— Человеческая память несовершенна, но постарайтесь вспомнить какие-нибудь мелочи. Они могут оказаться очень ценными.

Они ушли. Иван Алексеевич постоял у калитки, пока не затих скрип снега под ногами ушедших. Закрыл ворота на засов.

В кухне разыскал оставленную Никитичной на шестке еду. Поужинал и отправился спать.

А в это время Чибисов в своем крохотном кабинете, разложив на столе папки, говорил Самохину:

— Шестнадцатого октября была попытка ограбления почтальона Вересковой. Наш участковый Дягилев толково провел следствие и вышел на бывшего жителя Кедровки Якова Евсюкова. По словам матери, Яков приезжал на один день. Приметы сына, сообщенные ею, совпали с теми, что показала потерпевшая. Все материалы по этому делу высланы в управление, в том числе и пистолетная пуля, извлеченная из плеча Вересковой.

— Вы хотите подчеркнуть, что в обоих случаях — с отцом и дочерью — фигурируют пистолетные пули?

— Вот именно. Нет ли тут связи? Две пули, а пистолет-то один.

— Не будем обгонять факты. Экспертиза установит — выпущены они из одного пистолета или из разных.

— Из разных? Ну ладно, я могу предположить, что у кого-то тайно хранится оружие, но чтобы несколько человек бродили с пистолетами — это уже ЧП.

— Да, вам не позавидуешь! Меня, признаться, смущают мотивы. В одном случае — грабеж, в другом — явная месть: грабить человека, работающего на реке, бессмысленно... Жаль, что нет третьей пули.

— Какой третьей?

— Той, что пробила руку Левашова!

— Та была не пистолетная. Судя по ране, жаканом в него шарахнули, а эта штука посерьезнее. Его счастье, что пуля скользом прошла, только кусок мяса у локтя вырвала. Попади в кость — руки мог лишиться!

Самохин полистал дело, сощурился.

— Сдается мне, что Левашов знает больше, чем нам рассказал!

— Сомневаюсь. В его же интересах найти того, кто стрелял. В следующий раз промаха может не быть.

— Это и беспокоит. А вас должно тревожить еще больше. Два нераскрытых преступления, по сути дела, три — немного ли?

— Вам легко говорить. В городе такие дела расследуются быстро: людей много, свидетелей всегда найти можно. А лес молчалив, что и видел — не скажет. Если бы еще не путаница, внесенная первой комиссией, возможно, убийцу Верескова давно бы нашли. А сейчас ищи ветра в поле. Все успокоились, и преступник постарался замести следы.

— Считаете, что действовал один человек?

— Это одна из версий!

— У вас их несколько?

— Все будет зависеть от экспертизы. Если подтвердится, что обе пули идентичны, значит, в обоих случаях действовал один человек. Если нет, будем разыскивать нескольких. План расследования я пока наметил в общих чертах.

Выбрал все акты, составленные на браконьеров Левашовым и Вересковым. Их набралось двадцать один. И вот что интересно, Сергей Михайлович: три человека задерживались тем и другим. Трижды Постовалов — кладовщик гортопа, два раза Евсюков — агент-заготовитель сельпо, а Егармин, бывший лесник, уволенный за хищение леса, задерживался с поличным пять раз! И что еще показательно — занялся он браконьерством после того, как был выгнан из лесной охраны.

— Он, наверное, и до этого хищничал втихомолку. Где он сейчас работает?

— На звероферме.

— Вот с него и начните. Следствие продолжайте, но факты не подгоняйте, если версия верная, они сами выстроятся в систему. Уверен, что справитесь. Обстановку, людей и местные условия вы знаете хорошо. Прокуратура эти происшествия берет под контроль. Если будут затруднения, не стесняйтесь, окажем любую помощь.

ГЛАВА 11

Инга чуть не расплакалась, когда в приемную кедровской больницы ввалился Севка, внеся с собой клубы пара и свежий морозный воздух. Она кинулась к нему и уткнулась лицом в заиндевевший воротник тулупа.

Севка обнял девушку, тихо коснулся щекой ее волос и осторожно отстранил.

— Застудишься. С морозу я, весь ледяной!

Он скинул тулуп, поискал глазами вешалку, и, не найдя, швырнул его в угол. Обил у порога с валенок снег. Стащил полушубок и, оставшись в пиджаке, натянутом на толстый голубой свитер, все же казался громоздким, заполнившим почти до отказа маленькую приемную.

Потирая озябшие руки, Севка присел на скамью и, глядя в бледное, осунувшееся лицо Инги, покачал головой.

— Ничего, дома поправишься, мать парным молоком отпоит. Выпишут-то хоть скоро?

— Уже, Севочка, выписали. Я утром в Нагорное звонила. Сказали, что ты выехал. Вся извелась! Даже не верится, что снова дома буду. Как там, все в порядке?

— А что может случиться? Вроде бы все по-старому. Я ведь только позавчера вернулся, оглядеться не успел — и к тебе!

— Как съездил? Удачно?

— Хуже некуда. Опоздай на полсуток — и заморозил бы катер! Ну а ты как решила? Снова на почту пойдешь?

— А куда же больше? Пойду. Только окрепну, а то голова до сих пор кружится, крови много потеряла.

— Окрепнешь. А на почту не стоит тебе возвращаться. Найдем работу в поселке. Без беготни.

— Это чтоб я да на одном месте сидела? Не выйдет, Сева! Счетовод или продавец из меня не получится!

Скрипнула дверь, и из соседней комнаты вышла медсестра. Поджав губы, неодобрительно посмотрела на мокрые следы, оставленные валенками Севки. Перевела взгляд на Ингу и смягчилась.

— Приехал! Вот и ладно. Заждалась она. В больнице лежать радости мало. Если еще никто не проведает, вовсе тоска смертная.

— Не знал я, что с ней такое случилось. В отъезде был! — чувствуя себя почему-то виноватым, оправдывался Севка.

— А я тебя и не виню, молодой человек. Просто так сказала, чтоб на будущее знал. Мало ли что может с нашим братом случиться, а доброе слово и внимание иной раз лучше всяких лекарств действуют.

Она потрогала лоб Инги, проверила пульс.

— Ну ладно. Вы пока тут беседуйте, а мы документы оформим. Можешь ее сегодня и забрать. Дома теперь пусть сил набирает!

Выехать в Нагорное в тот же день не удалось. У Инги не

оказалось теплой одежды, а мороз крепчал и к полудню затянул стекло ледяным узором. Пока Севка доставал у брата валенки, тулуп — завечерело, и пускаться в путь на ночь глядя его отговорили.

— Дорога еще не установилась. В темноте санного следа не разглядишь, заедешь к черту на кулички, себя и девку заморозишь, — убеждал его брат. — Переночуйте у нас, а завтра на зорьке и отправитесь.

Дом у Романа Устюжанина большой, пятистенный. С крытым двором и многочисленными стайками. Под окнами палисадник. Летом полыхают в нем мальвы, а сейчас красуется опушенная инеем рябина. Горница в доме светлая. В углу широкий диван, на котором возятся два ухоженных пацана. Пол застлан половиками. На стенах, оклеенных обоями, фотографии в рамках. Сервант, зеркальный шифоньер.

Севка усмехнулся.

— Ты чему? — ревниво поинтересовался Роман.

— Та-ак! — протянул Севка.

— Затакал! — рассердился Роман. — Знаю я тебя, просмешника. Поди, думаешь, вот, мол, давно ли щи лаптем хлебали, а теперь за полированным столом жрать изволят. Дал бы я тебе по шее, как раньше бывало!

Широко расставив ноги, грузный, с крепкой, как у борца, шеей, Роман стоял посреди горницы, как каменная глыба. Севка внимательно посмотрел на брата и с острым чувством жалости впервые увидел, как тот изменился за последний год. Лицо обрюзгло, глаза с мутнинкой, под ними набрякшие мешки.

— Нет, братуха, — покачал он головой, — что было, то быльем поросло. Теперь твой черед на лопатках лежать!

— Ну, это еще поглядим. Давай поборемся!

Из кухни выскочила жена Романа, Настя, затараторила:

— Петухи! Истинные петухи! И не совестно вам? Под потолок вымахали, а ума до сей поры не набрались. Как ребята малые. Вот измочалю ухват о загорбки — поумнеете!

Братья переглянулись, и Роман громко захохотал. Настя разъярилась еще больше.

— Ржешь! А стайка до сей поры нечищеная стоит. Мне, что ли, этим делом заниматься? А ты чего лыбишься? — накинулась она на Севку. — Забирай одежу да веди сюда свою почтальоншу!

И, уже смягчившись, закончила:

— У меня еще коровы недоены. Пока ходишь, я тут управлюсь и ужин соберу...

Ужинали долго, основательно. Хозяйка не поскупилась, выставила на стол жареную картошку с бараниной, соленые грибы в сметане, тушеных рябчиков с брусникой и прочую домашнюю снедь. Среди этого великолепия красовался большой пузатый графин из зеленого стекла.

Инга после больничной пищи с удовольствием испробовала всего понемногу.

— Кушайте! — угощала Настя. — А ты почему, как цыпленок, клюешь? — уговаривала она Ингу. — Накладывай больше. Вот рябчишку отведай. Ромка нынче их целый мешок настрелял.

— Ешь ананасы, рябчиков жуй! — пробормотал Севка с набитым ртом.

— Чего нет, того нет. Зато вот грибочки удались нынче, почище твоих ананасов будут!

— Это уж точно! — поддержал жену Роман, гоняясь вилкой за ускользающим оранжевым рыжиком. Поймал. Опрокинул в рот рюмку и закусил грибком.

Пил он много и не пьянел, только лицо и шея еще больше краснели, наливались морковным соком.

От еды и тепла Ингу разморило, глаза стали слипаться.

— Пойдем-ка, девонька, спать! — подняла ее Настя. — Пущай мужики сидят, я им в горнице на полу постелю, а мы с тобой вместе ляжем.

Несмотря на усталость, Инга заснула не сразу. Рядом негромко посапывала Настя. Умаявшись за день, та уснула мгновенно, едва коснувшись головой подушки. В спаленке

было жарко и тихо. Из кухни доносились приглушенные голоса засидевшихся за столом братьев. В горнице, за дощатой стенкой, монотонно постукивал маятник. Под его баюканье Инга уснула.

Было уже за полночь, когда ее разбудил тихий разговор в горнице. Севка с Романом, укладываясь спать, о чем-то спорили.

— Дурака ты свалял, — убеждал шепотом Роман. — Сейчас, как свидетеля, затаскают!

— По-твоему, нужно было оставить его там? — зло ответил Севка.

— Пусть бы лежал! Какая ему теперь разница? А тебе хлопот — будь здоров! Еще пожалеешь! Ты как наш братец Семен. Тот тоже везде нос сует. А что вышло? Сняли с бригадиров, теперь сучкорубом вкалывает!

— За что сняли?

— А, почитай, ни за чо. В прошлом году мы план с довеском выполнили к двадцать пятому декабря. Премию неплохую получили. Правда, пришлось малость схитрить. Осталась у нас одна дальняя делянка, кубов на двести. Пока бы к ей дорогу пробивали да вывозили, к Новому году нипочем бы не управились. Оставлять лес на корню не положено, сам знаешь. Раз деляна отведена, выруби и вывези! А нам, ежели ею заняться, никак бы в срок не уложиться. Спикала бы наша премия. Ну, техрук и дал команду: «Рубай, ребята. Потом вывезем!» Оно, конечно, против закона, но ведь все так делают — не мы ж первые! Сенькина бригада провела рубку, я им со своими ребятами помогал. Быстро управились. А январь пришел — тут уж не до деляны, знай пластай в счет нового плана. Сенька, как проведал, что древесина на лесосеке гнить оставлена, лесничему доложил. Тут карусель и завертелась. Техрука с работы помели, Сеньку с бригадиров сняли, весь леспромхоз прогрессивки лишили.

— Сенька же приказ техрука выполнял.

— За вывозку он тоже в ответе. Еще легко отделался.

Техрука мало что с работы выгнали, так еще и штраф большой наложили.

— А тебе что было, ты ведь тоже рубил?

— С меня спрос маленький, не я командовал. Только по карману ударили, без премии все остались. Ну да не обеднеем... Сам видишь, не хуже других живем. А почему? Нос не сую куда не следует. Вот так-то, братец!

— По большой дорожке не ходишь, все обочиной пробираешься?

— А так оно спокойнее. Я никого не задеваю, и меня опять же не трогают. Жизнь штука такая: иной раз не знаешь, с какого бока к ей подступиться, чтоб не вдарила! Вот ты сунулся с Вересковым...

Инга лежала и невольно прислушивалась. Приглушенный разговор за стенкой раздражал, гнал сон. Она уже хотела прикрикнуть на братьев, когда до ее сознания дошел смысл слов, произнесенных Романом. Не помня себя, она вскочила с кровати, накинула на плечи халатик и рванула дверь в горницу.

Роман осекся на полуслове. С открытым ртом, испуганно смотрел на появившуюся в проеме двери девушку.

— Сева! Что с отцом? — шепотом, от которого у братьев по коже пошли мурашки, спросила она.

Севка растерялся. Схватил со стула куртку, зачем-то порылся в карманах и, скомкав, швырнул на диван.

Мысленно ругая себя и Романа за болтливость, он лихорадочно соображал, как выйти из положения. Так ничего и не придумав, в отчаянии он осторожно взял Ингу за локоть, усадил на диван и, не решаясь взглянуть ей в лицо, рассказал про находку в Долгих Старицах.

Проснулась Настя. Подсела к ним. Обняла застывшую от горя, без слезинки, Ингу.

— Ты, девонька, крепись! В душе-то, чай, давно его схоронила. Неужели надеялась, что вернется? Сердце свое обманывала, а такой обман тяжелее правды. Ладно, хоть мертвого нашли. Моих-то родителей неизвестно где и ко-

сточки лежат. В сорок первом прямо в хату бомба угодила. Изо всей семьи одна я живой осталась — маманя послала корову искать. Когда прибегла — обмерла сразу: вместо подворья — воронка дымится... Люди добрые подобрали, вывезли на Урал. Здесь в детдоме росла, а ты-то уже взрослая. — Жесткой ладонью она гладила Ингу по плечу, успокаивала: — Да поплачь ты, поплачь! Полегчает! Что же теперь делать-то? От беды никуда не спрячешься. Переживешь свое горюшко, у тебя все впереди. Живым о живом надобно думать!

Роман, у которого вылетел из головы весь хмель, топтался рядом. Деликатно прикрыв ладонью рот, чтоб не разносился винный дух, невнятно бормотал:

— Ты уж, Ингушка, держись... Ведь все за тебя болеют. Про Севку вон говорить нечего — в лепешку расшибется, только слово скажи!..

ГЛАВА 12

На другой день после возвращения Севки из Кедровки Зяблов стал собираться в дорогу. Еще раз просмотрел свое нехитрое имущество, умещавшееся в большом брезентовом мешке, кое-что прикупил из мелочи. Екатерина Борисовна напекла подорожников, заштопала ветхий свитер, чем привела его, неизбалованного вниманием, в умиленье. Он порылся в мешке и вытащил пару домашних туфель, украшенных мансийским орнаментом.

— Возьми, Борисовна! Дочке шил, да малость обмишурился, маловаты сделал, а тебе как раз впору будут.

Екатерина Борисовна с восхищением осмотрела подарок. Покачала головой.

— Такую обувку молодым девкам носить, а не мне. Возьми-ко обратно, не к лицу мне в них щеголять!

Севка, присутствующий при этом разговоре, пошутил:

— Ты, Василий Иванович, поди, своей мотане делал, а про дочку сейчас выдумал.

— Помолчал бы, Северьян. Болтаешь не знамо что. Я из таких годов, когда к соседкам бегают, давно вышел.

Он насупился.

— Над моей мотанюшкой, поди, сейчас и холмика не знатко. Рано померла. От клеща. В лесу жили. В две недели скрутило. Прививок-то не знали тогда.

— Любил жену-то?

— Жалел!

— Это как же понять? — удивилась Екатерина Борисовна.

— Помогал. К тяжелой работе не допущал. Гостинцы ей приносил, как выбирался из леса: полушалок, башмаки как-то, ситчику... Радовалась обновкам, словно дите. Вырядится, как на праздник. Я ей: ты что, мол, никак в гости к медведям собралась? А она: «На кой мне косолапые, у меня свой дома имеется!»

— Хорошо жили?

— Куда лучше! Только вот хорошая-то жизнь у меня в ладошке уместится, а плохой было столько, что глазом не окинуть.

Он замолчал, отвернулся. С ожесточением стал заново увязывать мешок. За этим занятием и застал его Егор, вернувшийся из лесничества.

— Обожди собираться, — скидывая полушубок, заявил он. — Задержаться придется. Завтра Верескова хоронить будут. Помочь надо могилу вырыть. Ты как, Василий Иванович, не возражаешь? Вдвоем-то быстрей управимся.

— Чего ж не помочь? Пойдем поробим, а то я у вас тут, как на курорте, засиделся. И Максиму напоследок послужу.

— Покорми-ко нас, мать. Поедим и отправимся. А ты с Севкой сходи к Инге, по дому помогите управиться. Утром встретил ее, лица на девке нет. Я ее успокаивать, а она: «Растерялась я, дядя Егор, не знаю, за что и браться. Кабы не Севка, совсем бы руки опустились!» Ты у нее вчера был? Помог чем-нибудь? — обратился Егор к сыну.

— Дел там невпроворот. Избу истопил. Почитай, месяц нетопленая стояла, по углам куржак выступил. Воды натаскал, полы вымыл, прибраться помог. Баню истопил.

— И хозяйке, поди, спинку мочалкой потер! — не удержался Зяблов.

Севка побелел. Чуть не задохнувшись, выкрикнул:

— Ты, Василий Иванович, не болтай, что не следует, а то я ведь и двинуть могу!

— Ну, ты, двигало! — сурово оборвал его отец. — Как разговариваешь со старшими?

— Ничо, Ефимыч, не замай парня. Это ему за «мотаню» причитается. Я ведь тоже пошутковать люблю! — усмехнулся Зяблов.

Взбешенный Севка схватил полушубок и, не попадая в рукава, метнулся к двери.

— Куда? А ну-ка, вернись! — остановил его властный голос отца.

Глядя исподлобья, Севка хмуро ответил:

— К Инге пойду!

Егор подошел к сыну, положил на плечи тяжелые руки, повернул и, глядя в глаза, заговорил:

— Ты зачем нашу седину срамишь, старого человека обидел? А? Мы-то с матерью радовались, что вырос не в пример братовьям. Оказывается, недалеко от них ушел. Выдрать бы тебя вожжами, да ведь стыд — балку лбом достаешь.

Гнев Севки прошел, он уже чувствовал раскаяние за грубость, но из упрямства пробормотал:

— Это Василий Иванович-то старый? Быка запросто свалит!..

— Я разве об этом говорю? Ты старших уважай, вот что! Своих растить будешь — кто их этому научит? Понимать должен!

— Ну ладно, ладно... Хватит мне мозги вправлять. Ну, виноват, погорячился. Винюсь. Ты, Василий Иванович, зла не держи...

Зяблов, чувствовавший себя виновником ссоры и оттого впавший в тоску, обрадовался:

— Эх, елки зеленые! Какое уж тут зло, сам виноват — черт за язык дернул. А ты, паря, молодец, зазнобу свою в обиду не даешь.

Он сгреб Севку в охапку, что-то шепнул на ухо и подтолкнул к двери.

— Топай быстрее, поди, заждалась девка.

После ухода сына Екатерина Борисовна вздохнула:

— Характерный парень вырос! Все сам да по-своему! Но голова на месте и не злой... Ты, Егор, гляди, он еще и Ингу приручит! Но ей с ним нелегко будет, коли сговорятся! А девка-то золотая...

— Да ты Северьяна пожалей! Это же не девка, а черт в юбке. Два сапога — пара. Хотя, может, сынка твоего в узде держать будет, а то вон дурь-то нет-нет да и прорвется. Ну, это от молодости. В годы войдет, справный мужик получится.

— Это точно... — поддакнул Зяблов. — Сынок ваш хоть куда, а главное — самостоятельный, на все свое понятие имеет. Я пока с ним плыл — насмотрелся... Ты, Егор Ефимович, счастливый, целую гвардию вырастил. Есть кому эстафету сдать.

— Так и ты не пустоцвет. Дочь у тебя, внучата... Да и не было бы никого, все равно что-то на земле оставил бы! Дома, дороги строил, лес вон растил...

Зяблов удивился. Ну, лес понятно, это не пшеница. У той урожай снимает, кто сеял. А лесной урожай — для дальних потомков. Это память долговекая. А печь сложил или избу срубил? Тут главное — получил деньгу и будь здоров! Ты меня не знаешь, и мне тебя помнить не к чему! Вся память в кармане!

Егор только покрутил головой. Вот мужик! Рассуждает, как шабашник! И в то же время к лесу тянется, и не корысти ради, а всей душой... Одно с другим не вяжется. Словно два человека в одном. Какой из них настоящий — разберись!

Решительно хлопнул ладонью по столу, встал.

— Хватит прохлаждаться, пошли, а то до темноты не управимся. Мать! В чулане смолье лежит, в бересту завернуто. Земля стылая, огнем оттаивать придется. Лопаты и лом я приготовил, топор не забыть. Ну давай, Василий Иванович, тронемся...

Выплывшая из-за леса луна уже залила землю голубоватым мерцающим светом, когда управились с могилой. Место для Верескова выбрали хорошее: на небольшом бугре, под высоким кедром. Кругом в разные стороны по склону разбежались березы. Летом они весело шумят листвой, а сейчас печальны и тихи. Их голые ветки похожи на паутину с запутавшейся в ней луной. Такая же паутина, сотканная из теней, пролегла на снегу, в котором утонули березы.

Зяблов стряхнул с колен землю, собрал инструмент и только тут почувствовал, как вспотевшее тело охватила холодная дрожь. Поеживаясь, он плотнее запахнул полушубок, крякнул.

— Эко, морозит... — и осекся.

Егор Устюжанин, сдвинув на затылок шапку, внимательно к чему-то прислушивался, приложив ладонь к уху.

— Ты чего?

— Тихо, слушай!

Откуда-то сверху, из ночной темноты, окутавшей небо, неслись глуховатые, полные тревоги звуки: «Клинк, клинк!»

— Лебедь! — пояснил Устюжанин. — Видать, отбился от стаи.

— Куда же он теперь? Вся птица позавчера пролетела, когда мы от Кедровки к Нагорному плыли. Ох, и сила шла! Табун за табуном, тысячи, только свист стоял. Гуси, лебеди, турпаны, крохали! Как настеганные перли! Сроду такого лета не видел!

— Здесь каждый год так. Весной постепенно прилетают, не так заметно. Зато перед ледоставом всем скопом на юг жмут.

— Пошто этот задержался?

— Кто его знает. Может, больной или раненый был!

— Догонит своих, как думаешь, Егор Ефимович? — с беспокойством допытывался Зяблов.

— Если в степях озера не замерзли, может, и догонит. Только сомневаюсь. Раз от стаи отстал — едва ли выживет. Это, как у людей. Считай, гиблый. Много ли в одиночку сделаешь?

ГЛАВА 13

— Дядя Ваня! — едва перешагнув порог, провозгласила Инга. — Вам почта!

Иван Алексеевич, составляющий отчет об отпуске леса, поморщился при виде груды конвертов. Канцелярщину он не любил, полагая, и не без основания, что чем больше напишет бумаг, тем меньше у него останется времени на дело.

— Ну, здравствуй, племянница! — улыбнулся он.

Целый месяц, прошедший после похорон Верескова, они не виделись, и сейчас он с удовольствием отметил, что к девушке вернулась ее прежняя жизнерадостность, снова лукаво глядели чуть раскосые, темные, как вишни, глаза. И только бледное, осунувшееся лицо говорило о пережитом.

— Проходи! Давно я тебя не видел!

Инга сбросила шубку, стащила с головы пушистую заячью шапку, сшитую ей отцом из ее же охотничьих трофеев. тряхнула кудряшками. Иван Алексеевич присвистнул.

— А где коса?

— А ну ее! Никто сейчас кос не носит!

— За модой гонишься? Хорошо хоть под машинку не обкарналась!

— А так не нравится? — кокетливо прищурилась она.

— Да не-ет! — протянул Иван Алексеевич. — Вроде бы ничего, соответствует!

— Севка тоже похвалил! — с притворной скромностью ответила Инга и вздрогнула: за спиной громко, с подвыванием зевнул сеттер. — Фу, Верный, как напугал!

Пес потянулся, положил морду Инге на колени и блаженно зажмурился, когда теплая рука стала ласково трепать его ухо. И вдруг Инга спохватилась:

— Чего это я расселась? Побегу. Мне еще по трем адресам почту разнести надо!

— Счастливо, коза! Заходи чаще. Когда хоть свадьба будет? Не забудь пригласить.

— Вот еще — свадьба! Жених пока не нашелся подходящий!.. Ну пока, дядя Ваня!

После ухода Инги Иван Алексеевич, закурив, стал разбирать принесенную почту. Счета, требования на отпуск леса, наряды, всевозможные бланки для заполнения и срочной отсылки в лесхоз.

Вскрыв очередной конверт, он вытащил из него пачку листков, исписанных быстрым угловатым почерком. Удивился. Но когда прочел: «Дорогой Иван!..», почувствовал, как ухнуло сердце и вспыхнуло лицо. Чем дальше читал, тем больше охватывало его смятение. В памяти всплыли осенний ненастный день и золотистый листок, упавший с рукава гостьи. Какого же дурака он тогда свалял! Иван Алексеевич поморщился. Несколько минут сидел не шевелясь. Затем снова взял письмо.

«Фамилия девушки, которую я оперировала в Кедровке, напомнила мне одну карпатскую историю...»

Иван Алексеевич еще раз пробежал глазами написанное. Только сейчас дошел до него смысл фразы, когда-то случайно оброненной Вересковым: «Проштрафился на фронте...»

Иван Алексеевич бережно собрал листочки, сложил в конверт и спрятал в ящик стола. Взглянул на принесенную почту, вздохнул и принялся за работу.

Зимний день короткий. Солнце, большое, красное, низко проплывает над горизонтом и, озябнув, спешно скатывается за линию гор. Пришлось зажечь свет. Электричество появилось в поселке три года назад, когда установили для пилорамы движок. До этого пользовались керосиновыми

лампами. Они и сейчас в ходу у тех, кто долго засиживается, — движок работает лишь до полуночи.

Прибегать к керосиновой лампе на этот раз не пришлось: к десяти часам Иван Алексеевич подписал последнюю бумажку. Он открыл форточку, жадно вдохнул ворвавшийся морозный воздух и уже в который раз подумал о том, что пора бы кончать с курением. С этой благой мыслью отправился на кухню выпить чайку перед сном. Он уже допивал второй стакан, когда услышал стук калитки и скрип снега на крыльце.

Это пожаловал Чибисов. Помогая ему раздеться, Иван Алексеевич с сожалением произнес:

— Опоздал, Павел Захарович. Всю заварку слил!

Чибисов махнул рукой.

— Обойдусь. Извини, что поздно побеспокоил. Жена наказывала дров выписать, а я в отделении закрутился, и совсем из памяти вышибло. Сейчас домой иду, увидел у тебя свет, вспомнил.

— Ну что ж, пройдемте, гражданин, оформим выписку! — рассмеялся Иван Алексеевич.

Вручая Чибисову наряд и квитанцию, сказал:

— Дрова отпустит Устюжанин. Договорись с ним, он на своей лошади и вывезет.

Чибисов спрятал в карман документы, поинтересовался:

— Почему у вас дрова дешевые? В гортопе с меня вдвойне драли.

— Мы ж их получаем за счет ухода за лесом. Вырубаем больные, сухостойные, для осветления и прочистки. А в гортопе заготовка дров — основное дело. Им специальные лесосеки отводят. Штат большой, ну и накладные расходы соответственно. Ясно?

— Куда уж ясней! — хмуро откликнулся Чибисов. — Я этим гортопом займусь. Поинтересуюсь его накладными расходами.

— Зря время потратишь. Криминала нет. Экономисты точно подсчитали. А вот насчет всяких махинаций дело

иное. Учет в лесном деле сложный, а если еще его сознательно запутать, так сам черт не разберется. Лет пять тому назад, тебя здесь еще не было, гортоповские ловкачи южным заготовителям деловую древесину как дрова отгрузили, а разницу в цене поделили по-братски. Громкий процесс был.

— Вот и я ими займусь. Только с делом Верескова управлюсь.

— Есть какие-нибудь просветы?

— Если с нападением на Верескову как будто бы явно — попытка ограбления, то с ее отцом — сплошной кроссворд. В мести браконьера я сомневаюсь. Грабеж тоже исключен. Но ведь ни за что ни про что в человека не стреляют... Крепко кому-то помешал он. Кто мог так бояться Верескова, что решился на убийство? Чувствую, копать надо глубже. Может быть, узелок-то давно завязался, а мы ничего о прошлом Верескова не знаем.

Иван Алексеевич бросил в пепельницу папиросу. Открыл ящик стола, достал полученное днем письмо. Просмотрел и, найдя страничку, протянул Чибисову.

Удивленный Чибисов взял листок. Иван Алексеевич увидел, как по мере чтения то хмурились, то лезли кверху мохнатые брови начальника милиции.

— Да-а! — протянул Чибисов, отложив письмо.

Сказал он это спокойно и равнодушно, но по тому, как сузились его глаза, Иван Алексеевич понял: Чибисов отнесся к прочитанному серьезно. Предложил:

— Поговори с Зябловым, нашим новым лесником. Он с Вересковым в свое время встречался. За дровами как раз в его обход поедешь.

ГЛАВА 14

Сытый и гладкий жеребец, слегка скосив голову набок, бежал доброй рысью, легко неся широкие розвальни. Впереди, радуясь свободе, заложив хвост колечком, носилась устюжанинская лайка Юкса.

Разгулявшийся вчера буран так перемел путь, что Егор Устюжанин, исходивший лесничество вдоль и поперек, с трудом находил дорогу. Неузнаваемы сделались лесные опушки, обрамленные сугробами. Унылы и прозрачны березняки, как будто мороз и ветер вымел из них все живое. Густые ельники с утонувшим в снегу подростом стали еще мрачнее и неприступнее. Таежную тишину нарушали только мягкий топот копыт да скрип саней. Изредка из чащи доносились пронзительные крики кедровок и перестук дятлов.

Чибисов уютно устроился на охапке сена. Уткнув нос в воротник полушубка, посматривал по сторонам, дивился обилию снега.

Бежавшая впереди Юкса вдруг остановилась. Высоко подняла голову, к чему-то принюхалась и неожиданно большими скачками понеслась в сторону мелкого ельника.

— Юкса! Назад! — рявкнул Устюжанин. Но собака, вздымая фонтаны сухого снега, уже скрылась из вида. Вскоре из ельника послышался ее заливистый лай.

— Тп-р-у! — остановил лошадь Егор.

Он порылся в сене и вытащил топор.

— Пойду взгляну, кого она облаивает!

— Подожди, Егор Ефимович, вместе пойдем, — Чибисов нащупал в кармане рукоять пистолета и выскочил из саней. — Вдруг медведь, а ты с одним топором.

— Нет! На медведя Юкса другой голос подает, басовитей, злей. Я только взгляну, а ты за конем посмотри.

Высокий, в мохнатой рысьей шапке и в полушубке, отчего казался еще огромнее, Устюжанин, пропахивая сугробы валенками, двинулся к ельнику.

«Такой и с медведем управится», — позавидовал Чибисов и все же на всякий случай направил коня вслед за Устюжаниным.

Собачий лай сменился повизгиванием, а через минуту послышался крик Егора:

— Павел Захарович! Подъезжай сюда!

Чибисов загнал коня в ельник, привязал вожжи к дереву и поспешил на зов.

Посреди маленькой поляны стоял Устюжанин и рассматривал занесенную снегом голову лося с огромными, метровыми рогами. У ног вилась Юкса, слизывая с обрубленной шеи замерзшую кровь.

— Гляди, Белолобого убили. Иван Алексеевич на него строгий запрет положил. Ты, скажи на милость, а! Ох, мужик расстроится! Как его берег!

Глаза лося, подернутые инеем, были широко открыты, и, когда Чибисов варежкой стер с них иней, ему стало не по себе — показалось, что боль и укор застыли в глазах животного.

Присев на пень, он осмотрелся, мысленно стараясь представить разыгравшуюся трагедию. Он забыл про дрова, снова почувствовал себя следователем, прибывшим на место происшествия. По давнему опыту знал, что как бы ни изощрялся преступник, следы все равно остаются. Но сейчас знаменитая «белая книга» хранила молчание, все было засыпано снегом, только на чистом стволе березы виднелись размазанные пятна.

«Браконьер руки вытирал!» Чибисов подошел к дереву, прикинул высоту, на которой были пятна. Известно, что пишущий на стене машинально выводит буквы на уровне глаз. А на какой высоте он будет вытирать запачканные руки?

Он нагнулся, взял комок снега и растер в руках. Затем прикоснулся ладонями к березе. «А если выше? Неудобно! Ниже — то же самое!» Первое прикосновение было самым естественным и приходилось приблизительно на высоте груди. Кровавые пятна на дереве располагались на два вершка выше. Чибисов прикинул в уме и решил: рост браконьера около ста восьмидесяти сантиметров. Чтобы проверить себя, предложил Устюжанину, собиравшемуся вытереть запачканные руки о полушубок:

— Не порти одежду, вытри о дерево!

Егор подошел к березе, вытер ладони о кору, оставив на ней бурые пятна чуть выше отметки браконьера.

«Правильно! — подумал Чибисов, наметанным взглядом окинув высокую фигуру объездчика. — Что ж, одна примета есть!»

Они тщательно обшарили все вокруг, нашли шкуру и внутренности животного. В одном месте, раскидав снег, обнаружили следы костра.

— Ты смотри! Как у себя во дворе орудовал, безо всякой опаски. А ведь кордон близко, за кедровником. Никак в толк не возьму, неужто Зяблов выстрелов не слышал?

— Зяблов? Это ваш новый лесник? Может, его работа?

— Да что ты! Он в прошлом месяце по лицензии лося отстрелял. Мяса у него центнера два. Одному надолго хватит.

— Почему так мало? Он что, лосенка забил?

— Половину в сельпо сдал. Так положено. Нет, Павел Захарович, я на него не грешу. Мужик в кордон зубами вцепился, рисковать службой из-за лосятины не станет. Да и не мог он Белолобого ухайдакать.

— Это почему же?

— А потому... — замялся Устюжанин, — что лось этот сам к нему прибегал, волками подранный. Вроде как защиту попросил. Зяблов весь хлебный харч ему скормил. Как же после этого можно зверя убить? По-нашему, по-таежному, с кем хлебом поделился — тот тебе вроде товарища стал.

— Откуда известно, что лось к нему на кордон забегал?

— Сам рассказывал, когда за мукой в лесничество приезжал.

— Шут вас, лесовиков, разберет, — с раздражением буркнул Чибисов. — Человека Зяблов убить мог, а на лося, видите ли, у него рука не поднялась.

— Подольше здесь поживешь, Павел Захарович, тогда и поймешь, чем таежник живет и дышит! — спокойно ответил Устюжанин. — У нас свои законы и понятия насчет

жизни имеются. От дедов и прадедов потомкам передаются. А насчет Зяблова, так я понимаю, что пролил он кровь в запальчивости. Может, обидели крепко... Да не верю, что он может... Пока ты у березы колдовал, я по кустам пошарил. Видишь санный след, прямо к лежневке. Она тут рядом проходит. Гляди, след вправо завернул. Значит, в поселок браконьер поехал. А к Зяблову — нужно влево сворачивать, кордон вон где! Лежневка старая, заброшенная, по ней никто давно не ездит, так что встречи с кем-то, особенно ночью, можно не опасаться.

— Тогда чего проще! Поедем по следу и выясним, в чей двор он заворачивает.

— Я уже смотрел. Дальше все замело, это только здесь, в ельнике видно.

— Жаль. Ну разберемся, а пока поедем на кордон. Вот только что с головой делать будем?

— Ивану Алексеевичу отвезем. Он в прошлом году для школы чучело рыси сделал. Прямо как живая получилась, аж оторопь берет. Может, и тут память останется. Красавец-то редкий был.

Они уже собирались уезжать, как Чибисов вытащил нож, подошел к березе и аккуратно срезал кору с бурыми пятнами. Тщательно завернул бересту в платок и сунул за пазуху.

— Это для чего? — удивился Устюжанин.

— Пригодится! Расписочку браконьер оставил! — Чибисов потер замерзшие руки и забрался в сани.

— Будто что-то сумеешь разобрать?

— Я — нет! А эксперты разберутся!

Зяблова они застали дома. Распаренный после бани, с красным лицом, в нательной рубахе и подштанниках, он сидел за столом, с наслаждением тянул из блюдца горячий чай, то и дело вытирая полотенцем струящийся со лба пот.

Увидев гостей, степенно вылез из-за стола, поздоровался. Ладонь Чибисова утонула в огромной руке лесника.

Исподтишка наблюдая за хозяином, Чибисов подивился несоответствию широких плеч, крепких рук со словно привязанными к ним огромными кулаками, с не очень высоким ростом.

«Отметку на березе не он оставил!» — подумал Чибисов и почему-то почувствовал облегчение. Последующее еще больше утвердило его в этой мысли.

Когда во время чаепития Устюжанин рассказал о гибели Белолобого, Зяблов выронил из рук блюдце, побледнел, затем лицо его побагровело.

— У, падло! — только и смог вымолвить он и так грохнул по столу кулаком, что подпрыгнули и зазвенели стаканы. Встал, нетвердой походкой, словно пьяный, подошел к кадке с водой, черпнул ковшом и жадно осушил его.

Немного успокоившись, просыпая махорку, свернул цигарку, глубоко затянулся.

— А ведь лось несколько раз ко мне приходил. Постоит на опушке, поглядит и опять в лес уберется. Видно, хлебушко по вкусу пришелся!

Устюжанин с удивлением посмотрел на него.

— Неужто, Василий Иванович, выстрелы не слышал? Ведь совсем рядом с кордоном его убили.

— Цельный день во дворе пробыл. Дрова колол, в поленницу складывал. А ничего такого не слыхал. Правда, буранчик мел, лес гудел, но выстрел все едино был бы слышен. Может, из малопульки стреляли? Так сомнительно — для такого зверя это, что слону дробина.

— Давайте, пока свежо в памяти, акт составим! — предложил Чибисов. — Может, сумеем разыскать браконьера, так документ для суда потребуется.

Составляли акт долго, несколько раз переписывали. Чибисов внес данные о высоте кровавых пятен на березе, не забыл упомянуть, что кусок бересты, как вещественное доказательство, прилагается к акту. Тут же начертили схему места, где обнаружили голову лося. Записали, что на кордоне, находящемся в полутора километрах, выстрелов не было

слышно. Подписались, и Чибисов, аккуратно сложив акт, спрятал его в карман.

— А теперь, Василий Иванович, надо с тобой кое о чем потолковать. Только где бы нам устроиться?

— Избы, что ли, мало? Других хоромов, окромя сарая да стайки для коня, нету!

Разговор у начальника милиции с Зябловым, по всему видно, должен быть один на один. Егор понял это и стал собираться.

— Вы тут балакайте, мешать не стану. Я покудов дрова к кордону подвезу. Где у тебя, Василий Иванович, поленницы?

— Недалеко, на просеке. Только к им не пробьешься, снегу намело — коню по брюхо. Во дворе бери, там уже колотые. В мои сани тоже сбросай — подвезу. Мне все едино в лесничество ехать.

Когда за Устюжаниным захлопнулась дверь, Чибисов неторопливо порылся в карманах, вытащил портсигар, молча протянул Зяблову. Тот большими корявыми пальцами неловко вытащил папиросу. Закуривая, Чибисов поймал на себе настороженный взгляд лесника.

— Ну, о чем разговор будет, начальник? Ежели старое ворошить вздумал, так я тебе сразу скажу: долгов за мной нет, за все расквитался. Может, какое новое дело собираешься мне лепить? Так поимей в виду, теперь живу с осмотрением. Куда шагнуть, куда плюнуть — прежде обдумаю! Высоты своей жизни я достиг, и теперь меня с ее никто не столкнет. Хошь верь, хошь не верь.

— Нет, Василий Иванович! О твоем прошлом мне все известно, так что выспрашивать не намерен. И нового обвинения тебе предъявлять не думаю.

— Гляди-ко! По имени-отчеству величаешь! — усмехнулся Зяблов.— Ну, если такое обхождение, спрашивай, Павел Захарович. Кажись, так тебя прозывают?

Чибисов понравилось спокойствие и какое-то внутреннее достоинство этого взъерошенного с виду человека.

— Слышал я, что встречался ты когда-то с Вересковым Максимом Петровичем. Вот про него у нас с тобой и разговор пойдет. Расскажи все, что помнишь. Очень это для меня важно.

— Вересков? Как же! Немало годов прошло, а помню. Но ежели ты, гражданин начальник... извиняй, Павел Захарович, думаешь, замешан он в чем, так не под тем пнем роешь. Он, может, изо всех нас, зеков, единственный правильный мужик был.

— Правильных туда не отправляют.

— Ты меня не сбивай. В колонии кто был? Воры, жулье, ширмачи, одно слово — шпана всякая. Ну, и еще эти самые, шкуры — полицаи бывшие, старосты, бандеры. До сей поры оторопь берет, отколь эта шваль в войну выползла? Разве с ними Максима равнять можно? Да его не только урки, а и начальство уважало. На работе вкалывал — будь здоров! Обиды от него никто не видел. Завсегда табачком делился. А это там ценили... Хорошо я его знал. В одной бригаде лес валили, только что спали не на одних нарах.

— Не говорил он, за что в колонию угодил?

— Интересовались мы. Только отмалчивался он или разговор на другое сводил. Я вот вспоминаю, шибко бандеры на него лютовали. Расправу даже пытались учинить, да зеки подоспели, не дали. Говорят, пригрозили ему все же тогда, земля, дескать, круглая, путей-дорожек на ней много, мол встретимся все едино.

— Не помнишь, кто грозил?

— Не соврать бы — вроде Чепига Сашко. Только я так соображаю, что не настоящее это имя!

— Почему так думаешь?

— Слышал однажды, как Степкой назвали. В живых его давно нет — свои же в сортире утопили. Видать, чем-то не угодил.

— Долго Вересков в колонии пробыл?

— Не. Сколько, не упомню, но вскорости его выпустили. Видать, по ошибке осудили, а потом разобрались... Одно

мне до сей поры невдомек: полынь горька, а обида и того горше... А Максим ни разу зла не высказал. Веселый уехал. Со мной даже поручкался. Думал ли, что из болота его косточки выбирать буду? Эх, жизня! Какой иной раз человеку разворот сделает!

ГЛАВА 15

— С днем ангела, Алексеич! — поздравила утром Никитична Ивана Алексеевича.

— С каким таким ангелом? — вытаращил тот глаза.

— Нешто запамятовал? Пять десятков тебе ноне стукнуло! По этому дню тебе и имечко в святцах определили и святого назначили!

— Все-то ты, старая, перепутала. Во-первых, иванов день летом бывает, во-вторых, родился я зимой, а в-третьих, нарекли меня в честь деда, а он далеко не ангел был. Вот так-то!

— Поди, еще и некрещеным остался?

— Некрещеным!

— Ну мне все едино! Хоть и нехристь, а душевный. Ты уж прости меня, ежели когда сгоряча и скажу неладное. Уж так, для порядка.

— Да что ты, Никитична, я не обижаюсь! Я твою заботу ценю!

Он обнял старуху, и та растроганно всхлипнула, а он вспомнил мать. Вот такое же лицо у нее было, когда приезжал он изредка домой. Сам застеснялся и шутливо прикрикнул:

— Ну, ну, старая, плакать будем, когда помрем. А помереть мне недолго, если сейчас же не накормишь — сто лет не ел!

Пока он плескался за печкой у рукомойника, Никитична накрыла стол.

— Садись, пока пирог горячий! Тимоха! — крикнула

она в открытую дверь своей каморки.— Чего ты копаешься, отдельно для тебя, што ли, готовить прикажешь?

Все уже уселись за стол, когда дверь распахнулась, впустив окутанную клубами морозного воздуха Ингу. Звонко поздоровалась, поморгала белыми от инея ресницами и замерзшими пальцами расстегнула воротник. Иван Алексеевич взял у нее шубку.

— Ну, молодчина! Давай к столу!

Она чмокнула его ледяными губами: «Поздравляю, дядя Ваня!» Раскрыла сумку и достала из нее большой охотничий нож в красивых ножнах, расшитых затейливым мансийским узором.

— Это вам от меня и на память о папе. Ему еще дед подарил. Этим ножом в старину приносили жертвы — закалывали белых оленей — дедушка сам говорил. У него даже рукоятка особенная — из мамонтовой кости!

— Ты что ж такую редкость в чужие руки отдаешь?

— Это вы-то чужой? Вы ж всегда у нас самый свой были!

У Ивана Алексеевича в горле прокатился комочек. Он попытался улыбкой скрыть волнение.

— Ах ты, Ингушка! Ну, ничего не поделаешь! Придется мне по такому случаю опустошить свой погребок.

Он прошел в комнату и вернулся с бутылкой шампанского.

— Для Нового года берег. Ну да для такой гостьи не жалко! Всем занять места. Приготовиться — открываю огонь!

Громко выстрелив, пробка ударила в угол печки. Инга взвизгнула и рассмеялась.

— А ты, девонька, не столь уж и храбра, как судачат! — ухмыльнулся дед Тимоха, с вожделением глядя, как пенистая струя наполняет стаканы.

— Сам-то больно храбрый! Чуть со стула не свалился! — не утерпела Никитична.— И мерина вон, как огня, боишься!

Выпили за здоровье новорожденного, пожелали ему всяческих благ и доброго здоровья.

От шампанского у деда Тимохи покраснели щеки. Он лихо расправил усы. Подбоченился. Обвел всех заблестевшими глазами и кивнул на Никитичну:

— Старуха меня мерином попрекает. А в чем корень, умом своим не дойдет. Я кто есть такой? Старый кавалерист, две войны на своей хребтине вынес. В германскую в драгунском полку служил, а в гражданскую у Семена Михалыча товарища Буденного отделением командовал. Это вам как? Фунт изюму? И-ех, бывалоча... по ко-н-я-м! — гаркнул дед, взмахнул рукой и сбил со стола стакан.

— Не безобразничай, Тимофей! — строго одернула его Никитична.

Но тот отмахнулся от нее, как от мухи.

— В атаку лавой развернемся. Что тут творилось! Господи боже мой! Пыль столбом! Кони ржут, клинки сверкают. Копыта по земле грохочут так, что ни черта не слышно. А кони-то были! Как струнки над землей стелются, А наш мерин-то, нешто это конь? Самая вредная скотина! Я его вчерась напоил и в кормушку овес сыплю, так он, проклятущий, то ли шутковать со мной вздумал, то ли жрать до смерти захотел, только мордой меня в сторону отпихнул и к кормушке! Ладно, хоть я на навозную кучу отлетел, и, как на перине, разлегся, а ежели бы ее не было? Кабы как на вилы упал? Что бы тогда могло быть? Производственная травма запросто могла приключиться! Ты уж, христа ради, избавь меня от этого вредного животного!

— Тимофей Григорьевич! За конем должен сторож Макаров ухаживать. Зачем же за чужое дело берешься? Ты свое отработал, пенсию получаешь, ну и отдыхай на здоровье.

— Как же я могу отдыхать, когда на моих глазах скотина голодная мается? А? Она хотя и вредная, а все ж по всем статьям неплохих кровей, я-то в этих делах разбираюсь!

— Вот не знал, что Макаров коня морит. Поговорю с ним!

— Потолкуй! Да стружку с него пошибче сними, а то он, идол, отдежурит и до полдня дрыхнет. Нет, чтоб сперва скотину обиходить!

За столом просидели долго. Съели все пироги. Пили чай с вареньем. Потом старики отправились спать, а Инга помогла Ивану Алексеевичу убрать со стола и вымыть посуду. Вытирая полотенцем стаканы, сказала:

— Мне с вами поговорить нужно, дядя Ваня!

Он кивнул головой и, когда закончили с приборкой, усадил ее на диван, приготовился слушать.

Несколько минут Инга сидела молча, нервно теребя платочек. Потом тихо заговорила:

— Помните, в позапрошлом году весной много народу наехало? Геологи, строители, буровики. Вербованных сотни две было. Часть ушла дальше, искать нефть, дорогу строить. Кое-кто остался в Кедровке и у нас в Нагорном. И вот однажды отец приходит домой возбужденный и говорит:

— Бывает же такое: после стольких лет, кажется, с двенадцатым встретился. Боюсь ошибиться, но очень он мне одного типа напомнил!

Сколько я его ни расспрашивала, он больше ничего не сказал. Сами знаете, молчун был. И, по-моему, через неделю после этого разговора исчез. Считали — утонул...

Инга замолчала, закусив губу. Потом, справившись с собой, продолжала:

— Я про тот разговор с отцом совсем забыла. А на днях разбирала его бумаги и в блокноте нашла вот такую запись.

Она протянула блокнот, и Иван Алексеевич с удивлением прочел: «1. Малюга Грицко. 2. Коврижный Иван. 3. Securityванько Семен. 4. Турчак Андрей. 5. Ржевский Анатолий. 6. Бабаенко Владимир. 7. Жаркевич Тарас. 8. Попов Иван. 9. Стукач Павел. 10. Чепига Александр. 11. Андрющенко Василий. 12. Чекан Михаил».

Против первых шести фамилий стояли начерченные красным карандашом крестики, с седьмого по одиннадцатый номер таким же цветом галочки, а против двенадцатой фамилии — жирный вопросительный знак.

Какой смысл имели эти значки для Верескова? Иван Алексеевич снова пробежал глазами список. Первая фамилия показалась знакомой... Точно, она упоминалась в письме Татьяны Петровны.

— Может, это совпадение, что знак вопроса стоит около фамилии под номером двенадцать? А если — не совпадение и отец действительно встретил этого человека?

— Так это легко проверить — узнать в поселковом Совете адрес!

— Я же почтальон, всех жителей знаю. Нет у нас людей с такой фамилией.

— А если в Кедровке или где-нибудь на лесопункте? Иди-ка лучше с этим блокнотом к Чибисову и поскорей. Расскажи все и список отдай...

Оставшись один, Иван Алексеевич прилег на диван с томиком Пришвина. Он любил перечитывать этого мудрого старика. Удивлялся его зоркости и умению говорить о природе, не забывая человека. Удивлялся его простому, по-настоящему философскому взгляду на самые обыкновенные вещи.

Иван Алексеевич любил запах проснувшихся почек, первую зелень. Прекрасно разбирался, кто пробежал по свежей пороше, различал голоса птиц. Читая Пришвина, словно слышал свои мысли, которые до сих пор не мог выразить так славно и просто.

Когда-то в далекие студенческие годы взялся он за перо. Друзья хвалили его миниатюры о природе. Но сам к себе он был беспощаден. Получалось подражание Пришвину, отчасти Бунину. Однажды в приступе отчаянного недовольства собой сгреб свои творения, и все полетело в огонь. Не пожалел и тетрадь со стихами. В памяти сохранилось всего несколько строчек. Он с улыбкой вспомнил их:

Друг ты мой гитара, зазвени струной.
Нас с тобою пара в тишине ночной.
Огоньком далеким ночь освещена,
Взором желтооким светится луна.
Я стою под старой липою большой
С звонкою гитарой, с верною душой.
Ничего не надо, лишь хочу одно:
Посмотреть из сада на твое окно!

Вот так и простоял и остался ни с чем... Ну, ладно, в тот раз свалял дурака, но ошибку можно было исправить после того, как получил письмо?

Он покачал головой, вспомнив, с каким ужасом она передернула плечами от одной мысли, что можно жить в такой глуши. А ему другого не надо! Здесь он дома, на месте. Ну, положим, бросил бы он все, прожил конец жизни в тепле и холе. И работу бы нашел неплохую — голова на плечах! Но ведь завыл бы с тоски. А решись она приехать сюда ради него — тоже не сахар! Не прижилась бы она здесь, где все ей чуждо, дико, страшно и скучно. Как ни крути — все равно кому-то пришлось бы идти на жертву, а маялись бы всю жизнь оба. Не о себе одном думать надо!

Решив так, Иван Алексеевич наконец уснул. Но спал недолго, проснувшись от громкого голоса.

«Никак Ковалев пришел!» — решил он и поднялся навстречу гостю.

— Тебя, оказывается, поздравить можно! — Ковалев крепко пожал руку хозяину.— Что не сказал раньше? Я без подарка.

Иван Алексеевич махнул рукой:

— Не к девице пришел! Да и сам забыл. Никитична напомнила. Подумаешь радость — полсотни стукнуло!

— Ну, знаешь, полвека все-таки! Такое раз в жизни бывает. Отметить надо!

— Не в годах дело! Вон Устюжанину седьмой десяток, а молодых за пояс заткнет!

— Так то ж от недостатка интеллекта! Мирок узкий! Что ему, кроме хлеба насущного, нужно?

Иван Алексеевич фыркнул, покосился на гостя.

Они почти ровесники, но выглядит учитель гораздо моложе. Высок, строен. Лицо приятное, чистое. Глаза зоркие, с веселой смешинкой в рыжих зрачках. Любит поволочиться за девчатами, да и они к нему неравнодушны. Однажды в клубе после танцев местные парни решили его проучить, но он раскидал всех, как щенков,— силен и ловок оказался. И умен, ничего не скажешь. Но иной раз такое загнет — хоть падай! Вот и сейчас брякнул — это об Егоре-то! Да на таких земля стоит!

— Тоже мне нашелся — гений интеллектуальный!

Ковалев удивился:

— Да ты что? Я ж не о себе! — Он подошел к печке, прижался к горячим кирпичам.

— Промерз до костей! Вторую зиму здесь живу, а к здешним морозам не могу привыкнуть!

Он хлопнул себя по лбу.

— Вот балда! — и выскочил в прихожую. Достал из пальто плоскую бутылку с коньяком и вернулся в комнату.

— Сейчас твой юбилей отметим. И отогреемся заодно.

Пришлось сесть за стол. От тепла и выпитого Ковалев оживился, рассказал, как купил дом у Постовалова.

— Жмот страшный. Себе новый отгрохал, а за старую развалюху, которой в базарный день красная цена — тридцатка, содрал с меня сотню. Но черт с ним, сто рублей не деньги, я все равно не прогадал. Усадьба хорошая, огород прямо в лес упирается. А избу я отделаю, как картинку.

— Дом есть, теперь хозяйку ищи.

— Уже нашел — дочь Лихолетова. Одобряешь?

— Лизу? — поразился Иван Алексеевич.— Она же тебе в дочери годится!

— Это и хорошо! — засмеялся Ковалев.— Какая радость со старухой жить. С молодой и сам помолодеешь. Да и она не против. Между прочим,— подмигнул он,— Лизок по секрету сказала, что Инга в тебя по уши втюрилась. Только и

слышно: «Дядя Ваня, да дядя Ваня!» Ничего себе племянница! А?

Иван Алексеевич от изумления онемел. Отодвинул недопитый стакан и с досадой сказал:

— Брехня какая! Вы что сплетни разводите?

Ковалев сделал глоток из своего стакана, поморщился. Поискал глазами, чем закусить, не нашел. Понюхал рукав пиджака.

— Брехня не брехня, а девка в соку! — он с хрустом потянулся, хитро посмотрел на хозяина.— Такую поискать — не скоро найдешь. Да и запросто не подъедешь, особый подход нужен. А тебе все карты в руки. Чего ты резину тянешь, не понимаю!

— Заткнись! — обозлился Иван Алексеевич.— Оставь Ингу в покое и своей дурехе Лизке передай, чтоб сплетни не распускала!..

Ковалев лукаво подмигнул:

— Да черт с ними, девками... Давай лучше допьем коньячок...

Проводив Ковалева, Иван Алексеевич еще долго хмурился и ругался про себя — все настроение испортил гость.

ГЛАВА 16

Что-то надвигалось. Егор Устюжанин, выросший в лесу, чувствовал это. Его беспокойство передалось Ивану Алексеевичу. Он то и дело посматривал на небо, по которому, извиваясь змейками, скользили с запада ленты высоких перистых облаков. Навстречу им с востока низко над землей плыли клочья рваных туч. Вершина горы Тульмах курилась. Там бушевал ветер, крутя снежную пыль. И хотя внизу было совсем тихо, лес грозно и предостерегающе гудел.

Видно, и жеребец почуял надвигающуюся непогоду, он мчался по дороге так, что седоки, чтобы не вывалиться в снег на обледенелых раскатах, вынуждены кидаться то на один, то на другой бок кошевки.

Как ни спешили, а добраться до жилья не успели. Ветер свалился с гор внезапно, поднял и закружил снег, в одно мгновение смешав небо с землей.

Где они сбились с дороги, Егор никак не мог сообразить. Несколько раз вылезали из кошевки и, утопая в снегу, пытались найти наезженный след.

А ветер крепчал, буран усиливался. От жеребца валил пар. Он то и дело останавливался, хрипло дышал, тяжело поводя боками.

— Что будем делать, Иван Алексеевич? — с тревогой спросил Устюжанин, когда стало смеркаться.— Коня загубим, а без него пропадем, не выбраться в этакую пуржину. Свернем в чащу, там не так метет. Костер разведем, у огня до утра отсидимся.

Иван Алексеевич согласно кивнул. Он и сам понимал бесполезность поисков дороги в буранную ночь. Но и бездействовать нельзя, иначе — конец! Буран заметет, укроет сугробом, убаюкает обманным теплом, заснешь — не проснешься. А тут еще набившийся в валенки снег растаял, и ноги стали зябнуть. Если не обсушиться, к утру, даже если живым останешься, ног лишишься.

Осмотрелись. Слева сквозь снежную завесу что-то темнело. Кажется, ельник! Устюжанин тронул вожжи, и конь, устало опустив голову, послушно побрел, утопая в снегу по брюхо.

Они не проехали и полсотни метров, как Устюжанин толкнул Ивана Алексеевича локтем:

— Изба! Куда нас нелегкая занесла? Постой, постой! Да это никак сторожка углежогов. Надо же! Экий мы круг сделали! Дела-а! Сроду такого со мной не случалось.

Маленькая избенка, полузанесенная снегом, казалась нежилой. Рядом высился большой сарай, в котором штабелями лежали рогожные кули.

— Уголь! — определил Иван Алексеевич, ощупав один из кулей.

Они распрягли коня, смахнули с него снег, вытерли

досуха и, накинув ему на спину кусок валявшегося у стены брезента, завели в сарай.

— Остынет, тогда напоим и сенца бросим, а пока можно и самим обогреться! — решил Устюжанин. Подойдя к избушке, он с трудом открыл низкую дверь, занесенную снегом. В лицо ударил тяжелый, спертый воздух. Пахнуло кислым, застоявшимся табачным дымом, портянками и острым потом давно не мытого тела.

Иван Алексеевич только покрутил носом и, пока Устюжанин разжигал на столе лампу с разбитым стеклом, распахнул дверь, чтоб проветрить избенку.

— Вы чо? Дома тоже двери настежь оставляете? — раздался с печи злой оклик. — Послал бог гостей, мало, что сон поломали, так ишо всю избу выстудили.

— А-а! Проснулся, сердечный! Горазд ты спать, Булыга. В самый раз тебе в сторожах состоять. Я бы таких охранников в шею гнал.

— Вона, разогнался! Прыткий больно! Захлопни дверь, а то так помету, что не разберешь, где голова, где ноги! Околевайте на морозе!

— Что-о? — поднялся Устюжанин. — Нет, ты погляди, хозяин нашелся! Гортоп осенью всю работу закончил, новую деляну ему отвели, а он здесь околачивается! Подожди, мы еще с этой избой разберемся! Им времянку разрешили поставить, так они дачу из строевого леса отгрохали! Так что сиди на своей печи и помалкивай! А дверь закроем, как только дух посвежеет, воняет так, что дышать нечем!

— Подумаешь! Изба-то не малированная — продернет! — буркнул Булыга и, поняв, что от гостей все равно не избавиться, устроился поудобнее на своей лежанке и опять захрапел.

Покормив коня, они поужинали всухомятку, бросили на пол полушубки и завалились спать.

Проснулись от холода. В плохо законопаченные щели между бревнами тянул ледяной ветер. Половицы, настланные прямо на землю, покрылись налетом инея.

Иван Алексеевич не выдержал. Встал, зажег лампу. Под лавкой разыскал охапку дров и набил ими печь. Через полчаса в избе потеплело, а он все сидел перед открытой дверцей, шуровал кочергой и подкидывал поленья.

Наконец от печи повеяло жаром. Оттаяло затянутое льдом оконце, и с подоконника закапала вода. Булыга вначале блаженно стонал, отдувался, потом завертелся на горячих кирпичах и с руганью сполз на пол.

— Нечистый дух! Избу спалишь! — напустился он на Ивана Алексеевича, вытирая мокрую от пота лысину.

— Припекло родимого! — рассмеялся Устюжанин. — Никак на тебя не угодишь: то замерзал, то жарко! Терпи, пар костей не ломит!

Булыга очумело посмотрел на него. Разморенный, вспотевший, он вытирал мокрое лицо рукавом и беззвучно шевелил губами.

Был Булыга невысок ростом. Лицо заросло седой щетиной. Глубокие морщины от въевшейся в поры угольной пыли казались нарисованными. Никто уже не помнил, когда и как появился он в поселке. Ходил слушок, что сбежал он в эти таежные места, опасаясь коллективизации. В свое время не интересовались, а потом примелькался он, ничем не выделяясь среди соседей. Жил тихо, смирно. Только не ладил с женой — сварливой старухой. Видно, оттого и подался в углежоги, чтоб меньше попадать на глаза своей благоверной.

Гнев его на незваных гостей пропал, и он постепенно разговорился. Сидя на лавке, долго соображал, прежде чем ответить кратко и односложно. Видно было, что одинокая жизнь в лесу отучила его от человеческой речи.

— Оно, конечно, в лесу зимой делать нечё,— медленно выжимал он слова. — Да вишь ты, уголь-то в свое время не вывезли, начальство и распорядилось постеречь его до весны. Неровен час, кто и польстится.

— Кому-то нужен твой уголь!

— Не скажи! Уголек-то первый сорт, твердый да звонкий. Всякий обзарится!

— Ты всех в жулики не верстай! — сердито оборвал Булыгу Устюжанин. — Лучше на себя погляди, рыльце-то в пушку.

— А чо мне глядеть? Я свою сопатку и так знаю!

— Билет охотничий имеешь?

— Кого?

— Ты дурнем не прикидывайся. Билет, спрашиваю, на право охоты имеешь?

— А на кой он мне? Кому требуется, тот пущай его и выправляет.

— Значит, браконьеришь потихоньку?

— Кто, я-то? Да у меня всего четыре патрона. Для обороны держу. Два раза дуплетом вдарю — и будь здоров, никакой варнак не устоит.

В голосе Булыги звучала нарочитая бесшабашность. Иван Алексеевич, внимательно взглянув на него, шагнул к двери, взял стоящее в углу бурое от ржавчины ружье. Поковырял пальцем в дульных срезах, откинул стволы, посмотрел сквозь них на огонек лампы.

— Что ты его так запустил? Ржавчина все вороненье съела, и нагар такой, словно год не чистил.

— Мне и такое годится, не для охоты держу. Я уж и не упомню, когда из него стрелял.

— Покажи патроны! — потребовал Иван Алексеевич.

Булыга с кряхтением поднялся с лавки, прошел за печку, долго рылся в каком-то ящике, гремя железками. Наконец принес четыре медных гильзы с тускло поблескивающими пулями «Жакан».

Иван Алексеевич взял патроны, покачал головой. Такие пули применяются только при охоте на крупного зверя. Зачем они сторожу?

— Все? Больше нету?

— Нету, нету! — торопливо ответил Булыга. — С позапрошлого года валяются.

— Что ж ты врешь! Совсем недавно из ружья стрелял. Смотри, нагар свежий!

— Выдь душа, с прошлого года в руки не брал! Должно, отпотели стволья, вот и мажется нагар!

— Не крути! В этом деле я разбираюсь. Браконьерствуешь, факт! Сейчас акт составлю, что без охотничьего билета держишь ружье. Отберем его вместе с патронами.

— Как это так отберете? — вскочил Булыга. — Ежели б с поличным меня накрыли — тогда дело иное. А так запросто взять — не выйдет. За самоуправство отвечать будешь!

Булыга преобразился. Куда делась старческая немощь? Перед ними был взбешенный, потерявший над собой контроль человек. Движения его стали быстрыми и резкими.

Иван Алексеевич поразился этой перемене и понял, что тугодумие Булыги, его стариковское кряхтение не что иное, как маскировка. Не такой уж он беспомощный старичок, каким считают его в поселке.

Передав ружье и патроны Устюжанину, Иван Алексеевич сел к столу и начал составлять акт.

— Пиши, пиши! Только зря стараешься, лесничий, — скривился Булыга. — Не подпишу твой акт, а без моей подписи он силу иметь не будет. Я законы знаю, не все время в лесу прожил. Кое в чем разбираюсь!

— Сейчас не подпишешь, у Чибисова в отделении расписаться придется.

При упоминании начальника милиции Булыга скис, шумно вздохнул и покорно накарябал свою фамилию под актом.

— Никак светает, — заглянул в оттаявшее оконце Устюжанин. — Буран стих, можно трогаться. Пойду-ка запрягу.

Иван Алексеевич неторопливо стал собираться. Натянул подсохшие валенки, туго застегнул на полушубке армейский широкий ремень. Он уже взялся за ручку двери, когда его остановил Булыга.

— Слышь, лесничий, что мне будет? Заарестуют? — шепотом осведомился он.

— Хватит пока, что ружье конфисковали.

— Ну и то хорошо, а то я испужался! Страсть как тюряги боюсь.

— Знаком с ней, никак?

— Что ты, что ты! Бог миловал...

ГЛАВА 17

Весь день простоял тихий, ясный. Солнце тускло просвечивало сквозь морозную мглу. Вечером накрыл землю ледяной туман, все стало зыбким и призрачным.

Полностью потерялись не только дали, растворились и стали невидимыми ближайшие дома, деревья и прясла. Мир стал крохотным, как будто земля от мороза сжалась в маленький шарик и достаточно сделать пару шагов, чтоб перешагнуть линию горизонта.

В этой кромешной мгле Зяблов растерялся. Надо же случиться такому! В лесу всегда находил дорогу, а в поселке заблудился. Попытался было вернуться в устюжанинский дом, где во дворе оставил коня, да, видно, свернул не в тот переулок и уперся в сугроб, наметенный у забора. Повернул в сторону, нащупал ногами наезженную дорогу. По ней вышел к обрыву. Рядом, сквозь туман, мутно вырисовывался большой штабель бревен. Поняв, что забрел на берег Шайтанки, присел на бревно. Почувствовал, как мороз забирается под полушубок. Передернул плечами, надвинул глубже на лоб заячий треух и решительно тронулся в путь, стараясь держаться наезженной дороги. Он даже удивился, что так быстро добрался до лесничества, и через полчаса, обжигаясь горячим чаем, с усмешкой рассказывал Ивану Алексеевичу о своем блуждании в тумане.

— Смеялся над вами, что с Егором в буране заплутали, а сам в поселке, как слепой щенок, тыкался.

Покончив с чаем, Зяблов шмыгнул отсыревшим носом и

закурил. Деликатно отгоняя ладонью табачный дым, передал Ивану Алексеевичу пачку бумажек.

— Акты вот на колхозстрой составил. В двадцать четвертом квартале деляну захламили так, что даже древесину всю вывезти не смогли, хлыстов сорок оставили. Вершинник и сучья в кучи не собрали, по деляне не пройдешь — черт ногу сломит. А леспромхоз в тридцать первом квартале лесосеку, как помелом, подчистил, от подроста ничего не осталось, все тракторами на нет свели. Видать, с кронами трелевали. Семенники, что мы с вами отметили, вырубили подчистую. Одна корявая рябина торчит.

Иван Алексеевич просмотрел документы. Покачал головой:

— Вот люди! Сегодняшним днем живут!

Он достал с полки толстый журнал, аккуратно внес в него данные о лесонарушениях, акты сложил в папку с грозной надписью: «Для передачи в суд».

Зяблов, вытянув шею, покосился на зловещую папку.

— Приходил ко мне ихний мастер с бутылкой. Обхаживал, чтоб я акт порвал.

Иван Алексеевич взглянул на него. Мелькнула мысль: позарился ли лесник на даровое угощение? Подобных случаев на его памяти было немало. Рано или поздно кончались такие застолья увольнениями и навсегда закрывали людям дорогу в лесную охрану.

Зяблов, видимо, заметил что-то в лице лесничего и, рассмеявшись, произнес:

— Ты, Иван Алексеевич, не сумлевайся. Я того мастера с кордона помел, что он, знать, до самого дома под собой ног не чуял.

Тон, которым произнес это Зяблов, и веселая усмешка, искривившая его покалеченное лицо, рассеяли сомнения Ивана Алексеевича. От его внимания не ускользнула и произошедшая за последнее время перемена во всем облике Зяблова. Чистая гимнастерка, гладко выбрит, отчего шрам на обветренном лице не кажется уже таким уродливым.

Иными стали глаза. Исчезли искательное выражение и затравленность. Сейчас перед ним сидел спокойный человек, знающий свое дело.

Иван Алексеевич внутренне порадовался, что отстоял Зяблова в управлении, хотя пришлось крепко поругаться с начальником отдела кадров.

— Пойми, — убеждал тот его, — не можем мы засорять лесную охрану случайными типами, да еще бывшими в заключении. Кто поручится...

— Я поручусь! — резко ответил Иван Алексеевич. — Работа в лесу — для него единственная возможность снова себя человеком почувствовать. Ты можешь это понять?

Лицо кадровика порозовело. Он нервно поправил очки в золоченой оправе, сухо произнес:

— Где уж нам понять? По-твоему, здесь одни чинуши сидят. Тебя все знают и уважают, но предупреждаю: если хотя бы один сигнал поступит о Зяблове, мы не посмотрим, что ты заслуженный лесовод, орденоносец. Отвечать будешь!

У Ивана Алексеевича перед глазами поплыли оранжевые круги. Он подался вперед и глуховатым от злости голосом бросил:

— Ты сам когда-нибудь лес видел? Елку от осины отличить сумеешь? Приходилось тебе в дождь и холод отводить лесосеки? Лесные пожары тушил? Ах, ты окончил педагогический институт? Так какого же черта полез в лесное ведомство! Или учить лесников бдительности легче, чем обучать детей таблице умножения?

Он повернулся, вышел из кабинета, хлопнув дверью так, что там, позади, что-то загрохотало...

Все это он сейчас вспомнил, разговаривая с Зябловым, а тот сидел и переживал, отчего таким отчужденным сделалось лицо лесничего. «Неужто неладное что сделал али ляпнул?» — засомневался Зяблов. Он поерзал на стуле, кашлянул.

— Если ты, Иван Алексеевич, насчет лосихи думаешь, так каюсь, промашку дал.

— Какой лосихи? — Иван Алексеевич, не глядя, ткнул папиросу вместо пепельницы в скатерть и уставился на Зяблова.

— Браконьеры лосиху забили. Мясо разделили, аккуратненько в ельнике спрятали, а я случайно наткнулся, лыжным следом заинтересовался. Мясо забрал. Потом уж, как на кордон вернулся, спохватился: надо было остаться в засаде и взять с поличным. Все едино за добычей бы явились. Иван Алексеевич неодобрительно покачал головой.

— Одному в засаду идти нельзя, на пулю нарвешься. В следующий раз, если поблизости никого из лесной охраны не будет, позови лесорубов, а один не думай соваться.

Зяблов поскреб в затылке.

— А ить верно, язви его. Да шибко уж я зол на них, никак Белолобого забыть не могу.

— С Белолобым сам Чибисов разбирается. Ты к нему зайди, расскажи про лосиху. Он и насчет мяса распорядится, куда сдать — в сельпо или в столовую. Ты Чибисова-то знаешь?

— Познакомились. Душевный разговор имели.

— Подумай-ка! Даже душевный! — удивился Иван Алексеевич. — О чем же беседовали?

— Про всякое разное. О жизни побалакали, старину вспомнили. Очень интересовался он архивом моей биографии.

— Ну, и как?

— А ничего! Обсказал я ему все. Особливый интерес имел он к годам, когда я в «почтовом ящике» загорал. Культурненько разговаривали. Даже по имени-отчеству навеличивал меня...

Уже собираясь уходить, Зяблов поинтересовался:

— Чучелу из лосиной головы сделал, Иван Алексеевич? Поглядеть охота.

Иван Алексеевич провел Зяблова в свою комнату. Там, на стене, укрепленная на овальной полированной доске, висела голова лося.

Недаром лесничий потратил много свободных вечеров — лось был как живой. Зяблову даже показалось, что зверь пробил головой стену избы и сейчас ворвется в помещение. Его широко раздутые ноздри, казалось, ловят непонятные запахи, а черные блестящие глаза, в которых отражаются лучики света, настороженно всматриваются в стоящих перед ним людей. Когда-то во время боя соперник ударом рога содрал ему кожу со лба. Рана зажила, но шерсть выросла белой, украсив сединой мощную бурую голову.

— Надо же! — почему-то шепотом выдавил Зяблов и погладил толстую несуразную губу лося. Осторожно прикоснулся к белому пятну на лбу, подсчитал число отростков на мощных лопатах рогов. Все верно — двенадцать штук на каждой. Один отломан, видно, еще осенью потерял во время боя с соперником.

— Надо же! — еще раз повторил он и засобирался.

Иван Алексеевич вышел на крыльцо. Туман исчез. В темноте приветливо светились окна в домиках поселка. Несильный, но колючий ветерок шуршал по крыше, срывая с нее сухой снег. Было тихо, даже собачьего лая не слышно. Над головой безмолвно лежало ясное небо с широкой полосой Млечного Пути.

Иван Алексеевич постоял на крыльце, докуривая папиросу. Увидел, как черноту неба, испещренную точками звезд, прочертил яркий метеор. Вспомнилось детство, ночное. Жаркий костер, в котором пеклась картошка, звон бубенцов и фырканье коней. И они с ребятами на пахучей степной траве, задрав головы, ждут — не упадет ли звезда. Верили в примету и старались успеть в короткий огненный росчерк загадать заветное желание, чтобы обязательно сбылось... Вот только желаний было очень много, не успевали выбрать главное...

Вернувшись в комнату, он открыл ящик стола, достал из него маленький, тускло поблескивающий предмет. Долго рассматривал, потом аккуратно завернул в бумажку и спрятал в кошелек.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Зиме, казалось, не будет конца, уже февраль прошел, а холода не прекращались. Старики подсчитывали по пальцам прошедшие морозы и чесали затылки: давно прошли «сретенские», миновали «власьевские», а тут один за другим ударили новые.

И вот, когда еще раз пробушевала пурга, зима сразу сломалась. Подули с гор теплые западные ветры. Снег стал оседать, таять, с ясного неба полились лучи солнца, и кругом закипели ручьи. По всему видно — быть высокому половодью. И снова старики чесали затылки: не могли припомнить, когда еще так круто наступала весна. А она мчалась на журавлиных крыльях, звенела и пела птичьим многоголосьем.

Еще встречались в овражках и на северных склонах холмов полоски тающего снега, но земля уже дышала теплом. Ивану Алексеевичу захотелось разуться и пройтись босиком, как в детстве, по упругой, оттаявшей земле. Посмеялся над собой, что чуть не поддался такой блажи, стегнул мерина и поскакал по лесной тропе.

Целые дни с утра до вечера пропадал он в лесу. Обследовал места рубок. Ругался и скандалил с лесозаготовителями, когда находил непорядки.

— Смотри, как земля сохнет, а у тебя на делянке даже сучья в кучи не собраны. Зимой все надо было сделать! — выговаривал он бригадиру лесорубов. — Искра попадает — как порох все вспыхнет!

Он объезжал лесосеки и торопил с очисткой, хотя на душе было скверно от пылающих куч хвороста и сломанных стволов. «На ветер добро пускаем, — думал он, щурясь от

дыма. — Кабы использовать все, до щепы, сколько бы леса сэкономили».

Как-то с карандашом подсчитал он, что только на лесосеках теряется, превращается в дым, почти четверть древесной массы, так нужной промышленности. А сколько гибнет при сплаве, при деревообработке? И хотя прекрасно понимал, что вины лесорубов в этом нет, разговаривал с ними жестко, придирался к каждой мелочи.

— Чегой-то нынче лесничий злой, как змей! — кинул Роман Устюжанин товарищам, провожая взглядом покачивающегося в седле Левашова.— То кучи неладно склали — от леса близко, то с сучьями подтоварник пожгли. А куда его денешь? Вовремя не вывезли, так я что, на своем горбу должен его вытаскивать?

— Ты главный в бригаде, тебе и ответ держать первому за вывозку! — хмуро откликнулся его брат Семен. — Зачем годное-то в костры кидать? В штабеля сложим, а ты изволь вывозку обеспечь!

— Дорогу развезло, ослеп ты, что ли? — крикнул Роман.

— Лесовоз не пройдет — на санях трактором вытянем. Завтра пригони, и все сделаем. И учти, Роман, не сделаешь — вылетишь из бригадиров! Не за красивые глаза тебя назначили!

Роман не верил ушам. «Ну и братец! Не иначе подкоп ведет!» — зло подумал он.

— Лесничий дело говорит, ребята. У него за лес душа болит, а Ромка только о рубле думает. Пора бы уж допереть башкой, что лес нас кормит. Под корень все пускать — просто глупо. Верно я говорю?

— Да чего там! — загудели лесорубы.

— И еще, — продолжал Семен. — С трактористами надо поговорить. Что же получается? Вот хотя бы эта деляна. Сколько на ней подросту было. А сейчас и кустика не видать, все тракторами перепахали. Проложены волоки, так и тащи по ним хлысты, а они прут, не глядя, да еще на

тракторах, как на каруселях, елозят. Земля-то почти голая остается!

— Верно, Семка. Подрост сохраним, нам же с посадкой потом меньше возиться! Да и с посадками торопимся — абы сделать! — плохо приживаются. Вот уж сколько в лесу пустоплешин!..

Услышь это Иван Алексеевич, может, и не было бы у него скверного настроения, и на следующей лесосеке повел бы он разговор совсем в ином тоне. Но и там повторилось то же самое, и, окончательно взбешенный, он запретил рубку, пока все не будет сделано, как положено.

Закончив осмотр, Иван Алексеевич решил попутно проверить кедровые посадки. Слез с коня и, ведя его в поводу, пошел по еле заметной лесной тропе. Под ногами мягко пружинила оттаявшая земля. Пахло разбухшими почками, прелым листом. От ручьев веяло прохладой. И хотя от долгой езды ноги затекли и побаливала поясница, Иван Алексеевич чувствовал, как постепенно стихает гнев.

В маленькой лощине возле огромной лиственницы он сделал привал. Вытащил из седельной сумки краюху хлеба и кусок вареного мяса.

Почуяв запах хлеба, мерин потянулся к хозяину. Иван Алексеевич отломил половину краюшки, посыпал солью и протянул ему. Мягкими теплыми губами мерин взял хлеб. Жевал долго, словно смаковал и все время покачивал головой.

— Соломой бы тебя кормить, лодыря, — ворчливо сказал Иван Алексеевич. — В упряжке ходить отказываешься, а мне протирать штаны в седле не бог весть какая радость!

Мерин шумно вздохнул, словно сочувствуя хозяину, и, прикрыв глаза, задремал.

Сидя на выпирающем из земли корне лиственницы, Иван Алексеевич закурил. Попыхивая папиросой, смотрел вверх, где высоко над землей распростерлась крона дерева. Над ней плыли белые кучки облаков, которые, казалось, вот-вот зацепятся за ветки и останутся висеть ватными клочья-

ми. Толстый ствол, как мощная колонна, уходил ввысь и словно подпирал небо, чтоб оно не упало на землю. Окружность ствола на высоте груди была три с половиной метра, а высота, которую Иван Алексеевич измерил способом подобных треугольников, достигала пятидесяти двух метров.

В лесничестве росло два таких дерева-гиганта. Но одно спилили десять лет тому назад. Бригада лесорубов потратила целый день, чтоб свалить его и распилить. А потом оказалось, что огромные, тяжеленные бревна невозможно погрузить на лесовоз. Так их и бросили на лесосеке. После этого случая Иван Алексеевич вторую лиственницу взял под охрану. Укрепил на ее стволе дощечку с надписью: «Рубке не подлежит. Памятник природы. Возраст 450 лет», а внизу, под надписью, указал дату, когда дерево взято под охрану. Возраст он определил по годичным кольцам спиленной лиственницы.

Давно перешагнула лиственница порог своего долголетия, но умирать не собиралась. Густа и раскидиста ее крона. Хоть не обильно, но через каждые четыре-пять лет осыпает она землю крылатыми семенами. На многие десятки метров вокруг толпится подрастающее поколение.

Было у Ивана Алексеевича еще одно дерево, взятое им под охрану, но уже по другой причине. Это — береза с корявым, свилеватым стволом, серым внизу и ослепительно белым, начиная с высоты человеческого роста. Стоит она на развилке дорог в густом ельнике и на его темно-синем фоне кажется белым облаком, накрытым сверху зеленой вуалью.

Как она попала сюда? Вблизи, по крайней мере в радиусе пяти километров, не было берез, одни ели, сосны да кедры. И от этого показалась она Ивану Алексеевичу заблудившейся и испуганной. При виде ее вспомнилось ему тогда изрытое воронками поле, исковерканное гусеницами танков, свое орудие, разбитое прямым попаданием, и лицо мертвого наводчика. Словно со стороны увидел себя, истекающего кровью возле орудия. Он лежал и видел только

небо и склонившуюся над ним изуродованную снарядами березу. Она была обожжена, вся в черных пятнах от копоти и дыма. И в том, как никли ее обугленные ветки, которым не суждено было больше зеленеть, была какая-то почти человеческая скорбь.

Егор Устюжанин вначале удивился решению лесничего сберечь дерево, но, услышав про убитую березу, тихо произнес:

— Пускай растет! Я, чай, тоже всю войну отмахал, знаю, что к чему!..

Отдохнув, Иван Алексеевич закинул повод на шею коню, хлопнул его ладонью по крупу.

— Пошли!

Неторопливо приглядываясь к весеннему лесу, он зашагал по тропе, а мерин, припечатывая землю тяжелыми копытами, покорно шел следом. Миновали ельник, перебрались вброд через ручей, гремящий на перекате разноцветными гальками, и вышли к кедровым посадкам.

Как-то на областном совещании лесоводов заинтересовался Иван Алексеевич выступлением лесничего-пенсионера.

Невысокий старик, то и дело поглаживая черные с проседью усы, докладывал о своих опытах выращивания кедра, сердито говорил о том, как бывшее руководство управления подняло его на смех, выставив прожектером, отнимающим время у занятых людей.

Иван Алексеевич слушал старика с большим вниманием. Простота метода, а главное, дешевизна, увлекли его. Той же осенью, собрав с деревьев шишки, он проверил семена на всхожесть, отобрал лучшие. Вместе с лесниками и школьниками каждый орешек закатали в смесь из торфяной крошки и компоста. Эти гранулы, а их получилось восемнадцать тысяч, они рассадили на старой, необлесившейся лесосеке в полусгнившие пни и колоды.

Весной появились всходы. Маленькие, толщиной со спичку, стволики упрямо цеплялись за приютившие их

трухлявые останки деревьев. Даже не верилось, что из таких крох вырастут могучие красавцы кедры. Бурьян не смог их задушить. На восьмой год посадки достигли метровой высоты. Когда подсчитали, оказалось, что из восемнадцати тысяч саженцев-орешков тянули к небу темную бархатистую хвою шестнадцать с половиной тысяч. Не все доживут до поры возмужания: жизнь леса сурова. К столетнему возрасту останется их не больше трех тысяч. Зато самых крепких и могучих.

Пожалуй, ни одна другая посадка не была так дорога Ивану Алексеевичу. И хотя он знал, что не доживет до времени, когда на этих прутиках появятся полновесные шишки, его радовало уже то, что после него останется на земле такое богатство.

Между собой лесники окрестили кедровник «Ивановским». Привыкли к названию и местные жители.

Иван Алексеевич вспомнил, как несколько лет назад к нему пришли школьники с просьбой «сделать их шефами «Ивановского кедровника». Только тогда и узнал он об этом названии. Усадил ребят и долго беседовал с ними. Рассказал о жизни леса, о правилах ухода за ним, посоветовал посадить больше кустарников, чтоб было где птицам вить гнезда.

— Только уж если возьметесь, так чтоб по совести работать. Проверять буду строго!

И то, что разговаривал он с ними как с равными, подняло ребят в собственных глазах, породило чувство настоящей ответственности.

— Ты, дядя Ваня, не беспокойся. Все, что скажешь, сделаем! — заверили в голос шефы...

Иван Алексеевич осмотрел посадки, остался доволен. Ребята уже побывали здесь. Убрали сухостой, расчистили от прошлогодней травы и опавшей хвои противопожарную полосу, развесили дуплянки.

— Молодцы! — одобрил он и подумал, как это он раньше не догадался привлечь ребят, заинтересовать их лесом.

Ребят самое время учить любви к природе. Хорошо бы организовать школьное лесничество. Надо сказать Ковалеву, чтобы потолковал с директором школы.

На сегодняшний день вроде бы все дела закончены, можно отправляться домой. Он минуту поколебался, какой путь выбрать. По старой лесовозной дороге короче, но она сильно избита, вся в ухабах. Выбрал тропу, хотя и длиннее, но нет опасности, что конь поломает ноги.

Лесные тропы всегда привлекали Ивана Алексеевича своим разнообразием и неожиданностями. Кажется, по иным прошел много раз, а все равно встречаешь новое. Особенно ранней весной, когда лес не одет и в прозрачной его глубине все далеко просматривается.

Вот среди белых берез видна развалившаяся сомья — охотничий лабаз. Срубленная на двух высоких пнях, она напоминает избушку на курьих ножках. Кто ее ставил? Неизвестно!

В кедровнике на одном из стволов приметил Иван Алексеевич старую, заплывшую серой сопру — знак промышлявшего когда-то здесь охотника-манси. Может быть, та сомья служила хранилищем его продуктов? А где он сам? Судя по ветхости лабаза, кости охотника давно превратились в прах.

Иван Алексеевич по привычке зорко посматривал по сторонам. От его взгляда ничто не ускользало. Вот на березе затес. Их обычно делают вдоль визирок и просек, но здесь нет ни того, ни другого. Если для указания тропы, то почему затес сделан не параллельно, а под прямым углом к ней? Придержал коня и заметил справа от тропы еще один затес, дальше другой. Ясно! Кто-то сделал для себя заметку! И совсем недавно, щепа свежая, до сих пор береза сочится. Иван Алексеевич свернул с тропы, слез с коня и пошел, придерживаясь затесов.

Осторожно, поминутно останавливаясь, он обшаривал глазами землю и стоящие по сторонам деревья. На таких вот тропах браконьеры ставят самострелы на лосей. Зверь за-

девает натянутый шнур, срабатывает механизм огромного лука — и метровая стрела насквозь пробивает животное. Бывали случаи, что жертвами таких самострелов становились люди.

Медленно, очень медленно продвигался он по тропе, ведя на поводу мерина, смотря под ноги и держа перед собой длинную палку, каждую минуту готовый услышать хлесткий свист сорвавшейся стрелы. Так дошел до неглубокого овражка. Спустился в него и неожиданно увидел замаскированную кустами дверь землянки. Внимательно пригляделся: вверху, на откосе, среди груды камней — асбоцементная труба. «Капитально устроено,— подумал он.— Кто же это постарался?»

Иван Алексеевич подошел к землянке, приник ухом к двери и услышал слабый шорох. Постучал, ему никто не ответил. Он постучал сильнее. Результат тот же. Тогда, взявшись за скобу, Иван Алексеевич рванул дверь, и в то же мгновение грянул выстрел. Сноп пламени чуть не обжег ему лицо. Спасла прикрывшая его дверь: окажись он в ее проеме — заряд картечи разворотил бы ему грудь. Побледнев, он отскочил в сторону и внезапно охрипшим голосом крикнул:

— А ну, выходи, гад!

Ему никто не ответил. Тогда он осторожно заглянул в землянку. С нар прямо на него смотрело дуло берданки, укрепленной на деревянных козлах. От спускового крючка через ввинченное в нары кольцо тянулась проволока, другой конец которой был прикручен к внутренней скобе двери.

«Вот где меня самострел поджидал, а я его на тропе разыскивал»,— подумал он. Вытер рукавом пот с лица и, почувствовав слабость в ногах, присел на нары. Огляделся. Возле очага увидел притаившуюся крысу. Пошарив рукой по нарам, нащупал пустую бутылку, швырнул в нее. Противно взвизгнув, та юркнула в щель. Он уперся рукой о доски и под слоем сена почувствовал какой-то предмет. Это

оказался тускло поблескивающий патрон от пистолета ТТ. Сбросив с нар сено, нашел еще один в щели между досками.

Сунув находку в карман, Иван Алексеевич тщательно обыскал землянку. Под нарами обнаружил пилу, топор, охапку сухих дров. На полке — котелок, кружку с ложкой, небольшой запас продуктов — все то, что обычно находится в промысловых избушках. Только в них не бывает настороженных ружей и рассыпанных пистолетных патронов. Он еще раз осмотрел помещение. Однако ничего, заслуживающего внимания, не увидел, за исключением недокуренной цигарки под нарами. Осторожно развернул ее. Она была свернута из обрывка какой-то квитанции. В уголке сохранился номер 795139. Внизу карандашом: «10 рублей 70 коп.». Иван Алексеевич бережно уложил бумажку в записную книжку. Затем отвязал с козел ружье и вышел из землянки.

Уже подъезжая к поселку, свернул с тропы на дорогу. Пропустил двух лесорубов на возу и увидел приближающуюся подводу. Пегая лошаденка, бойко перебирая ногами, тащила телегу. Поравнявшись с Иваном Алексеевичем, возница натянул вожжи, и он узнал Бориса Ковалева. Поздоровались.

— Далеко ли? — поинтересовался Иван Алексеевич.

— За жердями. Ограда развалилась, чинить надо!

Иван Алексеевич вспомнил, как на днях заходил к нему Борис в лесничество и выписал два кубометра тонкомера.

— На обратном пути заверни к Устюжанину, чтоб обмер сделал.

— Думаешь, больше нарублю?

— Такой порядок.

— Будь сделано! — засмеялся Ковалев.

Он посмотрел на Ивана Алексеевича и задержал взгляд на берданке.

— Ты что это с таким старьем охотишься? У тебя же шикарный «Франкот»!

— У этой пушки тоже неплохой бой!

— Что же без добычи возвращаешься?

— Промазал! До сих пор обидно, такого глухаря упустил!

— В следующий раз повезет. Ну, пока!..

Вечером, когда стемнело, Иван Алексеевич завернул берданку в холстину и отправился к Чибисову. В отделении его уже не застал, пришлось идти к нему домой.

Павел Захарович только что отобедал и собирался вздремнуть. Услышав гостя, он встал, сунул босые ноги в тапочки и вышел в переднюю.

Иван Алексеевич негромко произнес:

— Извини, что помешал, с важным делом пришел.

Чибисов кивнул головой и крикнул:

— Ксюша! Принеси-ка нам чаю, и меня нет дома. Понятно?

Они прошли в горницу, а Иван Алексеевич, распаковав берданку, протянул ее Чибисову.

— Посмотри, какую музейную редкость нашел. Обрати внимание на клеймо: Тульский Императорский завод, выпуск 1880 года.

Чибисов взял ружье, прикинул в руках.

— Ого! Килограмма четыре с половиной потянет. Зверский заряд может выдержать.

Он с удивлением рассматривал длинный граненый ствол, с которого давно сошло воронение и из черного он стал ржаво-бурым. Затвор болтается в пазу, ложе избито, исцарапано. Было видно, что ружье не висело на стене, а прожило большую охотничью жизнь. Но, несмотря на ветхость, в умелых руках могло прослужить еще долго.

— А теперь рассказывай.

Боясь что-либо пропустить, Иван Алексеевич начал с того, как он ссорился с лесорубами.

Прихлебывая чай, Чибисов слушал не перебивая.

— Задал ты мне задачку. Во-первых, кто насторожил ружье? Во-вторых, откуда у него патроны? Они подходят и

для пистолета ТТ и для автомата ППШ. Отсюда вопрос: что же у него — первое или второе? Дальше. В пустой избе ружье не настораживают. Значит, там что-то спрятано. Что именно?

Он подумал немного и предложил:

— Знаешь что? Я это все протоколом оформлять не буду. Напиши в виде заявления. Вот тебе ручка и бумага, пиши... Подожди, забыл спросить: ты, когда из леса возвращался, никого не встретил?

— Троих!

Чибисов поморщился.

— Ох, боюсь, завтра весь поселок узнает, что ты с берданкой разъезжал, а всем известно, что у тебя бельгийская двустволка. Хозяин землянки сразу поймет, что ты у него в гостях был. Судя по этим патронам, у того типа кроме берданки еще кое-какое оружие есть. Так что мой совет тебе: бродишь в лесу — чтоб наган всегда при себе был!

Он замолчал, когда в комнату вошла Ксения.

— Вы что это плохо чай пьете? Хозяин, почему за гостем не ухаживаешь?

— Так ты бы, мать, что-нибудь покрепче подала! Как-никак, мужики солидные, в годах, а серьезный разговор за чаем ведем! — улыбнулся Чибисов.

— Подать мне нетрудно, так ведь твой погребок вечно пустой.

— Мне по чину неловко за вином бегать — начальник милиции все же! А ты бы взяла да сходила.

— Ну конечно! Завтра же бабы петь начнут, мол, муженек-то у нас с пьяницами борется, а сам втихаря хлещет!

— Все, сдаюсь! — со смехом поднял руки Чибисов.

Ксения вышла. В горнице наступила тишина. Иван Алексеевич писал неторопливо, стараясь ничего не пропустить из того, что, по его мнению, могло иметь интерес для Чибисова. Наконец он кончил, достал из кармана обрывок квитанции, подколол.

— Может, пригодится!

— Посмотрим! — неопределенно буркнул тот, пробегая глазами написанное.

Иван Алексеевич, что-то вспомнив, похлопал себя по карманам, вытащил кошелек. Извлек из него темный комочек и положил на бумагу перед Чибисовым.

— Это что такое?

— Пуля!

— Вижу, что пуля! Откуда?

— Нашел в голове Белолобого, когда чучело делал!

— А пулька-то интересная, из пистолета... Ты когда-нибудь слышал, чтобы на лосей с пистолетом охотились?

— Не приходилось!

— И я не слышал. Может, из автомата срезали зверя?

— Сомневаюсь. Автомат — штука заметная, кто-нибудь все равно углядит, соседу расскажет, а там и весь поселок узнает. Шило в мешке не утаишь.

— Пожалуй, ты прав!

Лицо Чибисова посуровело. Он хлопнул ладонью по столу и жестко произнес:

— Кончать надо с этим делом. Завтра, до рассвета, проводишь нас к землянке. Жалко, народу у меня мало. Ну да как-нибудь управимся. Возьмем двух оперативников, да нас с тобой двое — уже четверо. Сделаем в землянке по всем правилам обыск и устроим засаду.

— Мало двух оперативников.

— Ребята смелые. Ваську Косого повязали так, что тот и маузер вытащить не успел. В общем, договорились. В четыре часа за тобой заедем...

...Всю дорогу Чибисов удивлялся, как в полумраке да еще в предутренней дымке, окутавшей землю, Иван Алексеевич отыскивает путь. «Семафоры, что ли, у него в лесу натыканы?» — думал он, покачиваясь в седле. Кругом была тишина, какая наступает перед рассветом. И в этой тишине по-особенному гулко и грозно раздавался топот конских копыт. Растянувшись цепочкой, всадники ехали молча, настороженно вглядываясь в неприветливый в этот час лес. Даже

Иван Алексеевич, который всегда видел в нем друга, чувствовал таившуюся в нем опасность.

Уже совсем посветлело, и розовая заря окрасила небо, когда они добрались до своротки, откуда начиналась тропа к землянке. До нее оставалось метров двести, когда они уловили легкий запах дыма. «Печь топят»,—решил Чибисов и шепотом приказал спешиться, привязать коней, рассыпаться цепью и окружить землянку.

— Оружие применять только в крайнем случае! — приказал он.

Бесшумно рассредоточившись, они взяли в кольцо землянку и пошли, растворяясь в лесном полумраке, как тени. Сжимая в руке наган, шел Иван Алексеевич, как когда-то ходил под Ельней и Будапештом.

Но увиденное превзошло все ожидания. Землянка исчезла! Вместо нее тлела куча пепла и головешек, над которыми еще вились тонкие струйки дыма.

— Опередили! — задохнулся от злости Чибисов.

ГЛАВА 2

Дождь-бусенец, как влажный туман, еле смочивший крохотные, еще липкие березовые листочки, к полудню набрал силу и зашумел. Дождевые капли разрисовали тихую речную гладь расходящимися кругами. А потом от хлынувшего с неба потока вода закипела, покрывшись сплошными лопающимися пузырями.

Иван Алексеевич подставил лицо струям дождя, счастливо улыбался.

С самого начала мая стояла необычная сушь. Не по-весеннему жаркое солнце быстро согнало снег даже в ельниках и глубоких оврагах. Сошли талые воды, не успев напоить землю, покрытую мертвой травяной ветошью: упадет искра — и затлеют былинки, побегут огненные змейки, сжигая на своем пути все, что может гореть. Тяжелое было время. Ладно еще, пожары были беглые, низовые. Тушили их,

забрасывая пламя землей, копали канавы. Иногда закладывали аммонит, создавая взрывами широкие полосы голой земли, и этим останавливали огонь.

А как быть, если вспыхнет верховой пожар, когда пламя бушует от самой земли до вершин?

Чего Иван Алексеевич больше всего боялся, то и случилось... В тот день, сморенные жарой и усталостью, возвращались люди с очередной схватки с огнем. Ехали молча, мечтали о близкой реке, чтоб смыть пот и сажу, досыта напиться холодной прозрачной воды.

До реки оставалось немного, только перевалить взгорбок с прозрачным березняком. И тут увидели мчащегося по луговине всадника. Размахивая зажатой в руке шапкой, он что-то кричал.

— Тп-р-ру! — Егор Устюжанин натянул вожжи. За ним остановились и остальные подводы.

Иван Алексеевич по неуклюжей посадке узнал Зяблова.

Подскакав, тот кулем свалился с седла и кинулся к лесничему.

— Беда, Иван Алексеич! Устиновский ельник горит. Верховой пластает, язви его в душу! Вначале-то огонь махонький был, низом шел. Я уж его совсем было сбил, а тут, как на грех, сухая ель вспыхнула, ну и пошло...

Был Зяблов возбужден и страшен. Потное лицо с разводьями сажи, порванная и во многих местах прожженная рубаха. Несло от него даже на расстоянии кислым запахом дыма.

Иван Алексеевич вынул из планшета схему лесничества, минуту соображал и, приподнявшись в седле, крикнул:

— Заворачивай в пятнадцатый квартал! Возле вышки вас ждать буду!

Он вытянул мерина плетью и поскакал. За ним, взмахивая локтями, как крыльями, неуклюже подпрыгивал в седле, стараясь не отстать, Зяблов. Сзади, громыхая колесами по корням, помчались подводы...

С вышки открылась зловещая картина: над ельником,

зажатым с боков каменистыми откосами холмов, бушевал огненный ураган. Сквозь темно-серые клубы дыма прорывались багровые языки пламени. Шум падающих деревьев, треск и рев огня сливались в сплошной грозный гул.

Нужно было немедленно решать, как укротить эту стихию. Такой огонь не забросаешь землей, водой не зальешь. Есть только один способ, очень опасный, если в решительную минуту не выдержат нервы.

Когда Иван Алексеевич спустился вниз, его окружили.

— Ну как? Здорово горит? Куда идет? Управимся, нет?

— Пожар сильный. Справиться с ним не просто. Будем пускать встречный пал, иного выхода нет. Егор Ефимович! — обратился он к Устюжанину.— Расставь людей вдоль просеки, чтоб за спиной была вода. Пусть готовят вал. А коней нужно отогнать на тот берег, на луговину...

— Видал? — толкнул локтем какого-то парня Евсюков.— О конях заботится, а людей в самое пекло посылает. Тут запросто святым станешь, облачком в небеса вознесешься.

— А ты радуйся. Бабка Авдотья святому Пантелею каждую субботу свечку будет ставить.

— Иди ты со своей бабкой подальше! Не я лес поджигал, не мне его и тушить. Дураков нету, чтобы в экую пламень соваться!

— Как нету? Куда они делись? — сурово оборвал его Устюжанин.— Ты же самый главный из них... Если кишка тонка, гони коней за реку и пережидай там...

На просеке торопливо работали люди. Стучали топоры, рычали бензопилы. С шумом падали деревья. Их быстро растаскивали и складывали валом вместе с хворостом и сухостоем.

Чумазый, мокрый от пота Роман Устюжанин, орудуя бензопилой, покрикивал:

— Берегись! Сейчас листвяну валить стану. Нажимай, мужики. Куда ты, чертолом, вершину кладешь? Оттащи влево!

— Пить охота! Хоть бы кто воды из реки принес!

— А еще б лучше — клюквенного киселя с холодку! Вот бы дело было! — откликнулся Роман.

— Ты, видать, ряшку-то на киселе отъел! — съязвил Постовалов.

— Ну и отъел! А вот тебе мяса нарастить не мешает — на ходу костями гремишь, собаки хвосты от страха поджимают!

Люди смеялись, пытаясь скрыть растущее чувство страха. А вдруг не справятся, не остановят огонь? Тогда пламя в одно мгновение накроет их. Кое-кто с опаской оглядывался, соображая, успеет ли добежать до реки.

Огонь наступал. Стало трудно дышать. Едкий дым разъедал глаза, вызывал мучительный кашель. Сквозь густые клубы дыма видны были багровые факелы пламени.

— Спасу нет, как печет! Передышку бы сделать! — заскулил кто-то.

— Огонь тебя ждать будет? — заорал Устюжанин.— Наотдыхаешься на том свете, если время упустишь. Руби вон ту сухару, чтоб к огню вершиной упала!

Внимательно следил Иван Алексеевич за струйкой дыма костра, специально разведенного впереди вала. В жарком воздухе слабый дымок, еле различимый в удушливой мгле, вился тонкой струей. Наконец дымок дрогнул, качнулся в сторону, откуда двигался пожар, и, быстро клубясь, помчался к нему навстречу. Вздрогнули былинки трав, с шумом понеслись поднятые с земли опавшие листья.

Вот она, минута, которую нельзя пропустить!

— Зажигай! — гаркнул Иван Алексеевич и махнул рукой.

Десятки факелов опустились на сложенный вал. Вспыхнула длинная полоса пламени. Она становилась все выше, и когда приблизилась пылающая стена,— огненный поток, пущенный людьми, рванулся к ней навстречу. Две огненные стены с ревом сомкнулись и тут же исчезли. Сквозь дым, поднимающийся над потухшим пожаром, сверкали

обугленные стволы и головешки. А сверху тускло просвечивало багрово-красное солнце...

Два дня после этого люди охраняли горельник. Заливали тлеющие пни и колоды. Несколько раз притаившийся огонь юркой змейкой проскальзывал под буреломом, вырывался из осады, жарко потрескивая, охватывал еловый подрост.

И опять начиналась схватка. Задыхаясь от едкого дыма, люди сбивали пламя землей и водой. И вот хлынул дождь. Грязные, в прожженных рубахах все радовались такой помощи, и никто не спешил прятаться от падающей с неба воды...

Отпустив людей по домам, Иван Алексеевич с Устюжаниным отправились осматривать горельник. Копыта коней вязли в жидком от дождя пепле. Кругом, как в Кощеевом царстве, чернели скелеты елей и берез.

— Легко отделались. Гектаров тридцать сгорело! — прикинул Иван Алексеевич.— Гортоп на дрова вырубит, а осенью вспашем и сосной засадим, в питомнике саженцы неплохие выросли.

Ненастье затянулось на неделю. От обилия влаги буйно пошли в рост травы, прикрыв прошлогоднюю ветошь. Опасность пожаров исчезла. Теперь до осени, пока зеленеет земля, жить можно спокойно.

ГЛАВА 3

Из лесхоза пришло письмо: лесничему Левашову и одному из лесников выехать на областное совещание.

«Что ж, съездим,— решил Иван Алексеевич.— Заодно выясним кое-какие вопросы». Но кого из лесников взять с собой? Можно бы Егора Ефимовича, но у того должность сейчас по-новому называется, не объездчик, а лесотехник. В письме же речь идет о леснике. После недолгого колебания решил: Зяблов поедет. Поработал хорошо. Пусть послушает, как у других дело спорится, и сам почувствует себя

нужным человеком, лишний раз поверит в свое место среди людей.

Через два дня на попутной машине добрались они до железнодорожной станции. Поезд был проходящий, и билеты им продали в разные вагоны. Иван Алексеевич подосадовал, но делать было нечего, следующий поезд шел только через двенадцать часов.

— Доедем! — успокоил его Зяблов. Сел в свой вагон, забрался на верхнюю полку и до самого конца проспал как убитый.

Вышел он из поезда на перрон вокзала в начищенных сапогах и новенькой шинели с зелеными петлицами, на которых сверкали дубовые веточки. Покрутил головой, разыскивая Ивана Алексеевича, но тут его подхватила толпа пассажиров, закружила, понесла по подземному переходу. В людском потоке Зяблова толкали, били по ногам корзинами, набитыми до отказа авоськами. Какой-то пассажир, с кряхтением пробиравшийся в толпе, ударил его углом чемодана по уху. Зяблов обозлился, сжал кулак, но сдержался и только пробормотал:

— Ты бы осторожней шарашился. Так и покалечить недолго.

Пассажир испуганно обернулся, и Зяблов узнал Евсюкова. Пантелей поморгал глазами и, успокоившись, заулыбался.

— Василий Иваныч! Извиняй! Толчея вон какая, несет как пробку, того и гляди, на ногах не устоишь, стопчут... А ты, значит, в город? Как же я тебя на станции не приметил?

Евсюков, крякнув, переставил чемодан на другое плечо.

— Что, невмоготу? Давай подсоблю!

Сдернув с плеча Пантелея поклажу, Зяблов прикинул вес и удивился:

— У тебя там что? Кирпичи, что ли?

Евсюков попытался вырвать у него чемодан, но тот протянул ему свой маленький саквояж.

— На неси. Этот полегче!

Подтолкнул Пантелея и зашагал к выходу. Когда они выбрались на привокзальную площадь, Зяблов поставил чемодан на асфальт, пожелал Евсюкову весело погулять в городе и долго тряс его руку.

Наконец тому удалось вырвать ладонь, и он, оглядываясь, резанул к автобусу, не замечая тяжести своей поклажи. Глядя ему вслед, Зяблов посмеялся и отправился разыскивать адрес, данный ему Иваном Алексеевичем.

Пошел пешком. Увидев на противоположной стороне улицы вывеску «Пышечная», вспомнил, что с утра ничего не ел, и почувствовал голод. Не глядя по сторонам, пересек улицу и услышал переливчатый свист. Оглянувшись, с испугом увидел, как к нему шагает постовой. Не соображая, Зяблов кинулся бежать. Нырнул под арку дома и завернул за угол. Оглянувшись, заметил открытую дверь подвала, какую-то зеленую вывеску над входом. Сбежал вниз по лестнице и, прикрыв дверь, прижался к ней спиной, еле переводя дыхание. Только когда мимо тяжело протопали чьи-то сапоги, открыл глаза и тяжело вздохнул.

«Дурак! Милиционера испугался! Делов-то ничего! Штрафанул бы на рублевку, и будь здоров, а теперь трясись как овечий хвост».

Он осмотрелся. Большое квадратное помещение. С низкого потолка свешивались три яркие лампы, при свете которых он увидел длинные верстаки, стоящие вдоль стены. На верстаках слесарные инструменты, обрезки железа, велосипедное колесо, моток медной проволоки. Людей не было, только из-за полуоткрытой двери, справа от входа, доносился шорох.

Зяблов шагнул в сторону, вытянул шею и заглянул в дверь. В маленькой комнате возле письменного стола сидел какой-то тип. Закинув ногу на ногу, он сосредоточенно обтачивал маленьким подпилком ногти, то и дело поднося пальцы к лицу, и дул на них, смешно складывая трубочкой губы. У него были длинные до плеч волосы и рыжая бород-

ка. Ну, чистый поп! Зяблов даже растерялся: куда он попал? Человек обернулся, и Зяблов увидел, как у того удивленно раскрылись глаза.

— Вам кого, гражданин?

Зяблов молча оглядел незнакомца. Нет, для попа слишком молод. Да и бороденка какая-то завалящая. Попы бороды холят, а у этого видимость одна. Волосы хотя и длинные, а торчат как вороньи перья. Неужто фарцовщик? Похож! Вон и штаны на нем модные — сплошь пуговицы да молнии. А хотя черт его разберет! Зяблов даже повеселел и нахально спросил, чтоб подразнить парня:

— Подштанники в стирку берете?

Длинноволосый обозлился. Швырнул на стол подпилок.

— Ослеп, что ли? Здесь мастерская, а не прачечная! И вообще — закрой дверь с той стороны — обеденный перерыв!

Он подхватил стоящий у стены чемодан и, наступая Зяблову на пятки, выпихнул его из подвала. Закрыл дверь на ключ и помахал рукой.

— Адью, папаша! А подштанники в другом месте смени!

Ухмыльнувшись, он зашагал в сторону. И тут Зяблов, взглянув на чемодан, удивился. Чемоданишко-то знакомый. Вот этим самым углом ему сегодня Пантелей в ухо дал, и масляное пятно на крышке он сразу узнал.

— Постой-ка! — остановил он парня.— Ты у кого этот чемодан увел?

Парень удивился:

— Ты, случайно, не от психов сбежал?

— Нет, обожди, потолкуем!

— Отстань, болван!

— В чем дело, гражданин? — раздался у них за спиной строгий голос. Зяблов обернулся и почувствовал, как подскочило у него сердце и покатилось куда-то вниз. Он узнал гнавшегося за ним постового. А тот, не выдавая радости, вежливо откозырял и повторил свой вопрос.

Зяблов торопливо, сбиваясь, рассказал про чемодан, про свою уверенность, что его украли у земляка, приехавшего сегодня с ним, Зябловым, в одном поезде.

Постовой выслушал объяснение. Попросил у обоих документы. Внимательно просмотрел и предложил:

— Пройдемте, граждане!

Зяблов, проклиная себя в душе, послушно поплелся. Возмущенный парень последовал за ним.

В отделении, куда были доставлены задержанные, пожилой капитан внимательно выслушал рапорт постового. Ознакомился с документами.

— Что в чемодане? — задал он вопрос длинноволосому.

— Дядя гостинцы привез — копченое мясо.

— Мясо? Ну что ж, разберемся. А вы пока подождите в соседней комнате! — обратился он к Зяблову.

Долго томился Зяблов в пустой комнате. Уничтожил десяток папирос и клял себя, что впутался в это дело.

Наконец капитан вызвал его. Зяблов подробно рассказал, как утром двинули ему в ухо чемоданом, отчего он его и запомнил и как помог земляку донести его до автобуса.

— А в чемодане действительно было мясо, лосиное.

— Вот елки-палки! Выходит, я маху дал, зря парня обвинил.

— Тут другое дело вскрывается. Мясо коптили совсем недавно, а охота на лосей с января запрещена. Выходит, земляк ваш — браконьер. Составили мы акт. Отошлем по месту жительства этого доброго дядюшки, пусть там разберутся.

— Ай да Ботало! — покрутил головой Зяблов.— А я еще ему подмог чемодан тащить.

Капитан закурил, угостил папиросой Зяблова. С сочувствием посмотрел на его покалеченное лицо.

— Где это вас так зацепило?

— На фронте! — сам не ожидая, брякнул Зяблов и даже каблуками щелкнул.

Капитан удивленно посмотрел на него, протянул документы и сухо произнес:

— Можете идти. В следующий раз улицу переходите в положенном месте.

Зяблов не поверил, что легко отделался.

— Товарищ начальник, мы люди лесные, темные. В тайге не боялся, а в городе чуть башку не отвертел, того и гляди, машина задавит.

— Ладно, идите! — улыбнулся на этот раз капитан.

К началу совещания Зяблов опоздал. В перерыв пришлось идти к главному лесничему объясняться. А тот отвел его к начальнику управления, у которого как раз сидел Иван Алексеевич.

При виде Зяблова Иван Алексеевич нахмурился, покачал головой, всем своим видом давая понять, что подвел Василий Иванович своего лесничего, не оправдал доверия. И от этого сделалось Зяблову совсем нехорошо, хоть провались сквозь землю. Пытаясь оправдаться, волнуясь, рассказал, что с ним приключилось. Начальник слушал и с трудом удерживался от смеха. Рискнув наконец взглянуть на Ивана Алексеевича, Зяблов увидел, что и у него глаза смеются. Он приободрился и даже сознался, что приврал капитану, сказав, что был фронтовиком. «Видно, шрам на морде подходящим ему показался!»

— Из милиции мне звонили, интересовались вами. Просили передать вам благодарность... Вот только капитана обманули напрасно!

Зяблов густо покраснел, затоптался.

— Василий Иванович! — попросил его Левашов.— Ты пока подожди меня в приемной. Я скоро освобожусь. Вместе пойдем в гостиницу.

Когда они остались одни, Иван Алексеевич продолжил разговор, прерванный приходом Зяблова.

— Ты мне скажи, Николай Владимирович, до каких пор Нагорное лесничество в пасынках будет числиться?

— Откуда ты это взял? Тебе заслуженного лесовода

присвоили, орденом наградили. Все лесники значки отличников имеют. Сегодня вот приказ подписал на твоего крестника — Зяблов тоже значок получит.

— Вот это хорошо! — обрадовался Иван Алексеевич.

Начальник улыбнулся:

— И что ты так бьешься за него? Зимой с начальником кадров расшумелся, тот даже заявление в партком на тебя настрочил.

— Хочется вернуть ему вкус к жизни... Слушай,— неожиданно рассердился Иван Алексеевич,— что ты вокруг да около крутишь? Разговор шел о лесничестве, а ты все в сторону сворачиваешь. Почему у меня до сих пор нет помощника, должность бухгалтера пустует, рабочих в питомнике всего трое? И где это видано, чтобы у лесников обходы были по десять тысяч гектаров?

— За это своего директора благодари. Он прошляпил... Ну ничего! Скоро все изменится. Твое предложение об орехо-промысловом хозяйстве мы обсудили на коллегии, признали своевременным и очень ценным. Облисполком и обком партии одобрили. Так что с нового года на базе Нагорного лесничества будет организовано такое хозяйство.

— А кто за это берется? Надеюсь, не леспромхоз?

— Была такая мысль, но потом решили, что лучше оставить это за собой. Создадим комплексное хозяйство. Будем заниматься промыслами, заодно восстанавливать лес.

— Ну, порадовали! Вот за это спасибо!

— Подожди! Сказка будет впереди. Решили перевести тебя на ответственную должность. Хватит в тайге околачиваться. Кого порекомендуешь вместо себя в Нагорное?

— Как это?...— опешил Иван Алексеевич.

— Видишь ли, уволили мы начальника кадров, наломал он дров. Посоветовались и решили, что лучше тебя не найти. Опыт большой, дело знаешь и с людьми ладить умеешь.

— Да ты что? — засмеялся Иван Алексеевич.— Меня — в кадровики? Конечно, не пойду! Я должность лесничего в нашем деле считаю повыше твоей, Николай Владимирович.

Сидишь ты целый день в кабинете, вокруг тебя телефоны наставлены, секретарша вьется, и лес-то видишь ты пару раз в год. А я в нем с утра до ночи, живу им...

Начальник улыбнулся:

— Значит, и со мной местами не поменялся бы?

— Зачем?

— А о партийной дисциплине слышал? Предложит партком тебе занять эту должность, и подчинишься.

— Не предложит. Уж там-то должны понимать, что где от человека больше толку, там ему и место.

— Да ты все же подумай!

— И думать нечего!

ГЛАВА 4

В июне Севка доложил родителям, что женится. Отец одобрительно усмехнулся, а мать, узнав, что на свадьбу уже и гости приглашены, запричитала: «Уж больно малый срок для подготовки выделил, сынок».

Весна эта была для Севки особенная. Вернувшись в Нагорное после курсов, он первым делом наломал в садике огромный букет черемухи и помчался к Инге.

Инга сидела на крылечке в зеленеющем дворе. Щурясь на солнышке, беседовала с котом, свернувшимся у нее на коленях. Перед отъездом на курсы принес ей Севка мурлыкающий пушистый комочек. Инга обрадовалась, хотя и не упустила случая поехидничать: «Из какого же созвездия это твоя хвостатая звезда?» Но с котенком не расставалась и даже провожать Севку пришла, держа за пазухой его подарок.

Увидев в воротах Севку, Инга ахнула и, удивляясь себе, побежала ему навстречу. Скатившийся на землю кот оскорбленно фыркнул и степенно удалился, а Севка, растерявшись, сунул Инге букет, не зная, что делать со своими руками и что сказать. Раскрасневшаяся Инга, зарывшись носом в цветы, смотрела на него сияющими глазами, и

Севке впервые не досталось на орехи, когда он решился ее обнять и зашептать в ухо давно накопившиеся ласковые слова...

На свадьбу явилось полпоселка. Во всяком случае, так показалось Ивану Алексеевичу. После всех традиционных церемоний, вручений подарков и шутливых пожеланий гостей пригласили к столу. Молодежь шумела за одним концом стола, старики степенно обосновались за другим.

Оглядевшись, Иван Алексеевич увидел счастливых Устюжаниных, Антоныча и даже Ковалева.

Был на учителе отлично сшитый костюм. По белой сорочке радугой переливался широкий галстук. На пиджаке — обернутая целлофаном колодочка медалей. Пахло от гостя духами и вином.

Иван Алексеевич не утерпел, съехидничал: «Тоже мне, вырядился, как цаца, а явился под мухой!»

Ковалев промолчал, только усмехнулся и хитро подмигнул.

В разгар веселья, когда в третий раз ставили на стол обильное угощение и гости, морщась, кричали «Горько!», заявился Зяблов.

Чинно обошел стол, с каждым поздоровался за руку, а Севку стиснул по-медвежьи и трижды расцеловал.

— Ну, паря! Как говорится, совет да любовь. Вымахал ты ростом, дай бог каждому, да все равно мальцом считался. А ноне ты мужик, и понятие на жизнь должен иметь соответственно этой должности!

— Ура-а! — заорал Антоныч и, ухватив Зяблова за рукав, усадил рядом с собой. Подмигнул гостям, предложил:

— Штрафную полагается Василь Иванычу. Не перечь, не нами это заведено, не нам и отказываться.

— Закусывай! — протянул ему Антоныч на вилке соленый огурец.

У Зяблова, с вечера голодного, от выпитого вмиг закружилась голова. Он обвел взглядом присутствующих и удивился, что народу вроде бы стало больше. А главное, стол,

словно у него обломилась ножка, качнулся и наклонился. Зяблов испуганно схватился за столешницу, чтоб, не дай бог, не покатилась на пол посуда со всякими разносолами. Он даже зажмурил глаза, а когда через несколько секунд открыл их, то опять удивился: ни тебе битой посуды, ни взбесившегося стола, кругом полный порядок. Он смущенно осмотрелся и облегченно вздохнул: никто не заметил его испуга, только сидящий напротив Ковалев зашептал что-то соседке Лизке Лихолетовой да Иван Алексеевич посмотрел выразительно — не пей, мол, больше, хватит!

Зяблов бормотнул:

— Будь спокоен, Иван Алексеевич, не подведу!

Когда застолье кончилось, Лиза пожалела:

— Сплясать бы, а музыки нет. Хоть бы какого ни на есть баяниста зазвать.

— Как нет музыки? — показала Инга на стоящую у стены фисгармонию. — Дядя Ваня, сыграйте что-нибудь!

Еще давно, когда Инга училась в пятом классе, Вересков, будучи в командировке, увидел этот инструмент в комиссионном магазине. Что-то было неладно у фисгармонии с мехами. Шипела она и вздыхала, словно больная астмой. Оттого и цена ее была мизерной. «Куплю! — решил Вересков. — Отремонтирую, пускай дочка учится!»

Почти месяц возился Максим с инструментом, пока не добился своего. Звук у фисгармонии мягкий, тягучий, не чета роялю. Вся беда в том, что сам он играть не умел, а стало быть, и научить Ингу не мог.

Так бы и стоял инструмент, занимая место в квартире, если б однажды Иван Алексеевич не решил вспомнить студенческие годы. Слух у него был отменный, в институтской самодеятельности когда-то певцам аккомпанировал на пианино. Сначала играть на фисгармонии показалось трудно. Непривычно было качать ногами педали мехов и одновременно касаться пальцами клавишей. Потом привык и каждый раз, как заходил к Верескову, подсаживался к инструменту.

И вот сейчас, чуть волнуясь, он сел к фисгармонии, откинул крышку, качнул меха, взял пробный аккорд. Звук сочный, приятный. Огрубевшие пальцы быстро узнали клавиши.

Играл Иван Алексеевич долго. Сыграл все вальсы, «Полечку», а когда рискнул на изумленной фисгармонии, не привыкшей к таким ритмам, сыграть «Барыню», тут не выдержал даже Зяблов.

Воткнув вилку в студень, скинул пиджак, выскочил на середину комнаты. Широко раскинув руки, пошел по кругу, выбивая каблуками дьявольскую дробь. Пускался вприсядку, выкидывал такие коленца, что даже невозмутимый Егор Ефимович крякал от изумления.

Плясал Зяблов с упоением, словно старался вознаградить себя за долгие тоскливые годы. Крутился, как шаман, с разбойным свистом и уханьем. Наконец выдохся, плюхнулся на стул, постанывая, ловя воздух широко раскрытым ртом.

Изрядно упившийся Антоныч подсел к нему, обнял за шею и поднес стопку.

— Лихой ты мужик, Иваныч. Весь в меня, до самых тонкостей! Давай за сродствие душ примем по маленькой!

Зяблов отвел его руку.

— Убери! У меня и без вина душа кочетом поет!

От непривычного шума у Ивана Алексеевича разболелась голова. Он извинился перед хозяевами и попрощался.

В переулке его догнал Ковалев. Приноровился к шагу, пошел рядом.

— Что ж ты невесту свою одну оставил? — спросил Иван Алексеевич.

— Пускай повеселится. Женой станет, плясать некогда будет!

Возле лесничества Борис остановился, тронул лесничего за рукав.

— Можно к тебе?

Иван Алексеевич молча кивнул головой.

В доме Ковалев подошел к окну, толкнул раму. В комнату хлынула вечерняя прохлада, донесся шелест листвы, крик одинокой кукушки.

— Хорошо у тебя здесь! Тихо. Только я бы не согласился жить на отшибе. Страшновато. Лес рядом, глухомань!

Иван Алексеевич засмеялся:

— С каких пор ты стал леса бояться?

— Ну, сразу уж и «бояться»! Просто в каждом человеке заложен инстинкт самосохранения. Он зачастую определяет его поступки. Когда я брожу по лесу с ружьем — я охотник, а без оружия — сам превращаюсь в дичь. Вот сейчас беседуем мы тихо-мирно, а оттуда, — он кивнул на подступившую к лесничеству чащу, — чей-то глаз следит и, может быть, берет нас на прицел.

— Да ты что, серьезно?

— Конечно, не шучу!

— Ну, тогда я тебе не завидую. Это же заячья жизнь! Я так считаю: волков бояться — в лес не ходить. Тот, кто эту поговорку сложил, плевал на твой инстинкт, смелый был мужик!

Ковалев подошел к небольшому стеллажу с книгами. Взял один том, полистал, сунул обратно. Провел пальцами по корешкам.

— Не понимаю, как в тебе уживается любовь к книгам с какой-то заземленностью. Растеряешь только себя в этом захолустье. Станешь таким же дубарем, как Зяблов или старик Устюжанин.

— Ну, ну, давай рисуй облик опустившегося интеллигента! — засмеялся Иван Алексеевич, устраиваясь поудобнее на диване. Между прочим, нечто подобное и совсем недавно мне говорила одна очень чудесная женщина. Только она не пророчила мне такой горькой судьбы, какую сулишь ты.

— Смейся! Небось сам чувствуешь, как опускаешься.

— А ты с другого конца прикинь. Не я опускаюсь, а люди растут!

— Чепуха! Характер и задатки человека заложены в его генах. Законы генетики не отменишь, хотя и пытались это сделать!

— Я эту науку уважаю. А ты подтасовкой занимаешься. К твоему сведению, мать у меня была безграмотной крестьянкой, а отец — горщик, писать научился только под старость!

— Нет правил без исключения, и это как раз относится к тебе... Не смешно ли! Ему предлагают работу в управлении, а он нос воротит! Что ты здесь имеешь? Сто рублей и мерина вместо «Волги». Пропадешь в этой глуши. Слышал про такой цветок: эдельвейс? На навозной куче он не растет. Его только высоко в горах найти можно...

— Встречался на фронте с этими «эдельвейсами!» Серьезные цветочки, а все равно корешки у них мы выдергали, драпали от нас не хуже других!

— Да я не про то... Не место тебе здесь с твоей головой и способностями.

— Прекрати, а! — взмолился Иван Алексеевич. — Чего же ты сам здесь торчишь, если считаешь себя пупом земли? А здешних людей я лучше знаю. Таких, у которых весь разум в брюхе — единицы. Молодежь к культуре тянется. Сознание у людей растет!

— Сознание! Сознание! Все это слова, пустой звук. Обычное физическое явление. Вздрогнет воздух, успокоится, и слова исчезнут, что были, что нет!

— Ну, брат, если сознание для тебя — пустой звук, то каково же твое бытие?

Ковалев ошеломленно посмотрел на Ивана Алексеевича и захохотал.

— Поддел! С тобой спорить опасно, заклюешь!

Уже собираясь уходить, Ковалев задержал руку Ивана Алексеевича и, понизив голос, сказал:

— Я тебе не зря советую уехать. Не хотел тебя огорчать, но по поселку нехороший слушок ползет... Говорят, что твое покровительство уголовнику Зяблову неспроста. Я, ко-

нечно, дал отпор... В общем, если что, рассчитывай на мою помощь.

Иван Алексеевич вспыхнул, отбросил руку Ковалева.

— С ума, что ли, сошел?

Тот с сожалением посмотрел на него.

— Я это не сам выдумал!

Оставшись один, Иван Алексеевич сжал кулаки и замычал, как от зубной боли. Ерунда какая-то! Сплетни да пересуды — вот это уж действительно бич глухих поселков. Может быть, и правда хватит с него? Послать все к чертовой бабушке и податься в город? Сидеть за столом в кабинете от звонка до звонка. Остальное время — занимайся чем хочешь. Иди в кино или в театр, сиди дома у телевизора.

Подумал, и самому смешно стало...

ГЛАВА 5

Солнце только всходило, трава была мокрая от росы, и венчики одуванчиков еще были сомкнуты, когда Иван Алексеевич выехал из лесничества. Было свежо и прохладно, но, судя по легким, похожим на вату комочкам облаков, тихо плывущим по небу, день предстоял жаркий и грозовой.

На околице поселка Иван Алексеевич нагнал покосников с литовками и граблями на плечах. У женщин в руках узелки с едой, бутылки с квасом и молоком. Шедший позади мужчина, услышав конский топот, обернулся, и Иван Алексеевич узнал Постовалова. Тот молча кивнул головой и посторонился.

— Здорово, лесничий! Айда с нами на покос! — загалдели покосники.

— У меня своих дел невпроворот. Управитесь! А травы нынче хорошие, чуть не до пояса вымахали. Косить вам не перекосить.

Из толпы помахал ему кепкой Ковалев.

— Далеко ли в такую рань?

— На Филатову гору посадки проверить!

Он дернул повод, и мерин пошел ходкой рысью. Скоро позади остались березовая рощица, соснячок, ложок с пробирающимся по дну ручейком, лесосека, перепаханная для осенних посадок.

Вот и высоковольтная линия. С горы видно, как стальные мачты шагают по увалам, теряясь в туманной дымке у горизонта. Доехав до развилки, Иван Алексеевич свернул не вправо, а влево, в последнюю минуту вспомнив, что на Филатову гору по договоренности должен ехать Устюжанин. Егор Ефимович — человек опытный. Проверит не хуже его. «Посмотрю саженцы на Крутоярке», — решил он.

В полдень Иван Алексеевич осмотрел посадки. Часть саженцев не прижилась. «Придется осенью досаживать», — с досадой подумал он, проходя между рядками крохотных сосенок. Сделал заметку в блокноте и пошел к мерину, яростно отбивающемуся от тучи налетевших оводов.

На солнце жарко и душно. Млеют в истоме листья рябины, а лесная чаща дышит прохладой. Иван Алексеевич вытер вспотевший лоб и свернул в лес. В тени было легче. Пахло травами, созревшей земляникой. Перекликались кукушки, изредка раздавалась короткая трель зяблика.

Решив сократить путь, он перевалил гору и поехал по старой, заросшей дороге. Справа тянулось мрачное болото. Между кочек поблескивали окошки темной воды. Дурнопьяно пахло багульником. Кое-как торчали кривые, согнутые стволики ольхи и березок. Вспомнилась почему-то бажовская Синюшка — таинственная старушонка с бойкими молодыми глазами. Самое подходящее для нее место!

Большая темная туча лениво выплыла из-за леса, покрывающего соседнюю гору, затянула солнце. Сразу стало прохладно. Глухо и раскатисто прогремел в отдалении гром.

«Не повезло покосникам»,— посочувствовал Иван Алексеевич и стегнул мерина, решив до дождя добраться к за-

брошенному стану подсочников. Он только-только успел завести коня под навес, как прямо над головой небо словно взорвалось и яркая вспышка молнии ослепила его. Рванулся и испуганно заржал мерин. И в тот же момент хлынул ливень. Помчались по склону потоки мутной воды, неся в болото сорванные листья и ветки. А в болоте что-то хлюпало, чавкало, как будто сидел там чудовищный зверь и наслаждался, глотая льющуюся ему в глотку грязную пенистую воду...

Дождь кончился быстро. Снова скользнул по земле солнечный луч, глухие раскаты грома затихли где-то далеко в стороне. И только большие лужи, покрытые сбитыми листьями, и примятая трава напоминали о пронесшемся ливне...

Уже смеркалось, когда в лесничество пришел Егор Устюжанин.

— Что случилось, Егор Ефимович? — испугался Иван Алексеевич, увидев забинтованную его голову.

Тяжело ступая, Устюжанин прошел в комнату, скривившись, опустился на стул.

— Беда, Иван Алексеевич, коня загубил!

— Как?

Егор потер лоб, вздохнул.

— Шею свернул жеребчик. А конь-то какой был! Да-а! И сам чуть не убился... Выехал спозаранок, еще до рассвета, чтоб к обеду вернуться. Вперед проехал хорошо, по холодку. А на обратном пути гроза прихватила. Я такой не видывал. Страх! Жеребец испугался и понес. Рука у меня сильная, а справиться не могу. Ну, думаю, сейчас в лес свернет и о стволы измочалит. Подумать не успел, а его как подсекло — перевернулся, и меня из седла вышибло. Сколько пролежал, не знаю. Очнулся — голова гудит, лицо все в кровище. Сам мокрый до нитки. Кое-как встал, гляжу, а жеребчик сердечный и не дышит. Шею свернул, и обе передние ноги сломаны.

— Жаль животину! Экая досада! Ну, что делать? Хоро-

шо хоть сам живой остался. Составим акт о несчастном случае, в лесхозе нового коня получим.

— Несчастный, говоришь, случай? — Егор как-то странно посмотрел на Ивана Алексеевича и вытащил из кармана зеленый капроновый шнур.

— Вот он, случай-то!

Иван Алексеевич с недоумением уставился на Устюжанина.

— Какой-то варнак натянул поперек тропы! — голос Егора задрожал от злости. — Его и в добрую погоду не разглядишь, а в этакий ливень, да еще на полном скаку...

— Кому это понадобилось? Не понимаю!

— Я уже тоже всякое прикидывал. Если ребятишки сохальничали, то откуда они такой шнур раздобыли? Конь не мог порвать!.. Пойду к Чибисову, пускай хулиганов разыскивает!..

В эту ночь Иван Алексеевич долго не мог уснуть. Ходил по комнате, курил и думал. Случайность? Нет, Егор прав, здесь явно злой умысел. Против Устюжанина? Кому он мог помешать?

Иван Алексеевич с сомнением покачал головой. Подошел к окну и распахнул раму. В комнату сразу же ворвалась ночь, темная, прохладная, с шорохами и шелестом листьев. Со стороны близко подступившего леса донесся плачущий крик совы. По вершинам сосен прогудел ветер. Жалобно заскрипело дерево.

В углу завозился сеттер. Повиливая хвостом, подошел к хозяину, ткнулся мордой в его колено. Иван Алексеевич почесал Верному ухо. Сеттер блаженно потянулся и вдруг настороженно поднял голову. По его телу прошла дрожь, на загривке вздыбилась шерсть. Он рванулся к окну, принюхиваясь к несущимся из сада запахам, тихо заворчал.

— Кто там? — крикнул Иван Алексеевич, но ничего, кроме шороха листьев, не услышал. «Собака, — решил он, — бродячих псов развелось много. Вербовочные привезли и бросили».

ГЛАВА 6

Самый разгар северного уральского лета. На старых вырубках и опушках стоит пряный дух созревшей малины. Собирают ягоды люди, лакомятся ими птицы. Любит ее и лесной хозяин — медведь, только уж больно неаккуратен: не столько съест, сколько сомнет и растопчет.

Плывут по небу белые облака, взбухают, как мыльная пена, тают и вновь растут, чтоб снова превратиться в ватные клочья...

В питомнике всего четыре человека: сторож-инвалид с женой да два бывших «шефа», окончивших восьмилетку. Мальчишки осенью мечтают пойти в лесной техникум. А пока, чтоб стаж получить, — с ним как-никак легче попасть на учебу, — решили поработать в лесничестве. К тому же и заработок, хотя и небольшой, все для дома подспорье.

По всему видно — ребята работают старательно. Иван Алексеевич похвалил и удивился, чего в такую жару преют в ватниках.

— Паут донимает, сквозь рубаху как шилом прожигает! — пожаловался паренек. — Только ватник и спасает!

— Овод нынче злой! — согласился Иван Алексеевич.

Он слез с коня, завел под навес, расседлал и бросил охапку сена. Прошел в амбарчик. Там стоят лопаты, мотыги, грабли, несколько литовок, на стене висят шланги для поливки. На полках — бутылки и пакеты с ядохимикатами и удобрением. В одном углу лесной плуг, в другом — мотопомпа «лягушка». Порядок!..

Иван Алексеевич окликнул ребят:

— Передохните. Самая жара. Сбегайте на речку, искупайтесь, все легче будет!

— Мы лучше хариусов половим. На перекате здорово клюет... Вот такие! — Парнишка рубанул ладонью по локтю. — Пойдемте с нами!

— Пошли! — обрадовался Иван Алексеевич. — Не помню, когда и сидел с удочкой. Только у меня ж ничего нет,

— Все имеется! — Ребята вытащили из-под крыши три длинных черемуховых удилища. — За полчаса на уху запросто надергаем!

Они перелезли через прясло, огораживающее питомник, и направились к речке.

Каменушка — речонка, в иных местах перепрыгнуть можно, а течение быстрое. На перекатах гремит, пенится, ворочает гальки, крутится в маленьких омутах. По берегам заросли тальника и черемухи.

Хариус — рыба хитрая, не чета ершу или окуню. Только покажись на берегу — уйдет под камень или затаится в омуте и никакой приманкой не соблазнится.

Иван Алексеевич выбрал перекат между двумя омутами. Насадил на крючок кузнечика и, прячась за кусты, взмахнул длинным удилищем. Крючок с приманкой заплясал над водой. В ту же секунду из-под берега метнулась длинная тень и рука ощутила сильный рывок.

Давно уже не испытывал Иван Алексеевич такого счастья, дрожащими пальцами снимая добычу с крючка. Медленно переходя по берегу, закидывал удочку, чувствуя, как напрягается все тело, а рука ждет желанного рывка.

За полчаса он выловил трех, отливающих серебром хариусов. Ребята оказались удачливей. У каждого на кукане висело полдюжины рыб.

А потом прямо на костре в большом ведре варили уху. Наваристую, чуть пахнущую дымком, хлебали ее деревянными ложками, держа под ними большие ломти черного хлеба.

После обеда и короткого отдыха принялись за работу.

Тяжелая, неповоротливая туча медленно начала заволакивать небо.

— Поливать не будем, дождь собирается. Вот эту полоску прополем, и на сегодня хватит, — распорядился Иван Алексеевич.

Вскоре солнце скрылось за облаками, стало прохладнее, и работа пошла веселее.

Много труда было вложено в этот питомник. Долго выбирал для него место. Кругом каменистые или болотистые почвы, на них ничего не вырастишь. Нужно было, чтобы участок хорошо прогревался солнцем, не был бы расположен на косогоре, иначе сильные ливни снесут весь плодородный слой почвы вместе с сеянцами.

Егор Ефимович каждый раз, как заезжает сюда, удивляется:

— Экую работу провернули. Вот что значит помоложе-то были. Сейчас ни за что бы не одолеть!

И в самом деле. Вшестером расчистили два гектара старой гари, выкорчевали пни. И все руками, тракторов не было. Почву удобрили, перепахали. Срубили постройки: дом, сушилку, сарай, баню, все обнесли пряслом. Потрудились! Зато каждый год высаживают из питомника на вырубках три, а то и пять миллионов крохотных сосенок. Ничего, что они сейчас чуть больше спички. Придет время, и их кроны зашумят высоко-высоко над землей.

Задумавшись, Иван Алексеевич не заметил, как начался дождь. Вначале редкие капельки приятно освежали лицо, потом стали крупнее, и вот уже тугие холодные струи хлестнули по траве, слились в канавках в мутные ручейки.

Пришлось бросить работу. Пока обсушились в избе, завечерело. В ненастье сумерки наступают быстрее. Сразу наваливается полумрак и все кругом становится неуютным.

Поужинали остывшей ухой. Холодная, она показалась еще вкуснее. Покурили. Парни отправились спать на сеновал. Ивану Алексеевичу до смерти не захотелось ехать домой под проливным дождем. К тому же, как на грех, не захватил плащ — вымокнешь до нитки. Он взял у сторожа подушку, старенькое одеяло и полез вслед за ребятами на сеновал. Устроил постель, стащил сапоги и с наслаждением растянулся, накрывшись курткой.

Пахло душистым сеном. Внизу позвякивал уздечкой мерин, шумно вздыхал и тяжело перебирал копытами. По

крыше барабанил дождь, под монотонный перестук капель Иван Алексеевич уснул...

Утро настало прохладное. Сильный ветер гнал по синему небу клочки рваных облаков, шумел в ветках деревьев и бороздил лужи полосками ряби. Застоявшийся мерин шел ходко, и через полчаса Иван Алексеевич спешился у ворот лесничества.

На пороге его встретила заплаканная Никитична.

— Беда-то какая, Лексеич, обворовали тебя. Сам Чибисов следствие наводил. Иди скорее, заждался он...

Иван Алексеевич вошел в контору. Около стола, насупившись, сидел Павел Захарович.

— Твоя Никитична спозаранку прибежала, белехонькая вся. Кричит: «Караул! Начальник, лесничего нашего обокрали!» Я тут без тебя мельком осмотрел.

Они прошли в комнату, хранящую следы разгрома: разбросанные книги, на полу большой узел, ящики у письменного стола выдвинуты, раскиданы бумаги. На половицах и подоконнике размазанные пятна грязи.

— Проверь, чего не хватает, а я записывать буду.

Иван Алексеевич внимательно все осмотрел... Собрал бумаги. Развязал приготовленный узел, в котором был его фронтовой китель с орденами и медалями, хромовые сапоги, теплое белье и будильник. Заглянул в шкаф. Пожал плечами. Все на месте. Хотя нет! Исчез нож — подарок Инги. Обследовал ящики стола... Отсутствует блокнот с записями. В нем лежали деньги — десять рублей — и письмо от Татьяны Петровны.

— Видно, кто-то помешал. Утащил только нож и десятку с блокнотом, заодно письмо. Одно непонятно, почему собака шум не подняла.

— Никитична сказала, что пес спал в кухне. Мог и не почуять... — Чибисов прошелся по комнате, остановился возле Ивана Алексеевича.

— После дождя — грязища. В такую погоду на половицах отпечатки остаются лучше не надо... Ты говоришь, вора

спугнули. А он не торопясь все следы затер. Видишь, грязная простыня валяется! Узел — маскировка. Преступнику барахлишко не нужно было, он другое искал. Что? Деньги? Ну и взял бы десятку. А он прихватил еще блокнот и письмо. Кстати, письмо было не то, что ты мне показывал?

Иван Алексеевич утвердительно кивнул головой.

— Занятно! Тебе не известно, что вчера пытались проникнуть в дом Верескова? Замок уже сломали, да, видать, хозяева помешали, Инга с мужем с покоса раньше времени вернулись... Я чем больше думаю над всеми этими происшествиями, тем больше мне кажется, что все ниточки сходятся в один узелок. Вот только кто его завязал? Есть у меня кое-какие зацепочки. Думаю в ближайшее время развяжем...

ГЛАВА 7

Чибисов отсутствовал целую неделю. Побывал на отдаленных лесопунктах, не поленился съездить за двести километров на буровую. Несколько дней провел в Кедровке. Вернулся из поездки уставший до невозможности. После бани поспал часа два и отправился в отделение.

— Без меня никаких происшествий не было? — осведомился он у Козырькова.

— Никак нет, товарищ капитан. Законность и порядок никто не нарушал!

— Ишь ты! — усмехнулся Чибисов. — Так-таки никто и не нарушал? А почему в магазине водку раньше десяти часов продают?

— Как? — всполошился Козырьков. — Я же продавщице Маруське только вчера предупреждение делал. Товарищ капитан, разрешите сбегаю, стружку сниму!

— Сиди! Я уже предупредил, что в следующий раз добьюсь, чтоб сняли с работы. Ты лучше скажи, запрошенный материал поступил?

— Так точно. Пакет пришел. В сейфе лежит.

— Отлично! — Чибисов потер ладони. — Посмотрим, как наука в нашем деле разобралась.

Он достал из сейфа пакет. Сколупнул ногтем сургучные печати, осторожно вытащил бумаги.

— Ну-ка, что тут написали?

По мере чтения на лице Чибисова отразилась целая гамма чувств: разочарование, сомнение и восхищение.

— Да, логика неумолима, ничего не скажешь. Видать, люди свое дело знают, не зря хлеб едят!

— Выходит, товарищ капитан, обмишулились мы с Евсюковым? — растерянно спросил Козырьков.

— Не совсем. Рыльце у Яшки все же в пушку.

Из присланных материалов явствовало, что у задержанного уголовным розыском Якова Евсюкова при обыске изъят пистолет ТТ. Экспертиза установила, что этот пистолет был применен при ограблении инкассатора десятого июля сего года. В данном преступлении задержанный Евсюков сознался. Далее, следствием установлено, что гражданин Яков Евсюков к нападению на почтальона Верескову непричастен. Отпечатки пальцев на спичечной коробке принадлежат не ему и сходны с отпечатками, оставленными браконьером на срезе березовой коры. Кроме того, экспертизой выяснено, что пули, извлеченные из позвоночника М. Верескова, плеча И. Вересковой и головы лося, имеют аналогичные признаки и выпущены не из пистолета, изъятого у Евсюкова.

— Выходит, прав был я: один пистолет в нашем деле фигурирует, — пробормотал Чибисов. — Только у кого он хранится?

— Товарищ капитан, — тихо произнес Козырьков, — а может быть, вообще никакого пистолета нет?

— Что же, по-твоему, из кочерги стреляли?

— Скажете тоже! — обиженно поджал губы Козырьков. — Можно взять обрезок автоматного ствола, обточить его, подогнать к ружейному стволу, чтоб он вместо ружейного патрона в него входил...

— Постой, постой... — оборвал его Чибисов. — А ведь

верно, черт побери! Про вкладыш-то я и не подумал! Если под боевой патрон сверловка, так метров на полтораста его убойная сила будет. Теперь понятно, почему в голове лося пистолетная пуля оказалась. Ну, что ж, Саша, будем его разыскивать.

— Иголку в сене искать!

— Да нет, «вкладыш» легче, чем пистолет обнаружить. Ты разницу между охотничьими порохами — дымным и бездымным — знаешь?

— Бездымный сильнее. И еще он сталь окисляет. После него в стволах «раковины» образуются.

— Ну а пистолетный порох действует еще разрушительней. Вот эту его особенность мы и учтем при поиске.

— Не пойму как, товарищ капитан...

— Сейчас поймешь. «Вкладыш» обычно делают в треть ствола. Короче — нет смысла — ухудшается бой. Длиннее — увеличивается вес ружья...

— Понял, товарищ капитан! — вскочил со стула Козырьков. — Под вкладышем ствол должен быть сравнительно чистым, а дальше — сплошь раковины.

— Правильно! Вот такое ружье и будем искать. Скоро охота начнется. Договоримся с Левашовым. Он при выдаче охотничьих билетов проведет регистрацию ружей и выявит то, которое нам нужно...

Через неделю Иван Алексеевич пришел к Чибисову, выложил на стол список охотников с указанием зарегистрированных ружей, их моделей и номеров.

— Впустую, Павел Захарович. Ни одного ружья с нужными признаками не нашлось.

Чибисов взял список, внимательно просмотрел.

— Егармин почему на регистрацию не явился?

— Он давно не охотится, ружья у него нет.

— Куда делось?

— Сам мне сдал!

— Интересно! Такой заядлый браконьер и добровольно от ружья отказался. Что-то не верится!

— Долгая история, Павел Захарович! — смутился Иван Алексеевич.

— А я не спешу. Давай выкладывай. Очень интересуюсь случаями, когда нарушители на стезю добродетели вступают.

— Не хочется старое ворошить. Ну, помнишь случай, когда мне руку прострелили? Я тогда сказал, что это был нечаянный выстрел, а кто стрелял — не видел. В тот же вечер пришел ко мне Егармин. Принес ружье и сказал, что стрелял в меня он. Хотел отомстить за то, что я его выгнал из лесной охраны и дважды уличил в браконьерстве. Мужик он вон какой — Поддубного за пояс заткнет, а тут на себя был не похож, слезы лил, каялся. Побожился, что никогда больше к ружью не прикоснется. Понимаешь, Павел Захарович, не столько его стало жалко, сколько семью. Мать у него старуха, жена больная и четверо ребятишек. Что с ними станет, если его осудят? Когда дело до леса доходит — я злой, а тут меня лично коснулось. Подумал и решил: черт с ним, раз повинился, значит, еще не совсем пропал. Поговорили по душам. Пообещал ему в суд не подавать!

— Эх, Иван Алексеевич! — Чибисов сокрушенно покачал головой.— Ты же уголовное преступление скрыл!

— Так он же с повинной пришел! Учитывать надо! Три года работает честно, никаких срывов. Заявление я тебе не подавал и подавать не собираюсь, так что заводить дело на Егармина у тебя нет основания.

— Ну, что ж, будем считать, как явку с повинной. Ты мне вот что скажи: неужели ни с кем об этом случае не говорил?

— Верескову на свою голову.

— Почему?

— Он в таких случаях был непреклонным. Потребовал, чтобы я заявил о покушении. Крепко мы с ним тогда поссорились, целый месяц не разговаривали. Потом сам пришел ко мне мириться.

— А куда егарминское ружье делось?

— В сельпо сдал на комиссию. Было оно почти новое, продали за сорок рублей. Деньги я вручил Егармину.

— А кто купил?

— Не знаю!

— Саша! — крикнул Чибисов Козырькову, сидящему в соседней комнате. — Слетай быстро в сельпо, может, продавщица помнит, кому было продано три года назад ружье, выставленное на комиссию?

Через полчаса Козырьков уже стоял перед столом Чибисова и докладывал:

— Ох и память у этой Маруськи-продавщицы, товарищ капитан, прямо как у гроссмейстера! Тот все шахматные партии в голове держит, а Маруська помнит все, что продала, особенно дефицитное. Ружье это самое купил Тимофей Булыга!

— Булыга? — удивился Иван Алексеевич. — Так я это ружье у него зимой отобрал и вам сдал.

— Все возвращается на круги своя! — засмеялся Чибисов. — Посмотрим уж сами это ружьишко. Спасибо, Иван Алексеевич, за помощь.

Левашов встал. Шагнул было к двери, но раздумал и снова подсел к столу.

— У тебя еще что-нибудь?

— Знаешь, Павел Захарович, слух по поселку нехороший идет, будто бы не зря лесничий уголовника Зяблова привечает!

— С чего ты взял?

— Ковалев слышал и предупредил меня.

— Значит, оказал дружескую услугу! А ведь с его стороны это неосторожно! — В голосе Чибисова слышалась насмешка.

— Смешно? А каково мне слушать?

— Подожди, еще не то будет, если слушок по поселку разойдется. На каждый роток не набросишь платок! — сердито посулил Чибисов.

После ухода Ивана Алексеевича Чибисов вызвал Козырькова, попросил, чтобы тот достал из шкафа конфискованное ружье. Внимательно рассмотрел на свет стволы, затем протянул их лейтенанту.

— Посмотри, Саша, у тебя глаза зорче!

— Видел я, товарищ капитан. Полдня с ним провозился. Чем только не чистил: и щелочью и керосином, медной щеткой драил, а толку никакого. От патронников до дульных срезов все ржой изъедено. Непонятно, использовали в нем «вкладыш» или нет. Сильно двустволка запущена. От воронения и следа не осталось, стволы шатаются, ложе побито.

— Левашов говорил, что сдал на комиссию ружье почти новым. Неужели за три года можно так его изуродовать? Одно из двух: или Булыга — неряха, не следил за ружьем или стрелял из него очень много.

— Булыга — мужик хозяйственный, цену вещам знает. Гвоздь с дороги поднимет и приберет. Непонятно, откуда такая небрежность.

— Вызови его в отделение. Повестку вручи под расписку, чтобы потом хвостом не крутил.

Оставшись один, Чибисов достал из стола блокнот. На первой странице нарисовал три кружка. В одном написал: «Валесков», в другом — «Верескова», в третьем — «лось».

На следующей страничке опять появился кружок, а в нем надпись — «землянка». Перелистнул еще листочек, нарисовал квадрат, в нем подписал: «Устюжанин». Затем зачеркнул и исправил на «Левашов». Несколько минут сидел, уставившись взглядом в блокнот. Потом ударил по нему кулаком и задумался.

Ход его рассуждений был приблизительно таков: если предположить, что Верескова убили из мести, то вероятней всего это могли сделать Пантелей Евсюков или Постовалов. Но, с другой стороны, это сомнительно. Почему? Да лишь потому, что при попытке ограбления Вересковой преступник применил то же оружие, из которого был убит ее отец. А следствие установило, что эти люди к нападению

на почтальона отношения не имеют. А раз так, то предъявлять им обвинение в убийстве Верескова нет оснований.

Затем мысль Чибисова перекинулась к происшествию на Филатовой горе. Он сам побывал там, где погиб конь Устюжанина. Место было выбрано очень умело, тропа тут идет по самой кромке глубокого оврага, склоны которого усеяны крупными камнями. Шею сломать проще простого. Егору Ефимовичу повезло. А почему ему? Ловушка была подстроена скорее всего Левашову. О маршруте Устюжанина никто не знал, а Левашов вспомнил, что сам сказал покосникам, куда едет. Женщины ловушку устраивать не станут, они не в счет. А кто из мужчин был? Евсюков и Постовалов! Опять эти люди! Да, но там были и Устюжанины-младшие и Ковалев. Чибисов вспомнил сгоревшую землянку. Зачем в ней был настороже самострел? Пустая же она была? Левашов обыскал ее, ничего не обнаружил. Для кого была та ловушка с берданкой? Не иначе для Левашова. Кроме него, никто в тех местах не бывает, проверено точно. И затесы специально сделаны, чтобы привести его под выстрел...

Чибисов ожесточенно потер лоб. Прямо загадка какая-то! Если в землянке ничего не было, зачем ее спалили? Видимо, боялись, что какие-нибудь следы могли остаться, а кроме того, она стала не нужна, когда выяснилось, что капкан не сработал. Берданка в руках Левашова говорила об этом. Сплошал Иван Алексеевич! Надо было ему спрятать ружье, а не тащить в поселок у всех на виду. Кто еще видел его с берданкой, кроме тех, на дороге?

Вопросов, требующих ответа, много. Хотя бы кража в лесничестве! Странная кража. Не за письмом ли охотился вор? А попытка ограбления почтальона?

Чем больше раздумывал Чибисов над всем этим, тем упорнее возвращался к мысли, что мотивы преступлений — не месть и не грабеж, а стремление избавиться от свидетеля. Свидетеля чего?

Его размышления прервал приход Козырькова с Булыгой.

— Пошто меня арестовали? — первым делом задал вопрос старик, усаживаясь на предложенный Козырьковым стул.

— Не собираемся вас арестовывать, Тимофей Ильич! — успокоил Булыгу Чибисов. — Побеседовать с вами хочу.

— А коли на беседу, так шел бы ко мне домой али к себе в гости зазвал. За рюмочкой погутарили бы по душам.

— Наша беседа особенная. Кое-что записать придется.

— Протокол вести будешь? А после меня в тюрягу отправишь?

— Если правду расскажете — ничего не будет!

— Тогда давай спрашивай!

— Скажите, Тимофей Ильич, это ружье ваше?

— Дайкось взгляну. Кажись, это самое лесничий отобрал. Нет! Не мое!

— Вот сразу и лжете. Нехорошо! Ваше это ружье, в сельпо купили.

— Ну и что из того, что купил. Все одно не мое. Постовалов свои деньги дал, сказал, что мне как сторожу оружие полагается, а казенного в гортопе нема. Пущай, говорит, это ружьишко у тебя будет. А ежели мне или кому другому придет охота пострелять, так чтоб я это ружье без всякого разговора давал.

— Многие пользовались им?

Булыга махнул рукой.

— За три-то года разве упомнишь. Летом покосники забегали: «Тимоха, дай фузею, копалуху на варево раздобыть». Ну и даешь, потому не мое оно. Кабы свое было, нешто бы в чужие руки дал? Постреляют, вернут. А чистить я, что ли, за имя буду? Пришла нужда! За три-то года, почитай, ни разу его не смазали.

— Лосей тоже стреляли?

— А вот чего не знаю, того не знаю. Врать не буду. Может, и били. Трудно ли сохатого завалить? И мясо запросто тайком вывезут, сунут под сено или дрова. Так думаю, а как было — не знаю.

— А кто чаще ружьем пользовался?

— Известно — хозяин Постовалов. Еще Пантюшка Евсюков, что «Боталом» кличут. Эти больше насчет лосей и смекали, а добывали или нет, неизвестно. Как лесничий ружье отобрал, Постовалов вскоре после того уголь вывез, а мне полный расчет вышел.

— А с избой что стало?

— Лесничий перевез на кордон к Зяблову.

— Браконьерской базы больше нет. Хорошо! Еще один вопрос, Тимофей Ильич. Ковалев бывал в вашей избушке?

— В прошлом году один раз ночевал. Только ружье он не брал. У него свое доброе имеется.

— Теперь все. Прочитайте и распишитесь.

— Ежели не посадишь, так подпишу!

— Следовало бы посадить за соучастие. Может быть, суд учтет ваше признание.

У Булыги от волнения задрожали руки, мелкие бусинки пота покрыли лоб. Он испуганно заморгал и осипшим от страха голосом затараторил:

— Коли зачтется, так пиши: у Постовалова в голбце соленая сохатина в бочке лежит, а у Ботала в картофельной яме цельный ящик копченого мяса спрятан. Намедни лосиху с телком на покосе забили.

— Саша! — скомандовал Чибисов. — Быстро на обыск у Постовалова и Евсюкова! Понятых не забудь захватить.

— Ой, чтой-то мне теперича будет! — заскулил Булыга, бочком пробираясь к двери.

ГЛАВА 8

Совещание в кабинете директора леспромхоза было жарким. Вальщики, сучкорубы, шоферы и трактористы, словно сговорились, перебивая друг друга, крыли на чем свет стоит техрука за плохую организацию труда и за приписки. Попало рикошетом и самому директору Казакову.

— Вы тут сидите, плануете, а понятия нет, какую делянку сперва рубить, а какую можно и погодить.

— Ты что думаешь, наобум работаем? — огрызнулся техрук.

— А то нет? Весной в семнадцатом квартале лес валили, а дорога к деляне через болотину идет. Вывозить надо, а тут распутица, трактора вязнут. Теперь до зимы хлысты будут на лесосеке валяться. А план у нас как считается? По вывозке! Не так, что ли?

— Правильно Иван говорит. Ты так рубку рассчитай, чтоб вывозка была обеспечена летом и зимой по хорошей дороге. А то что получается?

— Вкалываем, а заработок — кот наплакал!

— Опять же нарушений сколько делаем. Дуй в хвост и в гриву, лишь бы план перевыполнить да премию урвать. А перевыполнение-то на бумаге получается. Вон лесничий сидит. Пусть скажет, сколько он штрафов наложил на леспромхоз за эту гонку, а техрук подсчитает, сколько премиальных нам снизили.

Иван Алексеевич встал и резко заговорил:

— Никак мы с вами договориться не можем, а ведь дело у нас общее — дать государству древесину. Мы лес выращиваем, вы — его рубите. Но рубить можно столько, сколько имеется прироста древесины, иначе через полвека от тайги останется одна болотистая марь. Лес не завод и не фабрика, перевыполнение плана рубок обернется в конце концов не прибылью, а непоправимой бедой. Поэтому я так строго и взыскиваю за малейшие нарушения. И впредь никаких поблажек не ждите! Очень жаль, что ваш директор товарищ Казаков смотрит на все безобразия сквозь пальцы.

Казаков вытер платком вспотевшую лысину.

— Я с себя вины не снимаю, — нехотя признался он. — Текучка заела, недоглядел. Передоверил техруку, а он, показушник, все дело завалил.

— Я вас попрошу... — выкрикнул техрук.

— Зря просишь. По твоей милости восемь тысяч рубликов леспромхоз из своей кассы штрафов выплатил... Теперь собственным карманом будешь расплачиваться.

— Давно бы так! — буркнул Иван Алексеевич.

— Не согласен! — взорвался техрук. — Я о государственном плане пекусь, сил не жалею. Согласно ваших указаний действую...

После совещания Иван Алексеевич медленно шел домой. По главной улице поселка, вздымая облака пыли, возвращалось стадо. Степенно шли коровы, суматошно блеяли овцы. У раскрытых калиток истошно звали своих буренок хозяйки. Девчонки вицами подгоняли к дому упрямых телят.

Городская детвора, откомандированная на лето к бабкам, не рискуя выйти за ворота, прилипла к заборам, завороженно глядя на табун.

Иван Алексеевич усмехнулся: «Каждый вечер — для них зоопарк. Небось думают, молоко-то в бутылках родится!»

На западе догорала заря. В прозрачном воздухе четко виднелись вершины гор и холмов. Стало прохладно — сказывались горная местность и близость реки.

Путь в лесничество был мимо усадьбы Верескова. Иван Алексеевич остановился, подумал немного и, толкнув калитку, по выложенной плитняком дорожке прошел к дому.

В кухне за столом, подперев кулаком щеку, сидел Севка. Рядом с ним Зяблов. Севка был чем-то расстроен. Непривычно было видеть этого рослого энергичного парня таким растерянным.

Зяблов, заметив Ивана Алексеевича, толкнул локтем Севку, и тот, подняв голову, обрадовался.

— Вот хорошо, что зашли... Может быть, хоть вас послушает?

— Кто послушает?

— Инга! Заладила свое, никак уломать не могу, хоть из дома беги.

— А ты уступи, если хочешь, чтоб в доме мир был! — Зяблов потрепал его по плечу. — На-кось, закури, успокойся!

Он угостил Севку махорочной сигаретой, от которой у

того запершило в горле и подступила тошнота. Севка с остервенением выплюнул окурок, чертыхнулся:

— Утешитель! Отравиться твоими сигаретами можно!

Зяблов захохотал:

— Во! Это уже лучше. Раз злость пришла, тоске делать неча. Все, паря, образуется, бабы любят, когда им уступки делают, и ты не противься.

— Вы хоть толком скажите, в чем дело? — не выдержал Иван Алексеевич.

— Известно чо! Мужик с бабой не поладили. Он в одну сторону тянет, она в другую. Но ежели с умом все решить, то выйдет оно к общему удовольствию.

— Подожди ты, Василий Иванович, — с досадой перебил Зяблова Севка, — тут дело такое. Семья у нас, пусть маленькая, а все же семья, и за домом глаз нужен. А что получается? Уезжаю я на катере километров за триста. Не на прогулочку, работы у гидрологов под самую завязку. Неделями на реке вкалываем. Я в отъезде, и она дня три почту по лесопунктам развозит. Ну, дом без присмотра — ладно! Да ведь за нее страшно! Всякий народ в тайге шляется. Не хочу я, чтоб она почтальоном работала.

— По нашим местам работа не женская! — согласился Иван Алексеевич.

— А я о чем говорю! — обрадовался поддержке Севка.

В сенях что-то загремело. Распахнулась дверь, и появилась Инга. Поставила на скамейку сумку с продуктами. Обрадованно улыбнулась Ивану Алексеевичу.

— Наконец-то собрались к нам, дядя Ваня! Севка, ставь самовар, а я стол накрою.

— Не хлопочи. Я на минуту. Ты лучше садись, и уж если меня дядей зовешь, буду с тебя как с племянницы спрашивать! Ты посмотри, до чего мужа довела? На кого он похож? Пилишь, наверно, с утра до ночи?

— Что вы, что вы! — Инга даже ладошками замахала. — Мы с ним совсем не ссоримся. Об одном только договориться не можем. Он, ну прямо, как отец, не хочет, чтоб

почту по тайге развозила. А мне работа нравится. Лес дремучий, тишина. Едешь и думаешь: где еще такую красу встретишь? И еще знаешь — ждут тебя люди, а в сумке для них разные вести...

Иван Алексеевич слушал и улыбался. Славный человек Инга! Вся в отца. Тот тоже шел по раз избранной дороге, никуда не сворачивал. Да и Севка неплохой парень. Оба молодые, нетерпеливые, еще жизни не знают. Слушал и ломал голову, чем помочь, как вдруг его осенило — и как эта мысль раньше у него не возникла!

— Без тайги жить не можешь? К лесу привязана? Мне как раз такой человек нужен, питомником заведовать. Работа хлопотливая, не скрою, но интересная. От поселка рукой подать. Не захочешь пешком ходить — коня выделю, верхом ездить умеешь. Вначале с работой будет трудно, помогу. Пожелаешь — поступай в институт на заочное отделение. Первый курс кончишь — помощником лесничего назначу, а там, глядишь, и меня сменишь, годы-то мои уже немалые.

Инга растерялась. Она и мечтать о таком не могла. На почту пошла, чтоб по лесу ездить. А тут самой его выращивать!

— Решай! — Иван Алексеевич улыбнулся. — Может, я сужу однобоко, но лично считаю, что на земле нет благородней работы!

— Ну, конечно, согласна! Севка, ты слышишь? Дядя Ваня, да мне и не снилось такое! А справлюсь? Тайгу-то я знаю и читала о ней много, но тут же все по науке надо. Наверно, не просто лесоводом стать?

— Нелегко! Но если это дело целью жизни сделаешь — будет из тебя настоящий лесовод. Да не волнуйся! Учиться будешь, характера у тебя хватит. А я для начала книги дам, что не поймешь — растолкую!

— Ох, дядя Ваня! Уж я постараюсь!.. Все! С завтрашнего дня за книги сажусь. Севка, доволен? — она лисонькой подкатилась к мужу. — Будешь ты теперь в нашей семье базис, а я ученая надстройка!

Иван Алексеевич встал.

— В общем, решили. Расставайся с почтой и с той недели переходи в лесничество... И еще сразу договоримся. Дядей Ваней зови только дома. На работе я для тебя Иван Алексеевич. Ясно? Если какую ошибку допустишь по незнанию — поправлю, а если по халатности, то уж не взыщи, взгрею вдвойне и как с работника и как с «племянницы». Учти! Ну, мне пора. Чаи гонять в другой раз зайду.

ГЛАВА 9

Чибисов решил дать урок всем нарушителям правил охоты. Поручив помощнику провести следствие о браконьерстве Евсюкова и Постовалова, он распорядился конфисковать все незарегистрированные ружья. А их оказалось восемнадцать, спрятанных на чердаках, сеновалах, в темных чуланах. Кряхтя и поругиваясь, сдавали хозяева ружья всевозможных систем и калибров. Были среди них новенькие и такие, из которых стрелять без риска было уже нельзя.

Каждое из них Чибисов с Козырьковым придирчиво осмотрели в отделении, но нужного ружья так и не обнаружили.

— Знаешь, Саша, в чем наша ошибка? — с огорчением спросил Чибисов.

— Никак нет, товарищ капитан!

— В том, что танцевали от чего? Что «вкладыш» с пистолетными патронами применялся часто. А если из него сделано всего несколько выстрелов? Появятся в стволах раковины? Нет! Стало быть, нужно искать не ружье, а сам «вкладыш» и патроны к нему.

— Трудно!

— Знаю, нелегко. Человек после выстрела достанет этот «вкладыш», завернет в масляную тряпку и сунет под любую корягу. Попробуй найди! Так что давай этот клубок разматывать иначе.

Чибисов открыл сейф и достал из него блокнот.

— Узнал что-нибудь насчет берданки?

— С этой фузеей, товарищ капитан, сплошной мрак и неизвестность. Все опрошенные в голос твердят, что сроду такое барахло не видели. Наверное, валялась берданка в каком-нибудь закутке, пока ее к рукам не прибрали... А вот с квитанцией кое-что выяснилось.

Козырьков неторопливо, словно испытывая терпение Чибисова, достал из кармана записную книжку, извлек из нее клочок квитанции и положил на стол.

— Не тяни, выкладывай! — взорвался Чибисов.

Козырьков ухмыльнулся, но, увидев, как нахмурился начальник, заторопился:

— Помотался я с этой бумаженцией, дай бог, пока бухгалтерша леспромхозовская не надоумила. Квитанция эта в приеме денег. Кто-то внес плату в кассу. За что, куда и главное кто? Уравнение с тремя неизвестными! Перебрали мы с ней кассовые документы за два года. Все не в масть. Порылся в гортопе — то же самое. Сунулся в быткомбинат — и тут засветило. Нашел копию квитанции. Изъял ее под расписку... Деньги за пошив брюк получены с учителя Ковалева. — Он протянул Чибисову бумажку. — Только при чем тут работник просвещения?

Чибисов раскрыл блокнот и, стараясь подавить волнение, стал объяснять Козырькову набросанные на листочках схемки в виде кружков и квадратов. Когда он кончил и вопросительно взглянул на лейтенанта, тот ошарашенно покрутил головой.

— Вот в этом и надо разобраться, Саша. А то, что учитель, еще ничего не значит. Знал я одного кандидата наук. Крупным валютчиком оказался, и все документы у него были липовыми. Так что проверить Ковалева не мешает. Только осторожно, чтобы зря тень на человека не набросить. В школе сейчас каникулы, с директором без всяких помех можно побеседовать. Ты что за фуражку хватаешься? Я сам пойду!

Школа встретила Чибисова непривычной тишиной. В пустых коридорах раздавались шаги. Павел Захарович вспомнил, как зимой гудело здание от ребячьих голосов, и сейчас от этой тишины школа показалась ему холодной и неуютной.

Каждый раз, попадая в школу во время перемены, он с опаской шел по коридору, стараясь держаться стенки. Энергия, скопившаяся за сорок пять минут урока, выплескивалась со звонком через край. С воплями и визгом носились ребята по коридорам, сметая все на своем пути. Чибисов, у которого от этого шума кружилась голова, дивился, как умудряются эти чертенята через какую-то пару минут обратиться в чинно восседающих за партами школяров.

Чибисов шел по коридору, поглядывая на таблицы и фотографии на стенах. Остановился перед кабинетом директора. За дверью громко разговаривали. Хотя слов нельзя было разобрать, Чибисов понял, что разговор идет неприятный. Голоса у собеседников были сердитыми. Один, пониже тоном, что-то доказывал, другой не соглашался.

— Весь день проспорят! — подумал Чибисов и громко постучал.

В ответ рявкнули:

— Войдите!

Чибисов шагнул в кабинет. Навстречу ему поднялся из-за стола высокий грузный директор. Лицо у него было красное, рассерженное.

— Опять что-нибудь ребята нашкодили? — ответив на приветствие Чибисова, буркнул он.

Чибисов утвердительно кивнул головой.

— Борис Николаевич! — обратился директор к стоящему возле окна Ковалеву.— Давай этот вопрос завтра обсудим. Ты еще подумай. Без ножа режешь. Пожалуйста, подумай! А теперь ты, Павел Захарович, добивай меня своими претензиями. Что ребята натворили?

Уголком глаза Чибисов заметил, как задержался возле двери Ковалев, перебирая папки в канцелярском шкафу.

— Хулиганят! В подсобном хозяйстве стекла в парниках побили, дирекция иск на триста рублей предъявила.

— Судить будут?

— Не хочется до суда доводить. Пришел к вам посоветоваться. За причиненный ущерб придется родителям раскошелиться. А с ребятами нужно крепко поговорить. Школьный коллектив и комсомол пусть действуют!

Ковалев вышел, осторожно прикрыв дверь.

— Плохо у вас воспитательная работа поставлена, — продолжал Чибисов, — разболтались ребята.

— Правильно, — вздохнув, согласился директор, — текучесть большая, не держатся учителя. Вот, к примеру, Ковалев. Два года поработал и заявление об увольнении подал. Да еще перед началом учебного года! Где я ему замену найду? Черт меня дернул его принять. Летун! Весь Союз исколесил, думал, хоть здесь задержится.

— Земля огромная, а человек живет один раз. Иному хочется как можно больше увидеть. Что же в этом странного?

— Тогда выбирай себе другую профессию, а не педагога. Это ведь даже не профессия, а призвание. Всю жизнь посвящать этому надо, себя не жалеть. Вот что такое — педагог!.. Ты что улыбаешься?

— Хорошо, когда люди влюблены в свое дело. А Левашов вот утверждает, что нет на земле благороднее труда лесовода.

— Сравнил тоже! Хотя... гм... если рассудить, он тоже прав.

— Естественно... Но речь не о нем, а о Ковалеве. Можно взглянуть на его трудовую книжку?

— Надеюсь, это не профессиональный интерес?

— Что ты! Просто хочу узнать, где человек успел побывать?

Директор вытащил ключи, подошел к массивному шкафу, обитому железом, и достал из него личное дело и трудовую книжку Ковалева.

Личное дело Чибисов просмотрел быстро. В анкету, где ответы пишут коротко: да или нет, даже не взглянул. Задержал взгляд на фотографии. Обычное лицо, из тех, что не запоминаются. Никакой особой приметы. Высокий лоб от начинающейся лысины. Разве это примета? Не один мужчина к зрелым годам обзаводится лысосветом. А в молодости, видать, видным был парнем. Чибисов вспомнил высокую, худощавую фигуру Ковалева. Широкие плечи, сильные руки.

Перелистывая трудовую книжку, Чибисов даже присвистнул. Покатался же по белу свету учитель-биолог. В сорок пятом демобилизовался из армии. Учился в Омском педагогическом институте. После окончания уехал в Среднюю Азию. Потом махнул в Красноярск. Долго не задержался, пересек весь Союз и бросил якорь в Вологде. Не пожилось и тут. Перебрался в Архангельскую область. Потом полтора года работал в Сарапуле, а из него попал сюда, в Нагорное.

— Мотается как неприкаянный. Сейчас куда надумал ехать?

Директор пожал плечами:

— Спрашивал, а он смеется, дескать, сяду в поезд, там и решу!

Чибисов еще раз перелистал книжку, обратил внимание на дату поступления в Нагорскую школу. Вздохнул и вернул документ директору.

— Передай ему, чтобы завтра шел ко мне. Насчет ребят посоветуюсь, мне сказали, он у них классный руководитель.

На другой день Ковалев явился в отделение. Постучал, просунул голову в приоткрытую дверь, улыбнулся.

— Вызывали, товарищ Чибисов?

— А! Борис Николаевич! Прошу, проходите. Присаживайтесь. Сейчас освобожусь, и мы с вами займемся.

Ковалев присел к столу, захрустел пальцами. Время шло, а Чибисов перебирал одну папку за другой, листал подши-

тые бумажки и, казалось, совсем забыл о посетителе. Прием старый, но, как считал Чибисов, верный.

— Долго вы меня держать намерены? — не выдержал Ковалев.

Чибисов удивленно посмотрел на него:

— Прошу прощения. Закрутился с делами!

Он отодвинул в сторону папки. Сцепив пальцы, оперся локтями о стол и посмотрел на Ковалева. Как ни странно, его взгляд привел учителя в смятение. Глаза у него забегали по комнате. Склонив голову, он осторожно провел пальцами по верхней губе, стирая капельки пота.

И этот жест и растерянность Чибисов заметил, но не подал вида и доверительно произнес:

— Я, Борис Николаевич, пригласил вас, чтобы посоветоваться. Балуются ребята, нехорошо балуются. Мы, конечно, можем такие выходки пресечь, но гораздо лучше, если в это дело вмешается школьная общественность, и в частности вы как классный руководитель.

Ковалев перевел дыхание и уже спокойней посмотрел на Чибисова, от которого эта перемена тоже не ускользнула.

— Не понимаю, при чем тут я. Сейчас каникулы, за ребят должны отвечать родители. За порядком же в поселке следить ваша обязанность, а не школы.

— О своих обязанностях мы знаем. А на каникулы вы зря ссылаетесь. Кто займется досугом ребят, если не школа?

Ковалев иронически пожал плечами:

— К сожалению, ничем помочь не могу. Уезжаю, вчера подал заявление и согласно закону через две недели меня обязаны отпустить.

— Две недели! За это время можно горы свернуть. Вы уж, будьте добры, не откажитесь помочь нам. Набросаем примерный планчик, что нужно сделать. Все окажут содействие — и леспромхоз, и гортоп, и, конечно, родители.

Чибисов вытер платком лоб.

— Ну и жара! Освежиться не желаете? — Он достал из стола бутылку боржоми и два стакана. — Редко эту водицу завозят. Жена вчера увидела в сельпо, целый ящик купила. Пейте, не стесняйтесь.

Они просидели более часа. Выпили пару бутылок минеральной воды и наметили план работы с детьми.

Когда все выяснили и посетитель ушел, Чибисов осторожно обернул бумагой стакан, из которого пил Ковалев, и аккуратно упаковал в коробку.

— Саша! — вызвал он Козырькова. — Через час будет почтовый самолет. Собирайся, полетишь на нем. Вот эту коробку и письмо сдашь в управление. Обратно вылетишь, как только получишь на руки результат. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан! Разрешите по пути домой забежать, а то мать беспокоиться будет!

ГЛАВА 10

Заседание бюро райкома затянулось, хотя на повестке дня был всего один вопрос: о выполнении полугодового плана лесозаготовок. Директор леспромхоза Казаков доложил собравшимся о причинах плохой работы.

— Из всего сказанного, — заявил он в заключение, — становится ясно, что одним из главных виновников срыва государственного плана является лесничий товарищ Левашов. Он своей властью наложил трехнедельный запрет на рубку. А за это время можно было взять более трех тысяч кубометров древесины. Самоуправство Левашова дорого обошлось государству, и я со всей остротой обращаю ваше внимание на этот факт.

Иван Алексеевич не верил своим ушам. Неделю назад на собрании в леспромхозе Казаков признал свои промахи, правда, свалил всю вину на техрука. Почему же здесь заговорил по-другому? Отчего прямо не сказал, что запрещение вести рубку было дано им, лесничим, в момент, когда из-за плохо очищенных лесосек почти ежедневно вспыхи-

вали пожары? Должен же он понимать, что в такой обстановке это была необходимая мера?

Он попросил слова, чтобы еще раз объяснить причину своего решения.

—Подожди, товарищ Левашов! — остановил его секретарь райкома Липатов. — Выскажешься потом. У тебя все? — обратился он к Казакову.

Директор леспромхоза обвел взглядом присутствующих и заговорил:

— Мы можем исправить положение и не только выполнить план, но и дать стране значительно больше древесины. Я даже беру на себя смелость обещать досрочно выполнить годовой план заготовок к ноябрю!

— Каким образом? — удивился Липатов.

— Отвести в рубку кедровник на Диком увале. Его площадь двести гектар. Как раз столько, сколько мы потеряли в результате весенних пожаров.

— Да вы что? Это же дикость! — не выдержал Иван Алексеевич. — Ценность кедровника нельзя измерять ни площадью, ни кубометрами...

— Спокойнее, товарищ Левашов, спокойнее, — поднял руку Липатов, — тебе будет дано слово. Пока пусть выскажутся товарищи.

— Разрешите мне! — поднялся председатель райисполкома.

Высокий, плотный, он возвышался среди присутствующих как монумент, строгий и неприступный. Вытер платком лоб, обвел сидящих сердитым взглядом и заговорил гулким басом:

— Это что же получается, товарищи?.. — Слова его ложились как каменные глыбы, и уже через несколько минут Иван Алексеевич понял, что ему уготована хорошая баня.

Председатель говорил о местном бюджете. О средствах, отчисляемых лесной промышленностью. Что нарушение финансового плана неизбежно создаст трудности в работе

больниц, школ, детских садов. Картина, нарисованная им, получилась настолько мрачной, что присутствующие начали бросать на Ивана Алексеевича негодующие взгляды.

Выступили еще несколько человек. Все они поддержали просьбу Казакова о рубке кедровника.

В перерыве к Ивану Алексеевичу подошел директор лесхоза Астахов. Взял под руку и увлек в уголок.

— Все партизанишь, Левашов! Скучное выходит дело. Прежде чем санкции на леспромхоз накладывать, нужно было согласовать с нами.

— Ты же знаешь, Артемий Павлович, какая весной была обстановка? Пока бы я с вами эти вопросы согласовывал — пол-лесничества бы выгорело. Срочно нужно было принимать крайние меры.

— Все верно. Но сейчас леспромхоз может сыграть на этом и получить разрешение рубить кедровник.

— Но ведь решено организовать орехо-промысловое хозяйство.

— С первого января! Вот Казаков и торопится, пока решение не вступило в силу.

— Но если кедры вырубят, о каком хозяйстве может идти речь. Драться надо, Артемий Павлович!

— Бесполезно! Еще не было случая, чтобы в таких стычках выигрывал лесхоз.

— Все равно отступать нельзя!

— Вот ты и дерись, раз заварил кашу. А я вмешиваться не буду. Мне, голубчик, год остался до пенсии. Сорок лет протрубил в лесу. Хочу по-хорошему уйти на отдых!

Сказал это Астахов тихо, равнодушно. Иван Алексеевич отступил на шаг, окинул директора внимательным взглядом, увидел его тусклые глаза, безвольно опущенные плечи. Отогнал мелькнувшую на миг жалость к этому прежде времени состарившемуся человеку и резко произнес:

— Зря потрачено сорок лет жизни. Надо было заняться чем-то другим!

Лицо Астахова, изрезанное морщинами, дрогнуло. Он молча отвернулся и, сутулясь еще больше, пошел в комнату заседаний. За ним, кляня себя за бестактность, отправился Иван Алексеевич.

После перерыва желающих выступать не было, и Липатов дал ему слово.

Волнуясь, Иван Алексеевич достал из полевой сумки бумаги, нервно перелистал их. Поднял голову, увидел устремленные на него взгляды — сердитые, иронические, сочувствующие. Заметил, как, сцепив пальцы рук, замер Астахов, как насмешливо улыбнулся соседу Казаков. Эта улыбка озлила его, и он ринулся в атаку.

— Прежде всего, — звонким, напряженным голосом начал Иван Алексеевич, — давайте уточним некоторые цифры, приведенные докладчиком. Откуда он взял двести гектаров? Верховой пожар уничтожил всего тридцать. Гортоп на горельнике ведет заготовку дров. Остальные сто семьдесят были пройдены низовым беглым пожаром, уничтожившим подрост и подлесок. Строевой лес остался неповрежденным и годен как для нужд нашей промышленности, так и для экспорта. Почему же леспромхоз не желает его вырубать? Да по очень простой причине: огонь повредил лежневую дорогу, по которой шла вывозка древесины. Восстанавливать ее Казаков считает невыгодным, а главное, хлопотным делом, поэтому и требует выделить новую сырьевую базу, Но к ней тоже нужно прокладывать дорогу. Не проще ли отремонтировать старую? Это обязанность леспромхоза, тем более что виновниками пожаров явились сами заготовители!

Иван Алексеевич рассказал о многочисленных нарушениях, допущенных леспромхозом, о недорубах, захламлении лесосек, о сжигаемом вместе с сучьями подтоварнике, уничтожаемом тракторами подросте, самовольной рубке кедров.

Все растеряннее становилось лицо Казакова, а Иван Алексеевич предъявлял новые и новые доказательства. С горечью напомнил о сотнях кубометров так называемой

«аварийной древесины», валяющейся вдоль лесовозных дорог.

— А что это за «аварийная древесина»? — поинтересовался Липатов.

Иван Алексеевич объяснил, что это древесные хлысты, сброшенные с потерпевших аварию лесовозов. Вторичная погрузка сваленных бревен трудна, и, чтобы избавиться от нее, был придуман этот термин.

— Ясно! — процедил Липатов. Лицо у него сделалось хмурым, а большие натруженные руки тяжело легли на стол.

— Аварийная древесина? — повторил он. — Ловко придумано. Виноватых нет, и бесхозяйственность оправдана!

— Вполне понятно стремление леспромхоза получить ордер на рубку кедровника, — продолжал Иван Алексеевич. — При равной площади запас древесины в нем почти в три раза больше, чем в сосняке. Вот за этот счет и собирается товарищ Казаков досрочно выполнить план заготовок.

Астахов, знавший Левашова как великого молчальника, предпочитающего делать, а не говорить, сидел и удивлялся. Ведь каждое слово, сказанное в защиту леса, звучало так, как будто речь шла не просто о деревьях, а о существах, живущих рядом с человеком, без которых не только сам человек, но и ничто живое на планете не могло бы возникнуть.

Скрипнул стул, кто-то осторожно кашлянул. Иван Алексеевич смутился.

— Простите, я, кажется, отвлекся. Разрешите вернуться к судьбе кедровника на Диком увале.

И уже спокойно и деловито, подкрепляя слова цифрами, он продолжал:

— Потребность в кедровой древесине, идущей на специальные нужды, невелика. Рубить же это дерево, как настаивает товарищ Казаков, чтобы получить из него тес, бревна, балансы и другие материалы, то есть приравнивать

его к сосне или лиственнице, не только экономически невыгодно, но и преступно. Почему? Я поясню дальше. А пока задумайтесь над таким вопросом...

Он полистал записную книжку.

— Вот. Пятьдесят тысяч рублей даст вырубка кедровника. Я подсчитал из расчета полного использования древесины. Фактически при обработке двадцать-тридцать процентов уйдут в отходы. Итак, пятьдесят тысяч! Вроде немало. Однако выгода эта сиюминутная. Вырубив кедровник, почти в течение ста лет с этой площади мы ничего не получим. Уже баланс не в нашу пользу. Теперь представьте себе такую картину: самое большое через десять лет здесь нечего будет рубить. Леспромхоз перенесет свою базу дальше на север или в Сибирь. Чем будут заниматься люди, жизнь которых связана с лесом? Еще их деды и прадеды осели на этих землях. Каждый житель пустил крепкие корни. Что ж, бросать насиженные места и превратиться в сезонных лесорубов, кочевать вслед за леспромхозом?

— Выходит, вообще не нужно рубить лес? — иронически усмехнулся Казаков.

— Я этого не говорил. Главный принцип лесоводства — постоянство пользования лесом, непрерывность его эксплуатации. Отступление от этого приводит к возникновению кочующих леспромхозов.

Принцип постоянного пользования лесом с особенным успехом можно применить в кедровниках. Сохранив их и организовав промысловые хозяйства, мы не только обеспечим сырьем пищевую промышленность, химию и медицину, но и дадим высокоценную специальную древесину, только не за счет сплошных рубок, а в результате ухода за лесом.

— Это по идее, а на практике так не получится! — скептически бросил Казаков.

— Нет, получится! Да еще как! Вы учтите, что помимо всего того, о чем я упомянул, в кедровнике можно заготовить десятки тонн грибов и ягод. А пушнина? Только за прошлый год охотники поселка Нагорное сдали государству

на десять тысяч рублей шкурок белок, соболя и куницы. Короче говоря, те пятьдесят тысяч рублей придут и без вырубки. У местного же населения на многие десятилетия сохранятся источники существования.

— Разве нельзя найти других источников? — задал кто-то вопрос.

— Конечно, можно. Но зачем уничтожать уже существующие? Кроме того, нельзя забывать еще об одной, очень важной задаче, которую выполняют наши кедрачи, — они защищают почву и сохраняют воду!

Учитывая огромную ценность кедровников, решено с первого января нового года организовать у нас орехо-промысловое хозяйство. Никто не будет в убытке, а местный бюджет от этого только выиграет! — закончил Иван Алексеевич.

— А почему у нас нет этого решения?

— Оно принято совсем недавно. Возможно, уже в пути.

— Но пока-то его нет! — заявил председатель исполкома. — И говорить о нем сейчас, не имея на руках официальных документов, не стоит. План, товарищи, является законом, который мы обязаны выполнять. То, о чем говорил Левашов, правильно, и мы прекрасно понимаем значение такого хозяйства. Но мы не имеем права забывать и о проблемах сегодняшнего дня. И если для решения их потребуется рубить кедровник...

— Не дам! — упрямо сказал Иван Алексеевич.

— Что значит не дашь? — удивился Липатов. — Разве лес — твое частное владение?

— А вот так, не дам и все. Я тоже законы знаю. Они, между прочим, не вами подписаны, а повыше.

— А планы заготовок, по-твоему, я утверждаю?

— Беда в том, что на местах эти планы всячески перекраиваются. И что еще хуже — руководители, вроде вот товарища Казакова, из чисто меркантильных соображений стараются выполнить их любыми средствами, нарушая все правила и законы лесопользования. И это сходит с рук.

Они сами говорят, что победителей не судят. А судить надо, и строго!

— Ну, брат, ты и загнул! — усмехнулся Липатов. — Чего доброго, и меня в меркантилизме обвинишь!

— Нет, Михаил Игнатьевич, тебе я другое предъявлю обвинение! — тихо, почти шепотом, произнес Иван Алексеевич.

— Ну, ну, давай предъявляй! — с неподдельным интересом сказал Липатов и впился взглядом в лесничего.

— Потерял ты дальний прицел! Сегодняшним днем живешь! Можешь сердиться, громы и молнии метать, мне все равно. Только сказал я тебе это как коммунист коммунисту.

Липатов задумчиво взглянул на Ивана Алексеевича. А тот, в свою очередь, уставившись в лицо секретаря, соображал, что судьба кедровника должна решиться сейчас в зависимости от того, что возобладает в Липатове: задетое самолюбие или признание правоты его, Левашова, доводов.

Молчание нарушил Липатов. Испытующе глядя на упрямого лесничего, он покашлял в кулак и заговорил:

— Выслушал я тебя, Левашов, внимательно и тоже как коммунист коммунисту заявляю: во многом ты прав, но и ошибаешься здорово. А главная твоя ошибка в том, что ради будущего зачеркиваешь ты настоящее. Я тебя понимаю, это у тебя въелось в кровь. Труд твой нацелен на далекое завтра. Но люди, работая во имя будущего, хотят уже сегодня иметь отдачу от своего труда, жить по-человечески. Этого мы забывать не должны, просто не имеем права, и наша задача — обеспечить им это. Согласен?

— Вполне! — кивнул головой Иван Алексеевич. — Мне только не ясно, почему ты, Михаил Игнатьевич, считаешь, что для меня сегодняшний день не существует? Наоборот, организация орехо-промыслового хозяйства, не говоря о будущем, уже сегодня даст возможность повысить материальную обеспеченность людей, поднять культуру и быт.

— Ну, хорошо. Защищаться ты умеешь, — Липатов обвел взглядом присутствующих и предложил: — Давайте

вопрос о кедровнике отложим, пока придет решение. Соберемся еще раз, хорошенько обдумаем. Мне кажется, дело это действительно очень перспективное!

— Как же я с планом справлюсь? — растерянно спросил Казаков.

— Обязан выполнить. Резервы и возможности для этого, оказывается, у тебя есть... Желает кто-нибудь взять слово, или приступим к голосованию?..

На улице Ивана Алексеевича догнал Астахов.

— Ты куда сейчас? — поинтересовался он.

— На вокзал. Может быть, успею на поезд!

Они молча прошли несколько кварталов. Наконец Астахов, кинув искоса взгляд на шагавшего рядом спутника, произнес:

— Сердишься на меня?

Иван Алексеевич пожал плечами.

— За что? Это я должен просить у тебя извинения за грубость!

— Ерунда! Можешь изругать меня последними словами, приму как должное. Я, старый мешок, не рискнул драться, а ты отстоял свою правду!

— Почему свою? Правда эта наша, общая!

Дойдя до маленького пыльного сквера, они остановились. Мимо шли люди, оглядывались на них, с любопытством рассматривали золотые шевроны на рукавах, зеленые петлицы с блестящими дубовыми веточками.

Какой-то мальчуган, шмыгнув носом, спросил:

— Дяденьки, вы генералы? Да?

— Нет, дружок! — рассмеялся Иван Алексеевич. — Мы солдаты, лесные солдаты!

Астахов положил руку на плечо Ивана Алексеевича, спросил:

— Может быть зайдешь к нам?

— В другой раз. Извини.

Они попрощались. Астахов, привалившись к фонарному столбу, долго провожал его взглядом...

ГЛАВА 11

После трехчасовой езды в душном и тряском вагоне Иван Алексеевич с радостью ступил на дощатый перрон. Станция была небольшая, кроме него, из соседнего вагона сошли всего два человека. Приглядевшись, он узнал в одном Козырькова, в другом — приезжавшего в начале зимы Самохина.

Тихо переговариваясь, приезжие завернули за угол вокзала, и почти сразу же оттуда раздалось урчание автомашины. Иван Алексеевич кинулся за ними в надежде добраться до дома с попутчиками, но не успел. «Газик», подпрыгивая на ухабах, уже плыл далеко.

Ругнувшись, он вернулся на перрон. Пока закуривал, поезду дали отправление. Когда вереница вагонов скрылась за поворотом, Иван Алексеевич зашел в буфет. До смерти хотелось пить, но, кроме пива, ничего не было.

Иван Алексеевич поднес кружку к губам, сдул пену и сделал глоток. Пиво оказалось теплым и кислым. Он сморщился, отставил кружку и, положив на стойку деньги, вышел.

Рядом с вокзалом в березовой рощице прятались желтые станционные постройки. Солнце катилось к закату, и от берез на землю ложились длинные тени.

Иван Алексеевич постоял, подумал. Надежды на попутный транспорт не было. Прикинул, сколько потребуется времени, чтобы добраться пешком до Нагорного. Пятнадцать километров! «Дойду за три часа!» — решил он и тронулся в путь.

Шагать по пыльному, избитому проселку не хотелось, и он свернул на тропинку, идущую параллельно дороге. Дневной жар начал спадать. В лесной тени веяло прохладой, запахом отцветающих трав, смолкой, грибами. Пружинила под ногами осыпавшаяся хвоя. Кое-где тропинку затянули бархатистые подушечки мха. Немногие топтали ее, предпочитая добираться до поселка на лошадях или машинах.

Иван Алексеевич шагал, зорко посматривая по сторонам. Его походка, на первый взгляд неторопливая, выдавала в нем человека, привыкшего к таежным походам. Он шел не останавливаясь, лишь однажды придержал шаг, когда с тропы из зарослей папоротника с квохтаньем взвилась копалуха. Следом за ней с шумом и треском разлетелся в разные стороны выводок. В лучах заходящего солнца спины у взметнувшихся глухарей отливали серебристым пеплом, а мощные головы с белыми клювами сверкали старинной бронзой.

Взволнованный этим переполохом шагал Иван Алексеевич и вспоминал, как несколько лет тому назад вместе с лесниками и местными охотниками проводил учет глухариных токов. Отметил их на карте лесничества и при отводе лесосек оставлял в неприкосновенности островки леса, где веснами бородатые глухари заводили свои древние, как мир, песни. Сейчас исчезавшая было птица совсем не редка в лесничестве.

Время шло, все ниже склонялось солнце. Стало прохладно. Надвигающаяся тьма начала покрывать землю, растворила очертания стволов, а потом окутала и кроны деревьев. Тоскливо закричали сычи, в распадке хохотнул филин, то и дело с костяным треском проносились козодои.

Прислушиваясь к ночным голосам, почти в полной темноте Иван Алексеевич дошел до лесничества. Перед тем как войти в дом, присел у калитки на скамеечку. С наслаждением вытянул ноги и только тут почувствовал навалившуюся усталость. Вспомнил, как раньше, работая в лесоустройстве, легко проходил в день по сорок километров. Покачал головой: «Неужели старею?»

Встав со скамьи, подошел к калитке.

В это время слух уловил приближающийся топот конских копыт.

«Ротозей, — буркнул он, заслышав звяканье подков, — конь расковался, а он гонит сломя голову. Кто бы это?»

Вынырнув из темноты, всадник резко осадил лошадь

возле калитки. Свесившись с седла, попытался рассмотреть в темноте стоящего человека.

— Иван Алексеевич? — неуверенно спросил он.

Это был Зяблов. Он соскочил с седла, подошел поближе.

— Случилось что-нибудь?

— Сперва, Иван Алексеевич, коня обихожу. Потом уж все как есть обскажу.

Вскоре они сидели в комнате Ивана Алексеевича. На столе весело кипел и фыркал самовар.

— Так что же случилось? — снова задал вопрос Иван Алексеевич, когда Зяблов, напившись, перевернул стакан и положил на донышко огрызок сахара.

Вытерев губы, лесник неторопливо свернул цигарку.

— Оно, конечно, спешить особой нужды не было. Но уж шибко хотелось мне ясность на это дело навести. Ты, поди-ка, знаешь ложок, что от Гиблой елани к Лосиному болоту тянется? Там еще на угоре старая листвянка стоит, грозой ее побило. Глаз у меня, сам знаешь... Вчера утром по росе след углядел. Прямо к той листвяне. Не иначе, думаю, браконьер лосей ищет. Но пошто к листвяне след? Оглядел я ее, а она еле держится. Нутро-то все гнилое и дятлами издолблено. Пошукал я в дуплах и вот какую штуковину нашел.

Он вытащил из кармана металлическую трубку, положил на стол. Иван Алексеевич взял находку в руки и воскликнул:

— Так это же «вкладыш»! Чибисов с ног сбился, разыскивает его!

— Не знаю, как прозывается, только, сдается мне, штуковина эта не простая.

Зяблов снова сунул руку в карман. Вытащил мешочек из сыромятной кожи. Развязал его и высыпал на стол десятка три пистолетных патронов.

— Там же, вместе с железякой лежало!

— Здорово! — вырвалось у Ивана Алексеевича.

Зяблов, наслаждаясь его удивлением, нагнулся и извлек

из-за голенища нож со знакомой рукояткой из мамонтовой кости.

— Там же нашел. Нож больно хорош, как бритва острый, зверя им только и разделывать.

Пораженный Иван Алексеевич переводил взгляд с ножа на патроны, с патронов на «вкладыш». Потом аккуратно ссыпал патроны обратно в мешочек, завязал. Вместе с ножом и «вкладышем» убрал в стол.

— Сейчас уже поздно. Завтра с утра отнеси к Чибисову. Расскажи, где и как нашел. А теперь давай спать.

Он принес из чулана раскладушку, устроил Зяблову постель. Тот сразу, едва коснувшись подушки, засопел. Иван Алексеевич с полчаса поворочался и тоже уснул.

ГЛАВА 12

Чибисов приехавшего товарища устроил у себя в горнице.

— Дом приезжих на ремонте. Да и спокойнее у меня будет!

Сводил в баню, где нагнал такого пара, что, ошалев от жары, сам еле добрался до предбанника. Однако Самохин, взобравшись на полок, блаженно крякал и упрашивал:

— Подбавь, Захарыч, еще парку! Давненько в настоящей бане не парился. Благодать какая!

После бани перекусили и до самого отхода ко сну гоняли чаи, беседовали вполголоса.

На другой день Чибисов с приехавшим следователем, пригласив Козырькова, закрылись в кабинете.

Первым заговорил Самохин:

— Я должен сообщить вам, товарищи, что предварительное следствие по убийству Верескова и разбойному нападению на его дочь закончено. Оба преступления совершены одним лицом — военным преступником Чеканом, известным вам под именем Ковалева. Если экспертиза «вкладыша» и патронов подтвердит, что именно с их помощью были со-

вершены преступления, можно будет предъявить Ковалеву обвинение и в ограблении лесничества. Улика налицо — нож, похищенный у Левашова.

— Хочу добавить, что следствию помогли ваши логические рассуждения о личности преступника и возможных мотивах преступлений, — продолжал Самохин. — В основе этих мотивов тот список, что найден Views Вересковой в блокноте отца. Как вы знаете, в списке значится головка бандеровского отряда Малюги. Трое, в том числе сам Малюга, были лично уничтожены комбатом Вересковым. Трое расстреляны по приговору трибунала. Против этих шести фамилий и стоят кресты. Галочкой же отмечены бандеровцы, осужденные на разные сроки заключения. Все это тщательно проверено по архивам.

Выяснено также, что Чекан, фамилия которого значится в списке под номером двенадцать, успел скрыться. Встал вопрос: не его ли имел в виду Вересков? Снова пришлось рыться в архивах. Оказалось, что наши оперативники шли за ним буквально по следу. В Гомеле он исчез. Через два месяца в районе Киева был выловлен из воды труп. В заколотом кармане пиджака обнаружили документы на имя Чекана.

Самохин сердито фыркнул. Попросил у Чибисова папиросу. Несколько раз глубоко затянулся и спросил:

— Встречали когда-нибудь человека, носящего в кармане документы, тщательно завернутые в прорезиненную ткань? Мне не приходилось! Ясно, что это было сделано специально, но следователь районной прокуратуры клюнул на эту приманку. Тем более что труп был изуродован пароходным винтом и опознание производилось только по документам. Без долгих раздумий следователь закрыл дело и сдал в архив.

— Как же вы все это раскопали? — удивился Чибисов.

— Листок из блокнота Верескова навел на размышления. А разыскать материал в архиве большого труда не составило. Когда с ним ознакомились, возникло подозрение,

что Чекан подсунул убитому им человеку свои документы, а сам воспользовался чужими.

В деле банды Малюги имелась фотография Чекана. Когда сличили ее с фотографией, изъятой вами из личного дела Ковалева, стало ясно, что это один и тот же человек, хотя прошло более двадцати лет.

— Меня одно удивляет, почему он выбрал профессию учителя? — развел руками Чибисов. — По характеру и склонностям это явно не подходило ему.

— Э-э, нет! Тут был тонкий расчет. Кому придет в голову, что под личиной сельского учителя скрывается враг? Жизнь в городах, работа на предприятиях, в сфере обслуживания, где человек сталкивается со многими людьми, всегда таят угрозу опознания. А в деревенской тиши эта угроза сводится до минимума.

— Выходит, только случайность встречи с Вересковым помогла его обнаружить.

Самохин потер ладонью лоб.

— Ну, рано или поздно мы все равно вышли бы на него. Даже если б он сразу скрылся после убийства Верескова. Он отлично понимал, что его отъезд может привлечь к нему внимание, поэтому и остался. А потом у него возникли сомнения — не мог ли Вересков поделиться своими подозрениями с друзьями и близкими?.. Сомнения переросли в панику, и он стал совершать одну ошибку за другой...

Когда поздней ночью поднятому с постели Ковалеву предъявили ордер на арест, он бессильно опустился на кровать и, вытирая со лба крупные капли пота, прошипел:

— Выследили, гады!..

ГЛАВА 13

Последние дни лета прошумели сильными ливнями. Вышла из берегов Шаманка, подобралась к пряслам, грозя затопить огороды. По утрам плыли над размокшей землей промозглые туманы.

В этой мокроте незаметно подкралась осень. Начали желтеть леса и падать первые листья. И вот когда все смирились с холодами и слякотью, снова стало припекать солнце. Прозрачным до синевы стало небо. Согревая душу теплом и светом, бродило по перелескам ласковое «бабье лето».

Высыпали крепкие красноголовики и опята. Вторично распустила, без времени, кремовые лепестки сон-трава, а среди побуревшей листвы черемух засияли белые кисти цветов. По утрам на лугах за Шаманкой булькали и чуфыкали косачи. Перемешались весна и осень! Редко приходилось видеть такое даже седым старожилам!

Иван Алексеевич опять целые дни пропадал в лесу, частенько ночуя на кордонах. Из лесхоза прислали рабочих и трактор. Работали так, что не просыхали рубахи. На лесосеках подготовили почву для посадок. Засеяли береговые склоны речушек семенами черемухи и рябины. Расчистили Гиблую елань, на которой, кроме редких пучков вейника, ничего не росло. В полусгнившие пни и колоды заложили семена кедра в гранулах из компоста.

— Вот и конец Гиблой елани! — произнес Иван Алексеевич, когда они с Зябловым, закончив работу, отпустили рабочих и присели на бугорок покурить. — Лет этак через пятнадцать кедры здесь человека с головой укроют. Только орехов нам не дождаться. Ничего! Твои внуки, Василий Иванович, погрызут их в свое удовольствие.

— Они, поди-ка, и знать не будут, кто старался для них!

— Мы его «Зябловским кедровником» назовем и на карте лесничества это название нанесем. У народа память долгая, запомнят!

Они еще посидели, покурили и пошли седлать коней. Стреноженные лошади стояли на обочине гари, в тени березок. Положив голову на спину зябловской кобылки, мерин, развесив уши, дремал. Заслышав шаги, кобылка заржала, а мерин, тряхнув гривой, неуклюже забрасывая связанные ноги, запрыгал навстречу хозяину.

Уже сидя верхом, Зяблов предложил:

— Тут недалеко до поколотой листвяны. Завернем? Покажу, где тайничок был.

По берегу лога они выбрались к кромке болота. Невысокие холмы, уходящие к горизонту, окаймляли его оранжевой лентой увядающих лесов. Кое-где синели острова, поросшие елью. Между ними кочки с россыпью красной клюквы. Всюду корявые стволики ольхи и березы.

Веяло от болота пугающей заброшенностью и неуютом. За это не любил их Иван Алексеевич, хотя строго охранял как составную часть леса, кормовую базу птиц, зверей да и человека. А самое главное — как резервуар влаги, расчетливо питающий ручьи и речки.

Разбитая и обожженная лиственница торчала на косогоре пугалом. Ее мертвый ствол с облупившейся корой напоминал скелет какого-то чудовища. Чуть ниже по склону — стена жестких, как проволока, высохших стеблей иван-чая. Под копытами коней стебли хрустели, устилая землю белыми султанами пушистых семян.

Иван Алексеевич остановил коня, вытащил из сумки блокнот, черкнул в нем для памяти.

— Как только промысловое хозяйство организуем, это болото сделаем заказником. Ягод и нам и птицам хватит. Охоту здесь запретим.

— Людей много потребуется. Откуда их взять?

— Леспромхоз уедет, местные все останутся. К нам работать пойдут. Часть леспромхозовской техники получим. На ноги встанем, свои машины заведем.

— Широко ты, Иван Алексеевич, размахнулся! Осилишь ли?

— Одному ничего не сделать. Все вместе поднимать будем!

То ли теплый солнечный день, удовлетворение ли от выполненной работы, или разговор с лесничим, а быть может, все вместе взятое пробудило у Зяблова желание поговорить.

— Вот живу я на отшибе. Иной раз неделями человека не вижу, словом перекинуться не с кем. Поначалу доволен был, душа отдыхала. А потом, как в норму вошел, потянуло меня к людям. До того дошло, что когда весной браконьера задержал, так обрадел, словно кровинушку свою встретил. Почитай, часа два с ним беседу вел, воспитывал.

— Потом отпустил с миром? — усмехнулся Иван Алексеевич.

Зяблов даже испугался.

— Как можно! Отвел с ним душу, а потом акт составил и ружье отобрал. Эх, и взъелся же он! Огорчил меня всякими словами, орал: «Какого черта ты мне уши заливал?» А я все равно рад! Ты что лыбишься? Поди думаешь, с чего это старый треплется? Да не такой уж я и старик. Мы с тобой почти одногодки, только жизнь меня шибко потрепала!

Зяблов замолчал. Щурил глаза, о чем-то думал. Наконец снова заговорил:

— Как там управляется Инга?

— Она молодец. Освоилась быстро, навела порядок. Затеяла питомник расширять. Уговорила лесхозовского тракториста вспахать гектар и все пни выкорчевать. Парень чуть не взвыл, когда она его работу забраковала и заставила переделать.

Зяблов хохотнул, тронул коня и, обернувшись, кинул на ходу:

— На таких бабенках мир и держится!

Мерин, гулко ухая копытами по каменистой дороге, шел крупной рысью. Иван Алексеевич всматривался вперед, чтоб не пропустить тропу, пересекающую дорогу.

Свороток он обнаружил легко. Возле него стоял новый, ошкуренный столб. А тропа, еле приметная раньше, расчищена.

«Молодец, Зяблов. Женить бы его. Сосватать какую-нибудь вдовушку, все не так одиноко мужику будет!»

Подумал о вдовушке и усмехнулся. Правда, усмешка получилась невеселая. Пришло недавно письмо от Татьяны Петровны, сообщила, что собирается замуж. Послал телеграмму, поздравил. Вот и все! Поставлена точка, по-телеграфному тчк...

На вершине склона Иван Алексеевич остановил коня, осмотрелся. Кругом, до самого горизонта, виднелись лесистые холмы. На западе, над каменной громадой горы, похожей на ощетинившегося зверя, догорала заря.

— Поехали! — дернул он повод. — Спешить надо, пока светло, на дальний кордон заглянем!

И конь словно понял его, с места пошел крупной рысью.

Федоров Л. А.

Ф33 Конец Гиблой елани. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1978.

192 с. с ил.

Новая книга уральского прозаика. Ее центральной темой является отношение человека к природе, к богатству родной земли. И в этом активном процессе труда, хозяйствования раскрываются характеры, судьбы нравственные ценности человека.

Ф $\frac{70803-080}{М158(03)-78}$ Р2

ИБ № 478

Леонид Александрович Федоров

КОНЕЦ ГИБЛОЙ ЕЛАНИ

Редактор С. В. Марченко
Художник Н. Н. Моос
Художественный редактор Ю. Н. Филаненко
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры А. Г. Богородская и М. А. Казанцева

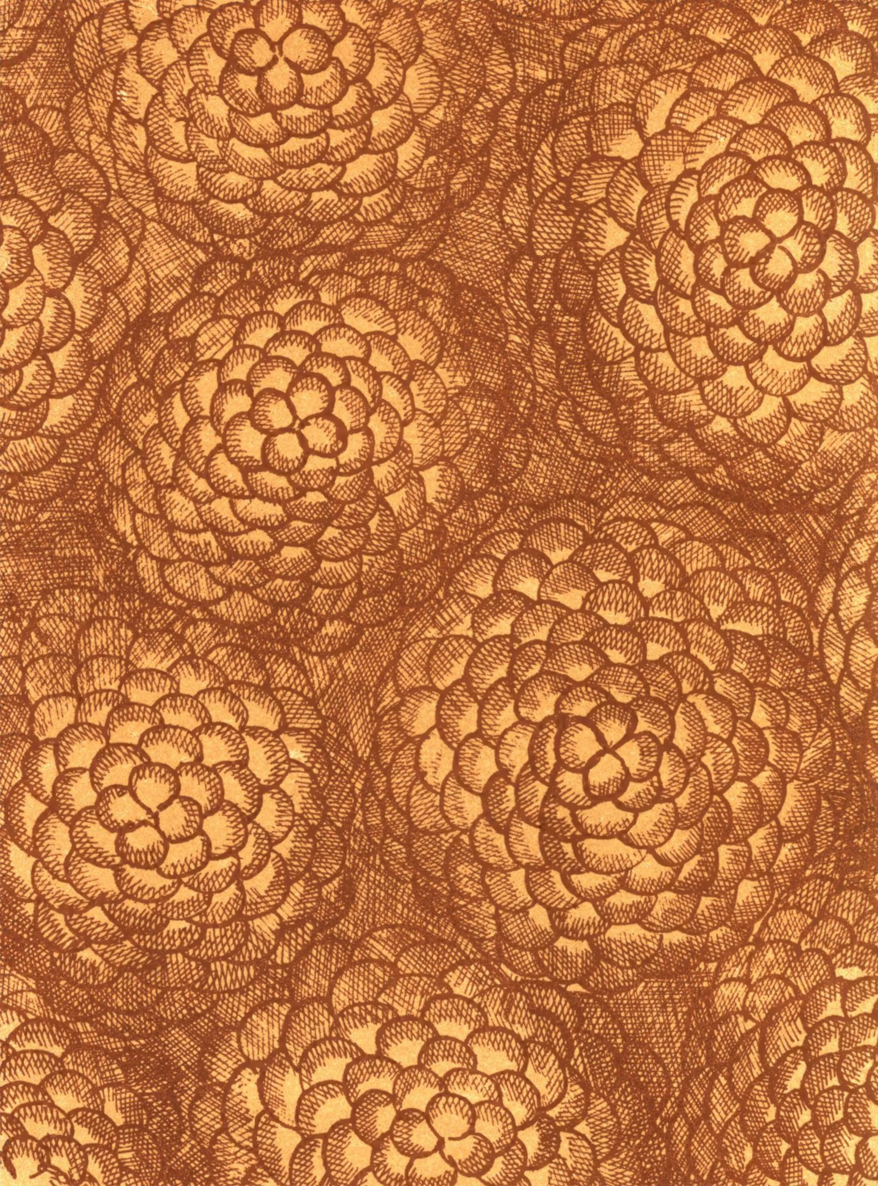
Сдано в набор 27/VII 1977 г. Подписано в печать 23/XI 1977 г. НС 34222. Бумага типогр. № 1. Формат 70×108[1]/32. Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 100 000. Заказ 471. Цена 45 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

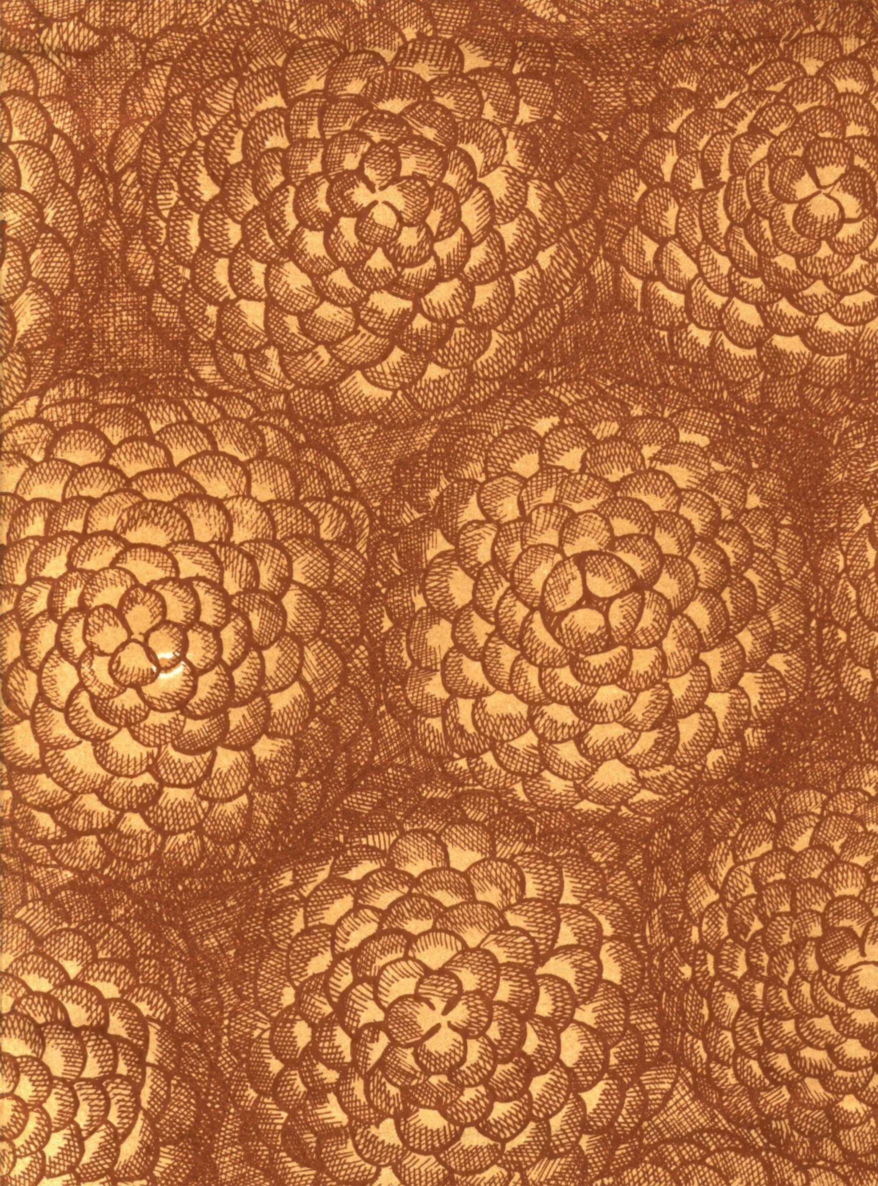
ураль

вляетс
том ан
судьбы

Р:

умага
0 000
. Ма-
а, 49.

45 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1978

Л. ФЕДОРОВ · КОНЕЦ ГИБЛОЙ ЕЛАНИ